

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Т. В. Дубровская

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ
«ОСУЖДЕНИЕ» И «ОБВИНЕНИЕ»
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Монография

Пенза
Издательство ПГУ
2014

УДК 808.5
Д79

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Английская филология» Волгоградского
государственного социально-педагогического университета

В. И. Карасик;

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Иностранные языки
и международная коммуникация»

Саратовского государственного технического университета
им. Ю. А. Гагарина

С. А. Рисинзон

Дубровская, Т. В.

Д79

Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и
английской лингвокультурах : моногр. / Т. В. Дубровская. –
Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

ISBN 978-5-94170-679-2

На современном материале публицистической, художественной
и разговорной речи исследуются речевые жанры «осуждение» и «об-
винение» в разных сферах русского и английского речевого общения.
На основе предложенной модели анализа речевых жанров выявляют-
ся общие и жанроразличительные для осуждений и обвинений харак-
теристики. Наряду с прагматическими и языковыми чертами отмече-
на национально-культурная специфика осуждений и обвинений в
русской и английской лингвокультурах.

Книга подготовлена на кафедре «Английский язык» Пензенского
государственного университета и предназначена для специалистов,
занимающихся вопросами теории речевых жанров, коммуникативной
лингвистики, лингвокультурологии, и всех интересующихся пробле-
мами функционирования языка.

УДК 808.5

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Пензенского государственного университета
(протокол № 14 от 2 октября 2013 г.)*

ISBN 978-5-94170-679-2

© Пензенский государственный
университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	5
Г л а в а 1. Проблемы изучения речевых жанров в современной отечественной и зарубежной лингвистике	9
1.1. Концепция речевых жанров М. М. Бахтина	10
1.2. Речевой жанр: модель, контекст, деятельность	12
1.3. Проблема монолога и диалога в теории речевых жанров	18
1.4. Речевой акт и речевой жанр	21
1.5. Развитие идей М. М. Бахтина	24
1.5.1. Эволюция речевых жанров	24
1.5.2. Типология речевых жанров	27
1.5.3. Жанр, стиль, регистр: о соотношении категорий в отечественной и зарубежной лингвистике	35
1.6. Стратегии и тактики в рамках речевого жанра	40
1.7. Оценочность как свойство человеческого мышления и отрицательно-оценочные речевые жанры	43
1.8. Методы исследования речевых жанров	53
1.9. Выводы	61
Г л а в а 2. «Осуждение» и «обвинение»: границы жанров, прагматические характеристики и языковое воплощение	63
2.1. Семантическое поле осуждения и обвинения	63
2.1.1. Семантика русской лексики со значением осуждения и обвинения: словарные дефиниции и ремарки-квалификаторы	63
2.1.2. Семантика английской лексики со значением осуждения и обвинения: словарные дефиниции и ремарки-квалификаторы	68
2.1.3. Семантические формулы осуждений и обвинений	74
2.2. Тип оценки как жанроразличительный признак осуждений и обвинений	75
2.3. Субъект осуждений и обвинений в разных типах дискурса	81
2.3.1. Статус субъекта отрицательной оценки	81
2.3.2. Эмоциональное состояние субъекта осуждений и обвинений	84
2.3.3. Субъект осуждений и обвинений в публицистическом дискурсе	87
2.4. Коммуникативная цель и мотивы осуждений и обвинений	96
2.5. Степень прямоты осуждений и обвинений и их влияние на межличностные отношения	108
2.6. Самоосуждения и самообвинения	112
2.7. Основания для осуждений и обвинений	120

2.7.1. Основания для обвинений	121
2.7.2. Основания для осуждений	133
2.7.3. Сопоставление оснований для обвинений и осуждений	141
2.8. Тактики осуждений и обвинений	144
2.8.1. Речевые тактики обвинения	144
2.8.2. Речевые тактики осуждения	152
2.8.3. Смещение тактик в отрицательно-оценочных высказываниях	157
2.9. Типы реакций на обвинения и осуждения	162
2.9.1. Отсутствие реакции	162
2.9.2. Вербально выраженные реакции на обвинения и осуждения.....	165
2.9.3. Специфические для обвинений типы реакций.....	173
2.9.4. Сопоставление реакций на обвинения и осуждения	179
2.10. Стилистические приемы как формы языковой реализации обвинений и осуждений	181
2.11. Выводы.....	187
Глава 3. Национально-культурная специфика речевых жанров «осуждение» и «обвинение»	189
3.1. Изучение национально-культурной специфики речевого общения в современной лингвокультурологии	189
3.2. Национальный характер и коммуникативное поведение	190
3.2.1. Особенности русского национального характера и коммуникативного поведения	192
3.2.2. Особенности английского национального характера и коммуникативного поведения	197
3.3. Эмоциональность русских и английских осуждений и обвинений	201
3.4. Категоричность русских и английских осуждений и обвинений	208
3.5. Сдержанность и корректность русских и английских осуждений и обвинений	218
3.6. Национальная специфика отрицательных самооценок в русской и английской речи	227
3.6.1. Ирония отрицательных самооценок в английской лингвокультуре	227
3.6.2. Моральное «самобитие» в русской лингвокультуре	230
3.7. Отрицательные оценки на основе «судейского комплекса» в русской лингвокультуре	234
3.8. Выводы.....	238
Заключение	240
Список литературы	245
Список исследованных материалов.....	268
Список сокращений.....	271

От автора

В основе настоящей книги лежит защищенная мною в 2003 г. кандидатская диссертация [47], но написание монографии откладывалось по ряду причин, в том числе по причине занятости новым увлекательным научным исследованием, посвященным судебному дискурсу, результатом которого стала моя докторская защита [50]. Отсрочка на несколько лет публикации работы о речевых жанрах «осуждение» и «обвинение» породила опасения о ее неактуальности. Конечно же, работа не могла появиться в печати в том виде, в котором она была защищена, и в нее были внесены значительные изменения и дополнения, которые в конечном итоге изменили первоначальный облик исследования.

Первая глава, обобщающая положения классических работ и результаты других исследований жанроведческой парадигмы, была значительно доработана с учетом появившихся в последнее десятилетие отечественных и зарубежных трудов.

Вторая и третья главы содержат большое количество речевых примеров, иллюстрирующих положения исследования, и изменения в этих главах коснулись прежде всего речевого материала, который был обновлен. Примеры художественной речи дополнены материалами из самых современных художественных произведений, а иллюстрации из печатных СМИ полностью заменены «свежими» речевыми примерами, авторами и действующими лицами которых являются ключевые фигуры последних лет. Интенсивное развитие в последние годы интернет-общения позволило найти и включить в работу показательные примеры жанров, авторами которых являются читатели интернет-версий газет. Несмотря на внесение некоторых изменений в классификации тактик, оснований и реакций, типичных для осуждений и обвинений, основные положения работы не потеряли своей актуальности.

Третья глава, исследующая жанры с лингвокультурологической точки зрения, дополнена ссылками на самые современные отечественные и зарубежные этнографические исследования. Больше внимания уделено национальной специфике отрицательных самооценок в русской и английской речи, открыты ее новые грани.

Выражаю благодарность рецензентам этой книги: доктору филологических наук, профессору В. И. Карасику и доктору филологических наук, доценту С. А. Рисинзон – за ценные замечания, сделанные в процессе подготовки монографии.

Введение

В течение последних двух десятилетий в отечественном речеведении сформировалась парадигма исследования языка в разных функциональных сферах, в основе которой лежит понятие речевого жанра. Жанроведение – именно такое название прочно закрепилось за этой парадигмой – охватывает весь круг проблем, связанных с исследованием жанровой организации речи. Речевые жанры и их специфика в различных сферах речевого взаимодействия исследуются в тесной связи с коммуникативными ситуациями, языковой личностью человека и культурной средой. Значительное количество работ, посвященных жанровым формам речи, кажется, способствует постановке все новых вопросов: о критериях выделения речевых жанров и их классификации; о влиянии лингвокультуры на языковые формы воплощения разных речевых жанров; о наборе жанров, характерном для той или иной сферы человеческой жизни.

Настоящая работа посвящена речевым жанрам «осуждение» и «обвинение» в различных функциональных разновидностях русской и английской речи. В качестве языкового материала были использованы тексты художественных произведений современных русских и английских авторов, газетные тексты последнего десятилетия (преимущественно 2011–2013 гг.) и фрагменты интернет-общения при обсуждении газетных публикаций (2013 г.), ручные записи разговорной речи, сделанные автором (2000–2013 гг.), а также материалы разговорной речи из книги «Речь москвичей» [73].

Основная цель исследования состоит в том, чтобы создать всестороннее описание речевых жанров «осуждение» и «обвинение», включая их прагматические характеристики и языковое воплощение, а также установить связь между национальным характером и теми особенностями коммуникативного поведе-

ния, которые проявляются в речевых жанрах «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурных общностях.

Представляется, что настоящая работа соответствует общей антропоцентрической и прагматической направленности современного языкознания, поскольку обращена к внеязыковым факторам коммуникативной ситуации, устанавливает связь между этими факторами и их речевыми проявлениями, наконец, исследует человека как отправителя и получателя речи в контексте данной лингвокультурной общности.

Надеемся, что решение таких исследовательских задач, как описание ситуаций, в которых говорящий использует жанры «осуждение» и «обвинение», определение границ рассматриваемых жанров и их жанроразличительных характеристик, выявление типичных для осуждений и обвинений средств языкового воплощения, установление специфики жанров в русской и английской речи, позволило дополнить картину речевого взаимодействия в разных сферах жизни русской и английской лингвокультурных общностей и внесло вклад в развитие отечественного речеведения, теории речевых жанров и лингвокультурологии.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения, а также списков литературы, материалов исследования и сокращений.

Глава 1

Проблемы изучения речевых жанров в современной отечественной и зарубежной лингвистике

Обобщающее название данной главы не предполагает ни в коем случае ее всеохватности, и мы не претендуем на представление в ней исчерпывающего обзора жанроведческих работ современности. Ставить подобные цели было бы с нашей стороны опрометчиво, поскольку их достижение представляется нам трудновыполнимым, если не сказать нереальным. Исследования разных речевых жанров (РЖ) настолько популярны и актуальны, что количество созданных в рамках отечественного и зарубежного жанроведения работ постоянно растет. Это объясняется несколькими факторами, на которые В. Е. Гольдин указывал в одном из первых изданий, посвященных вопросам жанроведения [29]. Во-первых, это общая направленность современного языкознания на анализ речи в прагматическом аспекте, на изучение языковой деятельности как части деятельности в широком смысле этого слова. Во-вторых, незамкнутость перечня жанров, различные толкования понятия РЖ, отсутствие универсальной классификации РЖ, неизученность отдельных РЖ открывают широкое поле деятельности для исследователей. Третьим фактором, стимулирующим жанроведение, является, по мнению ученого, стремление теоретиков осмыслить место жанроведения в ряду лингвистических дисциплин.

Широта и интенсивность проводимых исследований в области жанроведения привели к формированию в России нескольких центров (Москва, Саратов, Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Новгород, Омск, Орел), где успешно разрабатывается теория речевых жанров. Большой известностью пользуется сборник «Жанры речи», создаваемый представителями Сара-

товской лингвистической школы, новые выпуски которого появляются почти каждый год [52–59]. Кроме того, написаны обобщающие работы, систематизирующие имеющиеся достижения жанроведения [4; 32; 36; 125; 165; 167; 173; 177; 183; 197; 225; 229]. Вероятно, к моменту публикации этой книги появятся новые сборники и статьи, ссылки на которые следовало бы включить в данную монографию.

По вышеуказанным причинам в книге мы ограничиваемся тем, что перед анализом речевого материала обратимся к понятию речевого жанра, поскольку оно не всегда используется в одном и том же понимании разными учеными и нуждается в уточнении. Мы также представим основные подходы к изучению и классификации жанров в отечественной и зарубежной лингвистике, уделяя особое внимание работам, исследующим оценочные жанры. Определив свое понимание жанра, мы предложим вариант модели анализа речевых жанров.

1.1. Концепция речевых жанров М. М. Бахтина

Для отечественных исследователей жанрового аспекта речи ключевой работой, дающей основные теоретические предпосылки, была и остается работа М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [9]. В своей работе М. М. Бахтин указывает на тот факт, что начиная с античности изучались литературные жанры и их отличия друг от друга в пределах литературы, а также риторические жанры, при рассмотрении которых обращалось больше внимания на словесную природу жанров как высказываний. Однако в обоих случаях специфика литературных и риторических жанров заслоняла их общелингвистическую природу. Изучались также и бытовые речевые жанры (у Соссюра, американских бихевиористов), но это изучение ограничивалось спецификой устной бытовой речи, ориентировалось на примитивные высказывания. Таким образом, игнорировалась общелингвистическая природа высказывания.

Именно высказывание М. М. Бахтин ставит в основу своей концепции речевых жанров и называет его реальной единицей речевого общения, «ведь речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» [9, с. 263]. Высказывание, по М. М. Бахтину, обладает четкими границами, которые определяются сменой речевых субъектов, т.е. сменой говорящих. Смена речевых субъектов является первой особенностью высказывания как единицы речевого общения, отличающей его от единиц языка. Второй особенностью высказывания М. М. Бахтин называет завершенность (целостность), которую связывает с: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения. Через высказывание Бахтин дает свое определение речевого жанра. Использование языка происходит в форме конкретных высказываний участников определенной области человеческой деятельности. Высказывания отражают условия и цели общения содержанием, отбором грамматических средств и композиционным построением, которые определяются спецификой сферы общения. «Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [9, с. 250].

Чем же руководствуется говорящий при выборе речевого жанра? Прежде всего, речевым замыслом, который неразрывно связан с ситуацией общения, ее участниками и предшествующими высказываниями. Все эти факторы в совокупности влияют на выбор РЖ, и дальше речевой замысел приспособляется к избранному жанру и развивается в соответствующей жанровой форме. Подбор определенных типов предложений как единиц языка и их композиционных связей осуществляется с учетом целого высказывания, которое планирует говорящий, и жанра этого высказывания. Жанр планируемого высказывания определяет, по М. М. Бахтину, и выбор лексики. О выборе слов для построения высказывания М. М. Бахтин пишет: «Мы берем их

обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру, то есть по теме, по композиции, по стилю; мы, следовательно, отбираем слова по их жанровой спецификации» [9, с. 281]. Таким образом, М. М. Бахтин придает огромное значение в организации высказывания жанровым формам, которые «организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [9, с. 271]. Именно благодаря способности распознавать жанр, слыша чужую речь, коммуниканты с самого начала общения обладают ощущением речевого целого, без чего общение было бы не просто затруднено, а практически невозможно.

На основе наследия М. М. Бахтина, которое изучается и развивается отечественными и зарубежными лингвистами, формируются различные подходы к речевым жанрам в разных сферах коммуникации.

1.2. Речевой жанр: модель, контекст, деятельность

Т. В. Шмелева указывает на существование трех подходов к проблеме речевых жанров, осуществляемых в русистике [158]. Первый из них исследовательница обозначает как лексический. Он предполагает обращение к именам жанров, толкованию их семантики. Недостатком такого подхода Т. В. Шмелева называет невозможность составить на лексической основе полное и адекватное представление о речевом жанре. Одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей, в то же время один жанр может иметь ряд наименований. Вторым подходом является стилистический, связанный с традициями литературоведения. Третий подход – речеведческий. Основой такого подхода является убеждение, что речевой жанр – это особая модель высказывания, что в максимальной степени соответствует идеям М. М. Бахтина. В рамках такого подхода возможны исчисление моделей речевых жанров и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях. Речеведческий подход, учитывая достижения теории речевых актов и теории

жанров художественной речи, идет «от автора, его замыслов и предварительных условий общения к способам языкового воплощения РЖ, в которых для адресата закодирована вся необходимая для успешного общения жанровая информация» [158, с. 91]. Т. В. Шмелева утверждает, что говорить о речевой модели столь же правомерно, как и о языковой, и что существование речевых моделей не подвергается сомнению.

Понятие модели является центральным концептом теории речевых жанров. В. В. Дементьев пишет об общем для современного жанроведения понимании речевого жанра как типической модели порождения текста в типичных ситуациях [35, с. 22]. Т. В. Матвеева дает определение РЖ как «структурной модели речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов» [99]. А. Г. Баранов предлагает иерархию моделей, принадлежащих к различным уровням абстракции текстовой деятельности [8]. М. Ю. Федосюк определяет жанры как относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы текстов [147, с. 75] и, исследуя средства положительного и отрицательного речевого воздействия, использует модель речевого жанра, предлагаемую Т. В. Шмелевой [146].

Понятие модели фигурирует в концепции жанра многих зарубежных исследователей. Так, польский ученый Ст. Гайда различает жанр как элемент действительности, факт общественного сознания и инструмент научного описания [24, с. 23–24]. Ученый считает, что обиходное понятие жанра складывается под воздействием группы свойств текстов и в дальнейшем «жанр функционирует как горизонт ожиданий для слушающих и модель создания для говорящих, как существующий интерсубъективно комплекс указаний, регулирующих определенную сферу языковых поведений (текстов) и имеющих разную степень категоричности» [24, с. 24]. Ст. Гайда определяет жанр как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста. Во-вторых, этот термин также означает совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» [23, с. 104].

Дж. П. Джи использует для толкования понятия «жанр» следующую формулировку – «формы лингвистического моделирования с точки зрения типичных коммуникативных задач» [202] (*Перевод с английского здесь и далее автора. – Т. Д.*). Коммуникативная цель в сочетании с различными образцами структуры, стиля, содержания, предполагаемой аудитории составляют основу жанра в представлении известного жанроведа Дж. Свейлза [245, с. 58]. Отметим, что толкование Дж. Свейлза максимально приближено к бахтинскому и в сжатом виде отражает все аспекты, затронутые родоначальником отечественного жанроведения.

Жанр толкуется через понятие регистра представителями австралийской школы системной функциональной лингвистики М. Халлидеем и Р. Хасаном [207]. Ученые определяют регистр как конфигурацию смыслов, тесно связанную с определенной ситуативной конфигурацией, которая включает тему коммуникативной деятельности, участников и их взаимоотношения, роль языка, а также собственно лингвистические черты, выражающие эти смыслы. В свою очередь жанр в понимании М. Халлидея и Р. Хасана представляет собой схематичную структуру, последовательность целеориентированных шагов, в которой в ходе производства текста находит воплощение регистр [207, с. 53–68].

Понятие структуры лежит в основе определения жанра, данного Ч. Фергюсоном: «Тип сообщения, который постоянно повторяется в сообществе, <...> имеет тенденцию с течением времени приобретать идентифицирующую внутреннюю структуру, отличную от других типов сообщений, имеющих в репертуаре сообщества» [193, с. 18–21].

Очень емким является определение жанра, данное Т. Люкманном, который толкует коммуникативные жанры как социально сконструированные модели для решения повторяющихся коммуникативных проблем [220].

Как следует из представленных выше определений жанра, данных современными лингвистами, понятие модели или языковой структуры, возникающей в результате неоднократного повторения коммуникативной ситуации, является ключевым для понимания природы жанра.

Для исследователей РЖ понятие модели неразрывно связано с **коммуникативным контекстом**, в котором эта модель формируется и который включает не только конкретную ситуацию, но и более широкий социальный и исторический контекст. К. А. Долинин, объясняя свое понимание жанра, тесно связывает РЖ с понятием модели, указывая на то, что жанры – это «реально присущие речевой компетенции носителей языка образцы (модели) говорения и письма» [40, с. 8]. Ученый считает, что РЖ как стереотип речевого поведения возникает при повторении определенного сочетания параметров коммуникативной ситуации.

Е. А. Земская считает необходимым рассматривать жанры речи в непосредственной связи с коммуникативной ситуацией, поскольку адекватная коммуникация должна строиться в соответствии с особенностями ситуации и характером отношений между партнерами коммуникации [61, с. 43].

На важность коммуникативного контекста при выделении РЖ и построении их типологии указывают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова. Среди выдвигаемых ими теоретических предпосылок находим утверждение о том, что «жанры, реализуясь в определенных коммуникативных ситуациях, соотносимы с КА (коммуникативным актом) и являются его текстовым воплощением» [73, с. 24]. Типология жанров речи должна, по их мнению, базироваться на типологии ситуаций. Определенному типу ситуации соответствует свой набор жанров, которые различаются жанровыделяющими признаками. Задачей исследователей и является «из всего набора параметров КА выбрать те, которые являются жанровыделяющими» [73, с. 24]. Весь комплекс признаков, характеризующих КА, исследовательницы группируют по четырем основным параметрам, которые формируют любую коммуникативную ситуацию: время, место, партнеры коммуникации, тема.

Изучение ситуаций речи, в которых формируются те или иные речевые жанры, актуально и для зарубежной лингвистики. Ст. Гайда констатирует, что «почти все новые концепции жанра разработаны на базе теории коммуникации, причем условием построения систематической теории жанра явилась типология ситуаций речи» [24, с. 25].

Авторы англоязычных работ также отмечают ситуацию как принципиальный фактор в формировании жанра. К. Миллер, обращаясь к риторической традиции в исследовании жанров, пытается связать ее с социальной природой жанра и определяет жанры как «типичные риторические действия на основе повторяющихся ситуаций» [222, с. 159]. Ч. Базерман указывает на многомерность жанра и его богатые многомерные ресурсы, которые помогают нам помещать наши дискурсивные действия в контекст высокоструктурированных ситуаций [168]. На тот факт, что жанры могут в той или иной степени быть связаны с определенными типами коммуникантов и ситуативных контекстов, указывает Р. Бауман [166, с. 749]. В своей работе ученый представляет широкое понимание контекста, который включает сферы деятельности, институты, ситуативные контексты. Характеризуя составляющие контекста в широком понимании, Р. Бауман пишет: «Все эти конструкты являются устоявшимися социологическими, антропологическими и феноменологическими инструментами (frames of reference), которые позволяют принять во внимание взаимосвязь целенаправленной деятельности, социальной организации и культурных образований» [166, с. 754].

Как видно, для большинства исследователей коммуникативный контекст, ситуация взаимодействия прочно ассоциируются с осуществляемой человеком в этом контексте деятельностью. **Понятие деятельности** является еще одним ключевым концептом в жанроведении наряду с моделью и контекстом. Отечественные ученые отмечают тесную связь ситуации, речевого и неречевого поведения, деятельности человека. В. Е. Гольдин, соотнося понятие жанра с такими общими формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок, исходит из идеи единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности. Ученый считает перспективным «изучение параллелизма коммуникативных и некоммуникативных событий, действий, поступков, результатов, коммуникативных и некоммуникативных фреймов» [28, с. 23]. Он связывает категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события и приходит к выводу, что «имена речевых жанров образуют в языке особую лексическую группу, единство и внут-

решения организация которой определяются закономерными отношениями сторон и компонентов человеческой деятельности как целого» [28, с. 33].

К. Ф. Седов указывает на первичность социального невербального поведения в понимании феномена речевого жанра и определяет РЖ как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [126, с. 11]. Он считает уместным говорить о жанрах поведения, которым соответствуют те или иные РЖ.

Американские ученые объясняют, как жанр помогает ориентироваться в огромном количестве высказываний, и считают, что жанр сам представляет информацию, в том числе и о сфере деятельности: «Узнаваемые различия между типами текстов помогают нам ориентироваться среди того, что может показаться огромной вселенной языковых высказываний. Узнавание жанра ориентирует нас не только на тип текста, но и на сферу деятельности, в которой он оперирует, на действия, которые обычно осуществляются этими текстами, на информацию, воздействие и обычно реализующиеся отношения, на допустимую для аудитории роль, на наиболее удобное использование данного текста и на обычные средства толкования текста... Жанр помогает поместить текст в некоторые знакомые социальные условия и типы деятельности» [169]. В другой работе Ч. Базерман использует несколько иную, более лаконичную, формулировку, чтобы констатировать связь жанра и человеческой деятельности: «Жанры – это не просто формы. Жанры – это формы жизни, способы бытия. Это рамки для социального действия» [168, с. 19].

С практической деятельностью человека связывает свое понимание жанра В. Хэнкс, определяя жанр как относительно устойчивый, заготовленный заранее аспект практической деятельности, к которому имеют доступ участники коммуникации, когда они включаются в процесс взаимодействия и поддерживают его [208, с. 233].

Схематичность жанра и его обусловленность видом деятельности подчеркиваются в определении жанра, данном американцем Дж. Гиббонсом: «Жанр – это общий план для дискурса определенного типа, который состоит из упорядоченной

последовательности шагов или стадий, через которые проходят люди, вовлеченные в определенную социальную деятельность» [204, с. 11]. Из этого определения ясно, что жанр для Дж. Гиббонса – это некая схема, по которой строится дискурсивная деятельность и которая получает конкретное наполнение в определенной ситуации.

Таким образом, исследование модели РЖ в тесной связи с элементами коммуникативной ситуации и человеческой деятельности в целом обеспечивает теоретическую основу для всестороннего изучения РЖ.

1.3. Проблема монолога и диалога в теории речевых жанров

Нельзя оставить без внимания тот факт, что многие исследователи используют термин «речевой жанр» не в собственно бахтинском понимании. М. М. Бахтин называл речевыми жанрами типы высказываний, причем высказывание должно обладать завершенностью и принадлежать одному речевому субъекту. Между тем современные ученые предпочитают обозначать термином «речевой жанр» не типы высказываний, а типы текстов. Тогда понятие РЖ включает и диалогические тексты, которые уже давно исследуются в рамках теории жанров речи.

Н. Д. Арутюнова обращается к типам диалога [6]. Л. А. Капанадзе включает в малые жанры не только реплики, но и микродиалоги [64]. Речевыми жанрами называют ссоры, разговоры по душам, дискуссии, дружескую беседу, сплетни, экзамен, разговор в бане и др. [37; 25; 114; 102; 127]. Диалогические жанры сферы массовой коммуникации становятся предметом анализа в ряде работ [43; 215; 216]. Американские исследователи жанров научного журнала среди прочих называют интервью и диалог [203]. В числе жанров институциональной сферы рассматриваются диалогические жанры судебного допроса и допроса в полиции [42; 46; 87; 88; 204; 210; 212; 221]. Ученые обращались и к другим жанрам, предполагающим при реализации

неоднократную смену речевого субъекта, что противоречит определению РЖ, данному М. М. Бахтиным.

Поскольку диалогическая речь составляет большую часть речевого общения, вполне закономерно, что диалог включен в сферу интересов речеведения. Сетуя на то, что из поля зрения как теории речевых актов, так и концепции М. М. Бахтина выпал диалог, А. Г. Баранов предлагает спасти «диалог как первичный в генезисе тип текста», развив рубрикацию речевых жанров М. М. Бахтина. В разделении, представленном А. Г. Барановым, первичные (простые) речевые жанры близки речевым актам, а первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту [8, с. 8].

Свое решение проблемы предлагает М. Ю. Федосюк, полагая более удобным считать РЖ типами текстов (тогда они включают и монологическую, и диалогическую речь), а среди РЖ выделить элементарные и комплексные. В составе элементарных РЖ отсутствуют компоненты, которые могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Комплексные РЖ, включающие монологические и диалогические тексты, состоят из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра [148]. Таким образом, классификация жанров на элементарные и комплексные служит для решения общих вопросов теории РЖ.

К. Ф. Седов выделяет жанровые образования разного объема, среди которых:

- гипержанры, т.е. речевые формы, объединяющие в своем составе несколько жанров;
- собственно жанры;
- субжанры, одноактные высказывания, входящие в состав жанров на правах тактик [126, с. 17–18].

В данном списке только субжанр предполагает отнесенность высказывания к единому субъекту, тогда как собственно жанр вполне может представлять собой диалогический текст.

Заметим, что понятие субжанра (subgenre) используется и американскими учеными [203], но принцип выделения субжан-

ра иной, чем в отечественной литературе, и не связан как-либо с объемом или сменой речевого субъекта. Р. Гефарт и его соавторы выделяют субжанры в зависимости от создаваемого автором типа адресата, получателя жанра. Так, жанр эссе представляет собой письменное изложение, посвященное ряду связанных вопросов, тем. Эссе адресованы широкому кругу хорошо осведомленных лиц с соответствующими интересами и знаниями. Среди субжанров эссе авторы называют «теоретическое эссе, которое создает читателя, нуждающегося в обзоре литературы, теории или некоторых базовых знаниях; концептуальное эссе, которое обращено к читателям, интересующимся определенной концепцией или идеей; полемическое эссе, в котором автор последовательно отстаивает определенную позицию и склоняет адресата на свою сторону; эссе из личного опыта, в котором автор суммирует опыт, полученный в течение жизни. Эссе из личного опыта создают адресата, ищущего доверительные, тайные идеи, которым обычно нет места на страницах научного журнала. Эссе из личного опыта включают педагогические эссе, создающие читателя-ученика; эссе критических признаний, сообщающие об отрицательном и неприятном опыте и создающие небезразличного читателя; эссе о путешествии, представляющие читателя в качестве будущего путешественника, который, возможно, не был в каком-то месте и хочет узнать о нем» [203, с. 248]. Видим, что субжанр выступает в данной работе как разновидность жанра, но вопрос о смене речевого субъекта в этой связи не затрагивается.

Присоединяясь к точке зрения, высказанной М. Ю. Федосюком, мы считаем РЖ типами текстов, включая монологические и диалогические тексты. Деление РЖ на элементарные и комплексные позволяет исследовать жанровые образования разного объема и разной структуры. Оно дает возможность изучать диалогические тексты как целостные образования, т.е. в качестве комплексных жанров, или при необходимости разложить диалоги на элементарные составляющие и рассмотреть их взаимосвязь в составе комплексного жанра.

1.4. Речевой акт и речевой жанр

Вопрос о соотношении речевого акта (РА) и РЖ – другой важный теоретический вопрос, широко обсуждаемый в отечественной лингвистике, решение которого определяет способы исследования речевого материала и влияет на развитие теории речевых жанров в целом. По замечанию О. Б. Сиротининой, РА и РЖ не всегда отчетливо разграничиваются; отождествление двух понятий ведет к логическому выводу о ненужности понятия РЖ, поскольку последний представляется в таком случае лишь отечественным аналогом зарубежного речевого акта [135, с. 26]. Однако многие отечественные ученые не считают РА и РЖ явлениями идентичными, хотя не отрицают связи между теорией речевых актов (ТРА) и теорией речевых жанров (ТРЖ) и полагают возможным использовать достижения ТРА для развития ТРЖ.

А. Г. Баранов указывает на такое достижение ТРА, как создание стройного научного аппарата анализа высказываний [8, с. 7]. М. Ю. Федосюк видит достоинство ТРА в детальной разработанности ее терминологии [148]. Т. В. Шмелева отмечает, что лексический подход к изучению РЖ тесно связан с ТРА, основанной на анализе употребления глаголов речи [158]. Исследовательница строит модель РЖ в речеведческом русле, но и ее модель подвергается критике со стороны, например, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, которые усматривают в концепции Т. В. Шмелевой «определенный изоморфизм между жанром и речевым актом», поскольку у нее «речевой жанр представляет собой текстовое воплощение речевого действия одного из ПК (партнеров коммуникации)», а диалог как РЖ оказывается несуществующим [73, с. 23].

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова считают невозможным отождествлять РА и РЖ, поскольку это явления разного порядка: «Если РА, являясь речевым действием одного из ПК, относится к самому процессу коммуникации, то жанр представляет собой ее продукт, текстовое воплощение» [73, с. 25]. Это важное различие между РА и РЖ подчеркивает М. Ю. Федосюк. Он пишет, что ТРЖ «концентрирует свое внимание на

типах текстов, а не действий, как это делает теория речевых актов...» [149, с. 60]. В то же время исследователь не отрицает близости двух теорий по своей проблематике и идеям. К. А. Долинин, противопоставляя речевой жанр речевому акту, связывает РЖ не с речевыми действиями, которые могут быть реализованы в одном элементарном высказывании, а с текстами или отрезками диалога, которым присуща тематическая и/или логико-прагматическая завершенность [40, с. 8].

Подробное сопоставление речевого жанра и речевого акта является предметом статьи М. Н. Кожинной [79]. Автор отмечает следующие общие для ТРА и ТРЖ моменты: речеведческий аспект теории языка, изучение РА и РЖ в контексте экстралингвистических факторов, динамический аспект – РА и РЖ предстают как звенья процесса языкового общения и речевой деятельности. Главное отличие ТРЖ от ТРА состоит, по мнению М. Н. Кожинной, в том, что «в трактовке речевого общения и его единиц он (Бахтин) стоит на социологических позициях, а не психологических (как это представлено в ТРА)» [79, с. 55–56]. Социологический подход ведет к тому, что акцентируется диалогическая природа коммуникации и на первый план выходит взаимодействие коммуникантов, в то время как ТРА выдвигает на первый план воздействие говорящего на адресата. Другим существенным отличием ТРЖ от ТРА является включенность в нее стилистического аспекта речевых форм.

Также принято противопоставлять РА и РЖ с точки зрения объема, хотя это противопоставление является в значительной мере следствием сложившегося стереотипа, связанного с восприятием РА как короткого, однофразового высказывания. А. Вежбицка указывает на фактическую количественную неограниченность РА по своему определению. Между тем именно короткие высказывания привлекали внимание ученых, в результате чего «исследование речевых действий человека часто превращается ... в исследование типов предложений...», – пишет А. Вежбицка [12, с. 101]. Исследование типов предложений не может дать полной картины универсума речи. Следовательно, необходима отличная от РА единица речи, и такой единицей А. Вежбицка называет речевой жанр.

Ст. Гайда считает ТРА недостаточной для исследования прагматической стороны языка. Анализируя ТРА и ТРЖ, он делает вывод, что ТРА «не выходит за пределы моментальных интенций отправителей. Она не дает исследователю инструментария для описания длительных, устойчивых намерений и установок, стратегий». Именно жанр «существует как некое единство, образец, в котором связаны познавательно-аксиологические, коммуникативно-прагматические и структурно-языковые категории» [23, с. 104].

Многие исследователи понимают РЖ как более сложное речевое образование по сравнению с РА. М. Н. Кожина характеризует РЖ как «более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Вторичные же РЖ могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями» [79, с. 58–59]. У О. Б. Сиротининой читаем: «В отличие от речевого акта речевой жанр может быть выражен рядом предложений, т.е. рядом речевых актов <...>, но в восприятии адресата оставаться одним речевым жанром» [135, с. 27].

Вопрос о соотношении РЖ и РА остается открытым, поскольку учеными не выработано единого подхода, четко разграничивающего РА и РЖ. Тем не менее жанроведы могут использовать значительные достижения ТРА. Кроме упомянутых стройного научного аппарата и разработанности терминологии, достоинство ТРА состоит в том, что в ней затронут ряд важных вопросов, связанных с изучением речевой деятельности. На выделенные в рамках ТРА иллокутивные силы – ассертивную, коммисивную, директивную, декларативную, экспрессивную – и соответствующие этим силам классы РА [133, с. 252–255] жанроведы опираются при описании коммуникативных целей РЖ и построении типологии РЖ, основанием которой является коммуникативная цель. Подробное изучение перформативных РА [112; 132; 15] способствует в значительной степени пониманию того, как функционирует в форме перформативов РЖ и когда перформативные РЖ невозможны. И. М. Кобозева отмечает «большое прикладное значение проблемы типологии коммуникативных неудач, в решение которой ТРА внесла вклад своей классификацией неудач перформативных высказываний» [76, с. 20].

1.5. Развитие идей М. М. Бахтина

В своей работе М. М. Бахтин не только дал определение РЖ и указал на важность жанровых форм для речевого общения, но и обрисовал обширный круг проблем, связанных с РЖ и нуждающихся в глубоком и подробном изучении. Неудивительно поэтому, что труд М. М. Бахтина и по сей день служит ориентиром для жанроведов, а идеи, почерпнутые у родоначальника теории РЖ, получают новое толкование и дальнейшее развитие. Кратко рассмотрим основные проблемы теории РЖ, поднятые М. М. Бахтиным и исследуемые современными лингвистами.

1.5.1. Эволюция речевых жанров

Социальная природа РЖ, на которую обращал внимание М. М. Бахтин, имеет два аспекта рассмотрения. С одной стороны, сама жизнь общества, **социальная среда** обуславливает набор используемых речевых жанров. «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка», – читаем у Бахтина [9, с. 256]. Ученый считает, что существует необходимость специальной разработки истории речевых жанров, которые отражают происходящие в общественной жизни изменения.

Диахроническое изучение конкретных РЖ прослеживается в некоторых работах современных лингвистов. Изменению облика светской беседы и той роли, которую она играла в русском обществе в различные исторические периоды, посвящена работа Т. А. Милехиной [101]. Доминанты светской беседы в прошлом и современности рассматривает В. В. Дементьев [33]. И. А. Тарасова обращается к культурным трансформациям в рамках жанра «поэтическое послание» [142].

В работах зарубежных ученых также обнаруживается понимание того, что речевые жанры являются посредниками между индивидуумами, участниками деятельности в конкретной ситуации, и более широким культурным, историческим и соци-

альным окружением, частью которого эта ситуация является. Высказывается соображение, что РЖ являются по сути социокультурными и поэтому передают социокультурную информацию в область мысли [258, с. 77]. Исследователь языка юридической сферы П. Тиерсма изучает жанр письменных юридических документов в Англии с исторической точки зрения и анализирует процесс его эволюции во времени [246; 247]. Эволюция жанра научной статьи с 17 века до наших дней становится предметом рассмотрения американских исследователей [205].

Проявлением эволюции и трансформации жанров можно, на наш взгляд, считать такое явление, как взаимодействие жанров. Н. А. Николина в своей работе выделяет несколько типов межжанрового взаимодействия, которое «играет важную конструктивную роль в построении текстов и их интерпретации» [107, с. 83]. Особенно характерно межжанровое взаимодействие для вторичных жанров (в понимании М. М. Бахтина). Н. А. Николина называет следующие типы межжанрового взаимодействия: жанровое включение, жанровая контаминация, жанровая транспозиция, трансформация монологического жанра в диалогический, пародийная жанровая стилизация.

Американские исследователи жанров научного журнала также указывают на факт существования таких статей, которые «перекрывают» жанр и включают черты более чем одного жанра [203]. Поэтому ученые видят свою задачу в дальнейшем развитии концепции жанра и исследовании того, как элементы различных жанров взаимодействуют в рамках одной статьи.

С социологической точки зрения рассматривает проблему межжанрового взаимодействия Н. Фэрклоф, который отмечает, что в периоды быстрых социальных трансформаций возникает напряжение между двумя разнонаправленными тенденциями: тенденцией к стабильности и тенденцией к изменениям [192, с. 66]. Трансформации социального контекста приводят к появлению новых жанров, которые возникают в результате смешения уже существующих и отражают изменения социальных практик.

По мнению автора, изучение типов межжанрового взаимодействия является перспективным направлением в рамках

теории речевых жанров. Существует множество образцов речи, которые не могут быть охарактеризованы как тот или иной жанр. Вероятно, в ряде случаев спорный образец может быть отнесен к результатам межжанрового взаимодействия.

Другой стороной динамической природы РЖ можно считать накопление социального опыта конкретным человеком, языковой личностью. М. М. Бахтин утверждает, что мы овладеваем родным языком через конкретные высказывания, которые мы слышим и сами воспроизводим: «Формы языка и типичные формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом» [9, с. 271]. Над намеченной М. М. Бахтиным проблемой становления жанрового мышления языковой личности размышляет К. Ф. Седов. В работе «Анатомия жанров бытового общения» он очерчивает проблему онтогенеза жанрового сознания, указывая на тот факт, что в современной науке данная проблема никогда не ставилась [126, с. 19]. По мнению ученого, языковая личность сначала овладевает преджанровыми формами, которые он называет протожанрами. В дальнейшем ребенок овладевает жанрами, свойственными его уровню социально-психологического развития. В ходе формирования языкового сознания ребенка жанровые стереотипы изменяются: ранее актуальные жанры могут уступить место другим жанрам, уже сформированные жанровые формы способны развиваться или, наоборот, стираться в сознании за ненадобностью [126, с. 20]. Проблема эволюции жанрового мышления языковой личности подробно исследовалась К. Ф. Седовым в других работах [131; 128; 130].

Специфике развития жанровых форм в речи дошкольников уделяют внимание другие отечественные ученые [108; 85; 86]. О. В. Кошечева приходит к выводу, что «в речи детей дошкольного возраста преобладают первичные жанры лично-ориентированного бытового общения, овладение которыми происходит бессознательно, подобно овладению родным языком <...> Становление речевых жанров в дошкольном возрасте характеризуется расширением жанрового репертуара повседневной коммуникации, что неразрывно свя-

зано с обогащением социального опыта ребенка, появлением в речевой деятельности некоторых официальных жанров речи. В дошкольном возрасте происходит знакомство ребенка со статусно-ролевой природой общения и его подготовка к освоению норм и правил речевого оформления типических ситуаций взаимодействия людей в обществе» [85, с. 180].

В зарубежной психолингвистике исследования жанровых форм в речи детей начали проводиться несколько раньше, и уже в 80–90-е гг. был создан ряд работ на тему влияния речи родителей на становление мышления и речи детей. Авторы многих из них изучают, как речевые жанры, используемые родителями в ходе совместной с детьми деятельности, влияют на результат деятельности и использование детьми речи в неофициальной обстановке [171; 233; 234]. Проблема жанрового мышления в онтогенезе представляется широким полем деятельности для современных жанроведов и психолингвистов.

1.5.2. Типология речевых жанров

Еще одной проблемой, на необходимость исследования которой обратил внимание М. М. Бахтин, является изучение многообразия жанровых форм и построение типологии РЖ. О причине многообразия РЖ ученый пишет: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [9, с. 250]. Ученый подчеркивает крайнюю разнородность РЖ, в список которых входят среди других реплики бытового диалога, бытовой рассказ, письмо, стандартная военная команда и развернутый приказ, публицистические и научные выступления, а также все литературные жанры. Крайняя функциональная разнородность РЖ, наличие устной и письменной форм существования и резкое различие в размерах приводят к тому, что «в одной плоскости изучения оказываются разнообразные явления». Этим М. М. Бахтин и объясняет неисследованность жанровых форм.

Проблема классификации всего разнообразия речевых жанров остается актуальной для современной лингвистики. Главная трудность при составлении типологии – поиск адекватного основания. М. М. Бахтин пишет: «Номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» [9, с. 273]. Перечисляя многочисленные речевые жанры и указывая на их безграничное многообразие, М. М. Бахтин не предлагает классификации жанров по различным критериям, но обращает внимание на существенное различие между **первичными** (простыми) и **вторичными** (сложными) речевыми жанрами. Различаются не функции, а способ формирования этих жанров. Первичные складываются в условиях непосредственного речевого общения. Например, реплики бытового диалога. Вторичные жанры – романы, драмы, научные исследования и т.д. – являются своего рода синтезом первичных, которые трансформируются, утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и сохраняют свою форму и значение только в составе сложного жанра. Указывая на сложное взаимоотношение первичных и вторичных жанров, М. М. Бахтин считает необходимым избегать односторонней ориентации на первичные жанры и изучать все многообразие жанровых форм высказываний. Разделения жанров, по М. М. Бахтину, на первичные и вторичные до сих пор придерживаются не только отечественные, но и зарубежные ученые, обозначая их соответственно **primary** и **secondary genres** [203, с. 248].

Современные исследователи предлагают другие типы классификаций РЖ на различных основаниях.

Е. А. Земская обращается к традиционным, простейшим и вместе с тем основным, по ее мнению, признакам, на основе которых выделялись жанры устной речи. Такими признаками являются **число партнеров коммуникации** (два/более двух) и **смена ролей** (говорящий/слушающий) либо отсутствие такой смены. Соответственно выделялись жанры: диалог (два партнера коммуникации, мена ролей обычна), полилог (более двух партнеров коммуникации, мена ролей обычна); рассказ (число партнеров коммуникации два или более, мена ролей отсутствует) [61, с. 42]. Е. А. Земская выделяет также городские стерео-

типы, т.е. клишированные РЖ, привязанные к частотным ситуациям, и формулы речевого этикета. Нетрудно заметить, что все богатство существующих в устной речи жанров невозможно описать и классифицировать с помощью только двух признаков. Должны быть использованы и другие критерии, по которым определялись бы тип ситуации, в которой происходит общение, особенности общения, характеристики коммуникантов. Это понимает и сама исследовательница, предлагая список существенных признаков, влияющих на жанровую дифференциацию: характер коммуникации (официальная/неофициальная), вид коммуникации (личная/публичная), иллюкутивная сила, число участников, вид адресата, типическая концепция адресата (равный/подчиненный, женщина/мужчина, ребенок/старик, коллега/неспециалист и т.п.), обращенность к адресату/отсутствие обращенности, активность/пассивность адресата [61, с. 43]. Ученый также предполагает, что наблюдаются определенные различия в построении жанров в зависимости от признаков говорящего субъекта. Е. А. Земская признает данный список открытым и высказывает убеждение, что разработать полный список существенных признаков жанра и их иерархическую организацию является важной задачей, и выполнение этой задачи возможно только при накоплении фактического материала.

Т. В. Шмелева выбирает в качестве основания своей типологии **коммуникативную цель**, считая ее главным жанрообразующим признаком, и выделяет информативные, оценочные, перформативные и императивные РЖ [158]. Информативные РЖ воплощают возможность различных операций с информацией. Это самые простые жанры, они «играют» определенными сведениями о действительности. Оценочные РЖ предполагают влияние на социальное самочувствие и ценностные ориентиры адресата. Целью перформативных РЖ является формирование событий действительности. Императивные РЖ обращены к реальной действительности и должны содействовать осуществлению событий действительности.

Н. Д. Арутюнова также основывает свою типологию РЖ на **факторе цели**, но обращается к рассмотрению только типов

диалогов. Называя целеориентированность важнейшим параметром диалога, Н. Д. Арутюнова выделяет:

- 1) информативный диалог;
- 2) прескриптивный диалог;
- 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины;
- 4) диалог с целью установления или регулирования межличностных отношений;
- 5) празднично-речевые жанры, среди которых различаются жанры эмоциональные, артистические, интеллектуальные [6, с. 5].

Автор классификации указывает на различие жанров по целям, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов, протяженности, структуре, связности, интенциональному состоянию собеседников, модальным характеристикам, условиям успешности.

За основу своей типологии В. В. Дементьев берет противопоставление двух полярных наиболее общих замыслов – «фатики» и «информатики», выделяемых Т. Г. Винокур [20, с. 108–109]. Под «фатикой» понимается вступление в общение, имеющее целью само общение. «Информатика» подразумевает вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-либо. Информативный замысел лежит в основе всех информативных РЖ, фатический – в основе фатических РЖ [34, с. 36]. В. В. Дементьев указывает на то, что информативные РЖ (ИРЖ) исследованы лучше, чем фатические РЖ (ФРЖ), и сосредоточивает свое внимание на построении типологии ФРЖ. Считая противопоставление ФРЖ с целевой точки зрения (по Н. Д. Арутюновой) малоинформативным, В. В. Дементьев предлагает типологию ФРЖ с двумя основаниями [37]. Вертикальная шкала указывает на степень косвенности, а горизонтальная шкала – на степень диссонанса или унисона в отношениях коммуникантов. В соответствии с предлагаемой моделью выделяются пять основных разновидностей фатических жанров:

- 1) ухудшающие межличностные отношения в прямой форме (оскорбления, обвинения, ссоры);

2) улучшающие межличностные отношения в прямой форме (признания, комплименты, разговоры по душам);

3) ухудшающие межличностные отношения в косвенной форме (ирония, издевка, колкость);

4) улучшающие межличностные отношения в косвенной форме (шутка, флирт);

5) праздноречевые жанры без изменения отношений со степенью косвенности $\frac{1}{2}$ [37, с. 38].

Автор описываемой типологии соединяет на схеме ФРЖ с ИРЖ, указывая на взаимопроникновение фатики и информатики, на то, что разные РЖ в различной степени являются носителями информативного и фатического начала. Классификация фатических РЖ представляет для нас особенный интерес, поскольку она вмещает и объект нашего исследования – РЖ «осуждения» и «обвинения», описывая их как ухудшающие межличностные отношения в прямой форме.

Чешская исследовательница Кв. Кожевникова выстраивает свою типологию на основании **степени регламентированности** жанра и предлагает различать следующие группы текстов:

1) тексты, содержание которых строится по более или менее жестким, но всегда облигаторным информативным моделям (инструкция, рецепт, театральная афиша);

2) тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям (например, газетное сообщение о текущих событиях, реакция на литературное произведение);

3) тексты, не регламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанрово-коммуникативной (например, частная переписка) [77].

Формальный критерий используется как основание типологии РЖ некоторыми другими исследователями. Ст. Гайда, представляя полную систематизацию разговорных жанров преждевременной, предлагает несколько возможных подходов к их классификации. Он выделяет:

1) жанры простые и сложные, где простые жанры – это типы иллокутивных актов, называемые с помощью отглагольных существительных, обозначающих речевые действия; сложный жанр – это типизированная последовательность речевых

актов, каждый из которых имеет свои функцию и место в человеческой деятельности, но в целом такая последовательность может выполнять роль, присущую простому жанру. (Такой подход близок, по нашему мнению, к вышеописанному разделению РЖ на элементарные и комплексные М. Ю. Федосюком.);

2) жанры примарные и секундарные. Первые связаны с коммуникативной ситуацией и отнесены к непосредственной действительности. Секундарные РЖ появляются в условиях высоко развитой культурной коммуникации и являются производными от примарных жанров. К таким жанрам ученый относит, например, бытовое письмо, дневник, дискуссию;

3) тематические группы жанров, существующие наряду с теми, для которых характерна тематическая неограниченность. Сюда Ст. Гайда относит, например, жанры речевого этикета (благодарность, приветствие, пожелание) [23, с. 110–111].

Отметим, что М. М. Бахтин, выделяя первичные (простые) и вторичные (сложные) РЖ, объединяет структурный аспект и условия возникновения, тогда как Ст. Гайда, следуя в целом по стопам М. М. Бахтина, использует два пункта классификации для различных аспектов РЖ.

Значительный интерес исследователей к особенностям жанровой организации разговорной речи (РР) способствовал появлению отечественных и зарубежных типологий жанров разговорной речи.

О. Б. Сиротинина для классификации обиходно-бытовых жанров предлагает использовать критерий **подготовленности/неподготовленности** [135]. В зависимости от степени планирования высказывания адресантом жанры могут быть речевыми и риторическими. О. Б. Сиротинина отмечает: «Адресант сознательно или неосознанно, но всегда строит свою речь так, чтобы речевой жанр был воспринят адресантом правильно... Однако иногда адресант вынужден (или стремится к этому без особой нужды) мобилизовать для успеха коммуникации все свои и данного языка возможности, именно построить высказывание или их ряд с его точки зрения наиболее эффективным способом. В этих случаях, очевидно, можно говорить не только

о речевых, но и о риторических жанрах» [135, с. 27–28]. О. Б. Сиротинина считает, что один и тот же жанр может быть как речевым при отсутствии спланированного построения речи, так и риторическим в случае сознательного употребления специальных средств. В то же время не всякий речевой жанр является потенциально риторическим. Нельзя, например, строить ссору. О. Б. Сиротинина считает, что при исследовании и изучении как информативных, так и фатических жанров следовало бы различать речевые и риторические жанры.

Развернутая классификация жанров повседневной коммуникации представлена в работах М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [73; 74]. Жанры, типичные для сферы неофициального общения, рассматриваются исследователями в контексте коммуникативных условий их реализации. Исследовательницы так определяют принцип классификации речевых жанров: «Типология жанров в той или иной коммуникативной сфере должна базироваться на **типологии ситуаций**» [74, с. 111]. Так, главным параметром, определяющим сферу коммуникации, называется пространственный параметр «дом/вне дома», так как именно он играет ведущую роль при выборе коммуникативных установок партнером коммуникации. Далее идут коммуникативные намерения (нефатическое/фатическое общение) и коммуникативная активность партнеров коммуникации (монолог/диалог). Учет целей коммуникации «позволяет внутри монолога и диалога разграничить жанры собственно фатического, информативного, апеллятивного, прескриптивного, поэтического и метаязыкового характера» [74, с. 112].

В современной лингвистике предпринимаются попытки классифицировать РЖ разных сфер социальной жизни. Западные исследователи, работающие в области судебной лингвистики, стремятся охватить многообразие **жанров юридической сферы** и систематизировать его, предлагая несколько классификаций юридических жанров на различных основаниях. **Функциональный принцип** лежит в основе классификаций юридических жанров, предлагаемых Дж. Гиббонсом [204] и В. Бхатиа [174]. Дж. Гиббонс предлагает разделять жанры на группы в зависимости от создаваемой ими реальности: реаль-

ной действительности, т.е. досудебного и судебного следствия; вторичной действительности, т.е. преступления; и, наконец, реальности закона [204]. Основные жанры (major genres), формирующие собственно процесс правосудия, классифицируются по нескольким дополнительным параметрам: степени кодифицированности (кодифицированные и динамичные); хронологии, месту появления в ходе процесса; форме существования (письменные и устные).

На **функциональную ценность жанра** опирается в своей классификации юридических жанров В. Бхатиа, который делит жанры на 4 группы в зависимости от того, как они способствуют осуществлению законности и правосудия [174]. Самую главную группу составляют законодательные акты, которые являются первичными юридическими жанрами (primary legal genres) и образуют основу и самую суть всей юридической практики. Все остальные жанры исследователь относит к производным (derived), среди которых большую роль играют жанры второй группы – судебные решения и описания дел, существующие в письменной форме, и устный жанр судебного взаимодействия (courtroom interaction). Главной целью жанров этой группы В. Бхатиа называет обсуждение, фиксацию судебных процессов и решений, а также сообщение о них. В основе этих жанров лежит процесс интерпретации законодательства, а результатом является определенный юридический эффект. Третью группу составляют целевые жанры (target genres), такие как контракты, соглашения, страховые документы, являющиеся одновременно и продуктами, и инструментами юридической практики. Последняя группа включает академические юридические жанры (academic legal genres), находящиеся на границе между академической и юридической деятельностью и направленные на подготовку специалистов в области юриспруденции (учебники, экзаменационные эссе, критические эссе, устные выступления и др.). Классификация юридических жанров В. Бхатиа имеет обобщающий характер, однако при этом игнорируются частные прагматингвистические особенности жанров.

Обобщая опыт построения классификаций РЖ в современных работах, следует отметить, что в качестве оснований для построения типологий ученые используют тип коммуника-

тивной ситуации, функции жанров и их форму. Поскольку коммуникативная ситуация охватывает большое количество самых разных факторов, классификации различаются в зависимости от того, какой фактор представляется наиболее важным (автор/получатель жанра, место формирования жанра, число участников коммуникации и характер мены ролей). С функциональной точки зрения, наиболее общим является подразделение РЖ на информативные и фатические, и дальнейшая детализация происходит за счет уточнения цели коммуникации. Для выделения типов РЖ используется также шкала межличностных отношений. Применение формального критерия, определение степени регламентированности и косвенности позволяют выделить группы различно организованных жанров. Применение дополнительных критериев для классификации РЖ определяется спецификой самой сферы функционирования того или иного жанра. Развитие теории РЖ способствует созданию новых типологий, а существующие варианты классификаций, по-видимому, будут усовершенствованы по мере изучения и описания отдельных РЖ.

1.5.3. Жанр, стиль, регистр: о соотношении категорий в отечественной и зарубежной лингвистике

Одной из проблем, поставленной М. М. Бахтиным и активно разрабатываемой в наши дни, является вопрос о соотношении жанра и стиля. М. М. Бахтин утверждает, что существует неразрывная связь стиля с жанром: «По существу, языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определенные стили» [9, с. 254]. Иными словами, М. М. Бахтин считает, что стиль является не характеристикой языка, обслуживающего определенную сферу человеческой деятельности в целом, а составной частью каждого жанра

данной сферы. «Стиль неразрывно связан с определенными тематическими единствами и – что особенно важно – с определенными композиционными единствами, с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения... Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания», – читаем у М. М. Бахтина [9, с. 255]. Так как стиль и жанр тесно взаимосвязаны, стилистика, считает ученый, должна постоянно учитывать жанровую природу стилей и изучать разновидности речевых жанров.

Одним из ключевых вопросов теории речевых жанров остается вопрос о соотношении речевого жанра и стиля. Н. В. Орлова посвящает данной проблеме работу, в которой рассматривает две противоположные точки зрения: 1) у каждого стиля свой репертуар жанров и 2) жанр может переходить из стиля в стиль, т.е. не реализуется в каком-то одном стиле [111, с. 51]. Первое утверждение восходит к В. В. Виноградову [18], согласно которому стиль – абстракция некоторого множества жанров. Эта точка зрения имеет своих сторонников. По мнению Г. Я. Солганика, стиль и жанр соотносятся как общее и особенное: «Любой функциональный стиль существует лишь как совокупность жанров» [137, с. 5]. М. В. Панов указывает, что за разными типами устной и письменной речи закреплены разные жанры. Для изучения развития русского языка он предлагает изучать целый ряд РЖ, которые разбивает на группы в соответствии с языковыми стилями [113, с. 97–98].

Источником второго подхода является точка зрения М. М. Бахтина о делении РЖ на первичные и вторичные. «Если первичный и соответствующий вторичный жанры имеют общие речевые признаки, то действительно есть смысл говорить о переходе жанра из стиля в стиль», – пишет Н. В. Орлова [111, с. 51]. Исследуя примеры разговорной речи, публицистики, деловой и судебной речи, обозначенные заведомо как РЖ «осуждение» и «обвинение» (критерием общности интенций выступала возможность описать высказывания одинаковыми дескрипциями), Н. В. Орлова утверждает, что, переходя из стиля в стиль, РЖ сохраняет иллокутивную структуру и особенно-

сти диктума, тогда как различные стили отвечают за «стилистическую специфику: различную степень выражения оценки, экспликации единиц». Таким образом, исследователь приходит к выводу о том, что «стиль – одна из переменных в системе жанрообразующих факторов, один из дифференциальных признаков жанра» [111, с. 56].

В некоторых современных зарубежных определениях жанра находит место категория стиля. Максимально приближено к бахтинскому определению жанра, данное известным жанроведом Дж. Свейлзом, который относит к компонентам жанра коммуникативную цель в сочетании с различными образцами структуры, стиля, содержания, предполагаемой аудитории [245, с. 58].

Однако в целом проблема соотношения жанра и стиля в англоязычных исследованиях осложнена тем, что с этими двумя категориями соотносится еще одна – категория регистра. Поэтому вопрос о разграничении решается в отношении трех сразу [175; 178; 192; 237; 239]. В ряде работ с названными понятиями жанра, стиля и регистра оказываются сопряжены другие категории: к примеру, жаргон (*jargon*) [254]; поле деятельности и канал связи (*field, mode*) [184]; социальные диалекты (*social dialects*) [176]. Неупорядоченное и достаточно произвольное употребление терминологии приводит в результате к серьезной путанице, о которой пишет в своей работе Дж. Сэмпсон, приводя многочисленные примеры непоследовательного и разнородного применения обозначений *жанр, стиль и регистр* в работах по стилистике [237].

В работах английских и американских авторов прослеживается два основных подхода к понятию «стиль». Во-первых, стиль узко толкуется как выбор официальных либо неофициальных (*formal/informal*) языковых средств: «Стиль касается официального/неофициального характера высказывания» [184, с. 59]. О стилистической возможности неофициального и официального форматирования (*informal and formal formatting*) пишут М. и Т. Блурсы [178, с. 40]. «Существует градация стиля речи от очень официального до очень неофициального», – замечает Дж. Юл [254, с. 244].

Во-вторых, о стиле пишут как о совокупности языковых характеристик, присущих конкретной языковой личности. Стиль толкуется как «языковой репертуар личности (или ограниченной группы лиц, которые могут разделять специфические стилистические черты)» [237, с. 706]. На личный характер стиля указывает Р. Шоулз [239], Н. Фэрклоф связывает стиль с идентичностью говорящего [192, с. 159]. Д. Байбер и С. Конрад несколько расширяют границы понятия «стиль», утверждая, что стилистические эстетические предпочтения могут быть связаны не только с личностью автора, но и с исторической эпохой в целом [175, с. 2]. Созвучные мысли выражены Т. Г. Винокур. Наряду со стилем человека (индивидуально-стилевыми признаками речевого поведения) она выделяет стилистический узус эпохи, который «складывается из многообразного использования говорящими одних и тех же языковых реалий, которые осознаются в их опыте как пригодные для выполнения комплекса коммуникативно-экспрессивных задач» [20, с. 51].

Из приведенных иностранных цитат становится очевидно, что понятие «стиль» в англоязычной литературе имеет гораздо более узкое понимание по сравнению с пониманием в отечественных исследованиях. Главный компонент, который оказывается утерянным, – связь стиля с функциональной сферой, областью человеческой деятельности. Д. Байбер и С. Конрад открыто указывают на отсутствие такой связи, утверждая, что стилистические черты «не обусловлены функционально ситуативным контекстом» [175, с. 2].

Представляется, что отечественному пониманию функционального стиля, определяемому как «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [105, с. 567], в наибольшей степени соответствует англоязычное понятие регистра. Регистр определяется следующим образом: «Исследование с точки зрения регистра сочетает анализ языковых характеристик, являющихся общими для некоторого количества текстов, с анализом ситуации использования этих текстов. При таком подходе подразумевается,

что принципиальные языковые характеристики <...> имеют функциональный характер и главным образом используются для определенных коммуникативных целей в определенном ситуативном контексте» [175, с. 2]. Приведенная цитата созвучна и утверждению М. Н. Кожинной о том, что стиль формируется в результате функционирования языка в той или иной социальной сфере деятельности [78].

Видим, что в англоязычных работах именно в понятии регистра – а не стиля – выходит на первый план функциональная ценность языка. При таком подходе, согласно Д. Байберу и С. Конрад, отличие жанрового анализа от анализа регистравого состоит в том, что жанровый анализ «обращен к устойчивым структурам, используемым для создания завершенного текста» [175, с. 2]. Иными словами, если объектом регистравого анализа может стать любой языковой фрагмент или любая совокупность текстов, то объектом жанрового анализа может стать только завершенный текст. Такое понимание различия между регистром и жанром согласуется с пониманием жанра как типа текста, обладающего семантической и структурной завершенностью.

Объясняя свою точку зрения на эту проблему, мы будем использовать понятие стиля в его традиционном отечественном понимании.

Ключевым в восприятии проблемы «жанр vs. стиль» нам представляется ошибочное понимание положений «у каждого стиля свой репертуар жанров» и «жанр может переходить из стиля в стиль, т.е. не реализуется в каком-то одном стиле» как взаимоисключающих и противоположных. Нам они представляются отнюдь не противоречащими, а взаимодополняющими. Если условно обозначить буквами А, В, С, D некие сферы человеческой деятельности с присущими им стилями коммуникации, а буквами k, l, m, n некие жанры, то распределение жанров по сферам деятельности и, следовательно, по стилистической принадлежности можно условно представить следующим образом (табл. 1).

Из таблицы видно, что жанры переходят из стиля в стиль, но при этом каждый стиль имеет свой уникальный набор жанров.

Распределение жанров по стилистической принадлежности

Сферы деятельности (стили)	A	B	C	D
Жанры				
k	k		k	k
l	l	l		l
m		m	m	m
n	n	n	n	

Полагаем, что такое решение проблемы соотношения жанра и стиля позволит выработать непротиворечивый подход к изучению жанров речи с точки зрения распределения их по сферам коммуникативной деятельности, выделить общие и стилистически различные признаки одного и того же жанра в разных сферах и заполнить предлагаемую таблицу не условными, а настоящими названиями стилей и жанров.

1.6. Стратегии и тактики в рамках речевого жанра

Вариативность речевого жанра связана не только с его меняющейся стилистической составляющей. Другая возможность приспособления к меняющимся коммуникативным ситуациям кроется в возможности выбора говорящим специфических прагмалингвистических средств. В. В. Дементьев и К. Ф. Седов пишут об этой возможности: «Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется стратегиями и тактиками внутрижанрового речевого поведения» [34, с. 54]. Исследователи замечают, что выбор стратегии зависит от индивидуальных особенностей вступающих в общение коммуникантов, а кроме свободы выбора стратегии говорящий обладает свободой выбора внутрижанровых тактик, которые представляют собой «сюжетные повороты речевого поведения в рамках жанра общения» [34, с. 60]. Иллюстрируя положение о том, что каждый речевой жанр имеет свой набор тактик, ученые выделяют восемь тактик в рамках жанра ссоры. Надо заметить, что обвинение, выделяемое в качестве тактики,

по нашему мнению, имеет право на существование как самостоятельный жанр. Мы придерживаемся в этом вопросе точки зрения Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, согласно которой в рамках самого обвинения выделяется определенное количество рече-поведенческих тактик [16].

Различные подходы к одному речевому явлению прослеживаются и в отношении других РЖ. То, что В. В. Дементьев и К. Ф. Седов называют РЖ «комплимент», О. С. Иссерс обозначает как коммуникативная тактика комплимента [34; 63]. По мнению О. С. Иссерс, «речевая тактика может включать один либо несколько речевых актов, может ограничиваться рамками одного речевого жанра либо совмещать в себе признаки разных жанров (например, комплимент-поздравление, комплимент-благодарность)» [63, с. 57]. В данной трактовке, по нашему мнению, несколько размыто представлена роль речевого жанра в построении текста, поскольку определяющую функцию выполняет речевая тактика. Модель речевой тактики О. С. Иссерс включает в качестве составляющих, помимо прочих, типовую коммуникативную ситуацию, коммуникативную цель, формальную организацию высказываний, т.е. все те главнейшие признаки, которые, по мнению жанроведов, являются жанрово-выделяющими. Таким образом, теория речевых жанров в некоторых случаях нуждается в дополнительном уточнении и унификации используемых понятий.

Категории стратегии и тактики тем не менее активно используются жанроведами для описания специфических обусловленных конкретными целями речевых ходов в создаваемом тексте.

Соотнесению коммуникативных стратегий с различными интенциями коммуникантов в разговорном диалоге посвящена работа И. Н. Борисовой [11]. Исследовательница считает возможным говорить о двух типах коммуникативных стратегий в диалогах: «**осознанных**, поддающихся рефлексивному выявлению, связанных преимущественно с достижением предметно-практической или социально-практической цели..., и **подсознательных**, не определяемых обдуманном планом, рациональным замыслом, а заданных общей установкой [11, с. 87]. Второй тип автор предлагает назвать дискурсивными стратегиями.

Они являются проявлением в речи психологической, ценностно-личностной ориентации говорящих, реализуемой в рамках национальных традиций общения.

К жанрам политической сферы обращается О. Н. Паршина [115; 116]. В одной из работ исследовательница рассматривает новый жанр речевого взаимодействия в политике – «прямую линию с Президентом» [115]. Выделяя в рамках «прямой линии» коммуникативные эпизоды, О. Н. Паршина описывает каждый из них с помощью набора речевых тактик. Объектом рассмотрения в другой работе становятся жанр политической коммуникации «телевыступление» и стратегия самопрезентации как ключевая для этого жанра [116]. Исследовательница выделяет тактики реализации стратегии самопрезентации и представляет их в виде типологии. Таким образом, речевые тактики используются в качестве составных единиц для характеристики жанров политического дискурса.

Другие работы, в которых частью жанрового анализа становилось выделение типичных для жанра стратегий и тактик, обращены к жанрам академической лекции, современной православной проповеди, апелляции [182; 123; 154].

Стратегии и тактики в разных жанрах устной судебной коммуникации, включая диалогический жанр судебного допроса и монологический жанр последнего слова подсудимого, были рассмотрены нами в ряде работ [44; 45; 48; 190]. Выделение в речи судьи типичных тактик, характерных для речевого взаимодействия с разными участниками судебного процесса, позволяет определить основные и частные коммуникативные интенции говорящего на разных стадиях судебного процесса. Кроме того, стратегии и тактики являются в значительной мере прагмалингвистическим выражением социального статуса говорящего в зале суда и в обществе в целом. В рамках судебных жанров стратегии и тактики направлены на реализацию статуса власти и силы, тогда как жанр речи подсудимого предполагает применение «оборонительных» стратегий и тактик.

Мы полагаем, что состав тактик, характерных для того или иного жанра, является жанроспецифическим признаком, и далее в главе 2 выявим сходные и различные тактики для речевых жанров «осуждение» и «обвинение».

1.7. Оценочность как свойство человеческого мышления и отрицательно-оценочные речевые жанры

Природа аксиологических высказываний всегда привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных ученых в силу того, что сам процесс оценивания заложен в человеческую природу. Философ А. С. Хоцей так пишет об оценочной деятельности человека: «...Ориентация в среде представляет собой в немалой своей части оценочную деятельность; добыча ответа на вопрос «что делать?» тоже связана не с чем иным, как с оценкой ситуации и возможностей индивида. Мозг сплошь и рядом занимается разного рода оценками <...> Оценивать что-либо – значит некоторым образом сопоставлять это «что-либо» с чем-то другим, вынося по результатам данного сопоставления какой-то вердикт (собственно оценку). Любая оценочная деятельность по своей сути (по характеру процедуры) есть некое сопоставление плюс заключение по его итогам» [153].

Отметим, что нам не встречались работы, имеющие своей целью представить подробное описание речевых жанров «осуждение» и «обвинение». Тем не менее существует значительное количество исследований, обращенных к проблеме оценки вообще и касающихся оценочных РЖ в частности. Поскольку осуждения и обвинения представляются нам оценочными РЖ, обобщим имеющиеся исследования.

Н. Д. Арутюнова обращается к **природе аксиологических высказываний** и указывает на факторы, которые обуславливают оценку жизненной ситуации – психическая ориентация человека, его состояние в момент речи, самооценка, соотношение настоящего и прошлого [5]. «Аксиологическое утверждение поэтому всегда прагматически связано: оно больше характеризует субъекта оценки, чем ее объект», – утверждает Н. Д. Арутюнова [5, с. 9]. Она указывает на тот факт, что все происходящее в любых сферах человеческой жизни «гуманизируется», получая аксиологический знак. Нам представляется важным замечание Н. Д. Арутюновой о том, что оценка связана с прескриптивной

функцией речи, которая реализуется в определенных типах речевых актов, среди которых находятся одобрение, осуждение, поощрение и т.д. В какой степени осуждения и обвинения выполняют дидактическую и регулирующую (т.е. прескриптивную) функции в человеческой коммуникации будет рассматриваться далее.

О важности оценочного компонента в человеческой жизни пишет М. А. Дмитриевская [38]. Автор работы считает, что когнитивная деятельность людей включает не только отражение реальности, но и оценку окружающего мира, поскольку все явления и предметы оцениваются. Как и Н. Д. Арутюнова, М. А. Дмитриевская усматривает в выносимой человеком оценке отражение личности самого человека: «В процессе принятия решения человек анализирует ситуацию, исходя из тех установок, которые составляют ядро его личности (поэтому неудивительно, что в сходных обстоятельствах люди ведут себя по-разному)» [38, с. 8]. М. А. Дмитриевская выделяет два типа оценочных суждений: оценка-мнение, когда оцениваются непосредственно воспринимаемые предметы и явления, и оценка-предположение, когда оценка имеет гипотетический характер. Важно, на наш взгляд, наблюдение исследовательницы, что разные виды оценок в разной степени нуждаются в мотивировке. В частности, этическая оценка, которая, как нам кажется, получает выражение в осуждениях, требует мотивировки. М. А. Дмитриевская также рассматривает некоторые языковые формы воплощения оценок разных типов, в том числе вводные выражения, глаголы-мнения, модальные показатели.

Проблеме оценочных значений и способам их выражения в языке посвящен труд Е. М. Вольф [22]. Автор работы рассматривает оценку как неотъемлемую часть взаимоотношений человека с окружающим миром: «Объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [22, с. 5].

Проблемы оценки в речи рассматриваются в коллективной монографии польских ученых [228]. Особенности достижений аксиологической семантики в польской лингвистике и

их ценности для критического анализа дискурса посвящена работа А. Совиньской [244]. Автор другой работы из этого тома М. Келар исследует газетный дискурс и грамматические способы выражения оценки такого геополитического явления, как расширение Евросоюза [213]. Как неотъемлемый компонент самых разных жанров речи – писем-отказов, комментирования баскетбольной игры, американских военных песен и досье деловых компаний – представлен оценочный компонент в работах других польских исследователей [201; 199; 250; 209].

Различия аксиологических систем и дискурсивная реализация этих различий **в политическом дискурсе** рассматриваются как основа политического конфликта в работах польского ученого П. Цапа [180; 181]. Представление автором дискурса исходящих от адресата событий как негативных, несущих опасность и угрозу, приводит не только к продолжительной эскалации идеологического конфликта, но и практическим действиям со стороны политических актантов.

Вербальную агрессию как аспект политического дискурса исследует в своей, ставшей классической, работе Е. И. Шейгал [157]. Изучая знаки вербальной агрессии, Е. И. Шейгал предлагает их классификацию по принципам прототипности и специализированности [157, с. 142–143]. Отрицательно-оценочные термины оказываются включенными в группу ярлыков. Важнейшей функцией вербальной политической агрессии, как указывает автор, «является ее использование в качестве орудия политической борьбы. Из этой общей функции вытекают такие частные разновидности, как обвинение, дискредитация, унижение, деморализация политического оппонента» [157, с. 252]. Помимо отрицательной оценки для актов вербальной агрессии также характерны осознанность, обвинительность (атакующий характер) и интенсивность (резкая критичность оценки вплоть до злобности). Характеристики актов вербальной агрессии, данные Е. И. Шейгал, могут быть применимы к публицистическим осуждениям и обвинениям, которые будут проанализированы нами в дальнейшем, поскольку «особую роль в бытии политического дискурса играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации...» [157, с. 33].

Идея о социальной обусловленности оценки и форм ее выражения в речи используется в качестве основы во многих современных исследованиях. Так, в своей работе, объектом исследования которой является **газетный дискурс**, С. И. Виноградов рассматривает проблему воздействия средств массовой информации на общественное сознание и выявляет современные тенденции, характерные для печати [19]. В частности исследователь отмечает глобальную «авторизацию» газетного дискурса, которая часто проявляется в чрезмерном субъективизме текстов, ярко выраженной оценочности, стремлении автора вызвать подобное своему отношению к лицам или событиям у адресата.

Масс-медийному дискурсу и способам отрицательно-оценочного представления в нем актантов политического конфликта вокруг размещения американской системы ПРО на территории Польши посвящены наши совместные с польской коллегой работы. В одной из них мы анализируем выражение оценки на уровне стратегий и тактик [243], в другой, опираясь на методику Membership Categorisation Analysis, анализируем, как дискурсивными средствами создаются группы «мы» и «они», вступающие во враждебные отношения между собой [242].

На примере публицистической речи М. А. Кормилицына изучает средства субъективизации в языке, в частности рефлексивы, и называет одной из функций рефлексивов оценочную [82]. Отрицательные оценки в политической и публицистической речи с позиции культуры речи исследует М. А. Ягубова [161].

С точки зрения содержания и способов выражения оценки рассматривается не только институциональный и публицистический дискурс. Ученые исследуют этот аспект в **разговорной речи** [65]. По мнению Л. А. Капанадзе, которое кажется нам спорным, оценки в разговорной речи связаны с чувствами, работой души, в отличие от оценок в кодифицированном литературном языке, построенных на логическом основании. Исследовательница обращается к специфическим способам выражения оценки именно в разговорной речи, которой они придают особую экспрессивность и эмоциональность. По нашим наблюдениям, оценочность, выраженная эксплицитно, характерна не

только для разговорной речи, но и для публицистического дискурса.

О тенденции к субъективизации, экспрессивности и эмоциональности в английской речи пишет Ю. С. Старостина [138]. Она рассматривает в диахронии негативную оценку в **английской стилизованной разговорной речи** и объясняет выявленные тенденции существенными изменениями, произошедшими с социумом, в частности, демократизацией, сменой системы ценностей и общепринятых норм поведения [138, с. 27–28].

Оценка в **жанрах межличностного общения**, таких как эпистолярный жанр, жанр ссоры, жанр дружеской беседы, в работах Е. В. Поляковой, М. Ю. Федосюка, Н. Н. Гастевой [117; 118; 150; 25].

Е. В. Полякова объясняет выделение негативной оценки в качестве самостоятельного феномена наличием специфических средств выражения отрицательного значения и типичных целей его использования в высказываниях [117]. Автор работы рассматривает особенности использования негативной оценки при реализации различных коммуникативных целей и представляет развернутую схему, организующую речевые жанры, в которых содержится негативная оценка, в зависимости от интенций адресата. Исследовательница также сопоставляет объект оценки с тем, на кого влияет негативно оцениваемое действие, и выделяет в зависимости от этого тип речевого действия.

М. Ю. Федосюк рассматривает используемые в рамках жанра ссоры приемы, используемые для выражения категорического неодобрения [150].

Н. Н. Гастева, изучая диалогические единства в жанре дружеской беседы, обращает внимание на высокую частотность ответных высказываний со значением оценки и причинами характерности таких реакций называет как глобальную потребность человека в дружбе и единении с другими людьми, так и соблюдение требований вежливости в диалоге [25, с. 130]. Исследовательница описывает способ создания значения отрицательной оценки без участия специальных оценочных лексем и указывает на некоторые средства снижения категоричности оценки.

Средства, используемые для снижения категоричности, смягчения несогласия, критики и отрицательной оценки, обсуждаются в работах С. А. Рисинзон, М. А. Кормилицыной и Г. Р. Шамьеновой [122; 121; 81]. Работы С. А. Рисинзон имеют лингвокультурологическую направленность, и, поскольку в них содержатся важные замечания относительно этикетного речевого поведения в русской и английской культурах, мы обратимся к ним в ходе лингвокультурологического анализа речевых жанров «осуждение» и «обвинение».

Оценочные высказывания могут иметь не только эксплицитный, явно выраженный языковыми средствами, характер, но и характер имплицитный, неявный. Скрытый оценочный смысл высказываний и средства его создания рассматриваются на материале английского языка в работе С. Ю. Ильиной [62]. «Дополнительный подразумеваемый смысл передает не только предметно-логическую информацию, но и информацию второго рода: эмоциональную, функционально-стилистическую и, следовательно, экспрессивную. Оценочность в подобных высказываниях выступает в косвенной форме», – читаем в работе [62, с. 6]. Вывод о том, что интерпретация косвенной оценочности зависит от совокупности знаний о мире у коммуникантов и эталонов соответствующего социума, еще раз подтверждает положение о социальной обусловленности оценки и ее языковой формы.

В ряде работ, посвященных аксиологическому аспекту высказываний, особое внимание уделяется говорящему субъекту, который выступает в качестве производителя текста и автора оценки, в том числе **самооценки**. Интерес к миру говорящего, его субъективному состоянию оценивания проявляет М. В. Ляпон [97]. Она дает следующее определение оценки: «Оценка есть вербализованный (отраженный, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания (1) или деятельности сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики (2)» [97, с. 24]. Исследовательница обращает внимание на тот признак оценивающего субъекта, который обычно остается вне поля зрения ученых. Этим признаком является потребность в самооценке и способность к самооценке.

Отрицательной самооценке в письмах посвящена статья Е. В. Поляковой, которая выделяет два типа отрицательных самооценок – выносимых на основании логических выводов и на основании собственных ощущений субъекта [117, с. 7].

Кроме работ, посвященных оценочному аспекту речи в целом, существует ряд работ, где в той или иной мере, с той или с другой стороны рассматриваются интересующие нас **речевые жанры «осуждение» и «обвинение»**.

В рамках теории речевых актов М. Я. Гловинская обращается к семантике глаголов речи [27]. В отдельную группу «Осуждения, упреки и оскорбления» исследовательница объединяет глаголы со значением отрицательной оценки. Общей идеей этой группы является пресуппозиция «X считает, что ситуация Р, либо свойство или действие У-а Р – плохое» [27, с. 196]. М. Я. Гловинская указывает на различие глаголов по мотивировке речевого акта.

Следует отметить работы М. Ю. Федосюка как содержащие наиболее подробный анализ РЖ «осуждение» и «обвинение» [146; 148]. На основе анализа семантики существительных речевой деятельности, содержащих сему отрицательной оценки, ученый выделяет те, которые могут являться обозначениями речевых жанров. Среди них «осуждение» и «обвинение» [149]. В другой работе М. Ю. Федосюк рассматривает осуждение как средство отрицательного эмоционального воздействия на адресата, противопоставляя его похвале и анализируя некоторые прагматические характеристики жанра [146].

Различия прагматических характеристик осуждений и обвинений, языковое воплощение двух жанров описываются в исследовании Н. В. Орловой [111]. Данная работа представляет для нас интерес, поскольку автор предлагает принцип разграничения осуждений и обвинений в различных функциональных стилях на основе прагматического критерия.

Попытка разграничения речевых жанров «осуждение», «обвинение», «порицание» и «упрек» на основе нескольких критериев (участники, задача речи, аргументация) была предпринята в работе Э. Х. Мицевой [104]. Однако автор выстраивает в работе скорее нормативную картину применения отрицательных оценок в речи, чем описание, приближенное

к реальной действительности. Э. Х. Мициева утверждает: «Обвинение – это выступление, содержащее обоснование вины (виновности) другого человека (людей, организации и т.п.). Содержанием обвинения становятся действия индивида и результаты его деятельности, за которые личность способна нести ответственность, т.е. намеренные правонарушения, целенаправленные действия. Речь обязательно должна содержать описание такого деяния; его правовую оценку (то есть указание на то, какие нормы, договоры, законы, инструкции и т.п. нарушил обвиняемый); убедительную аргументацию предлагаемого решения; указание на меру наказания. В связи с этим обобщенные высказывания типа *вы плохо работаете, вы развалили всю работу* не могут быть квалифицированы как обвинение» [104]. Возможно, такие критерии выделения обвинений подходят для институциональной сферы, предъявляющей повышенные требования к уровню аргументации и доводов. Но при этом подходе исключенными из рассмотрения и как будто несуществующими оказываются обвинения, построенные по иным правилам, на основе не юридических, а групповых (или узкогрупповых) норм.

Другие исследователи изучают осуждения и обвинения, принадлежащие одному функциональному стилю. Разговорные осуждения рассматриваются Е. Н. Гуц в ряду других типичных речевых жанров языковой личности подростка [30]. О. С. Винокурова изучает художественную речь, речевые жанры в прозе Л. Петрушевской [21]. Среди рассматриваемых жанров значительное место занимают жанры с отрицательным модусом – осуждение, обвинение, оскорбление, которые исследовательница выстраивает в градационную классификацию. «Осуждение, обвинение, оскорбление объединены одной обобщенной коммуникативной целью выражения отрицательной оценки адресата, третьих лиц и/или их действий и различаются степенью отклонения от норм межличностного общения» [21, с. 43].

Исследуя жанр ссоры, К. Ф. Седов выделяет ряд тактик, среди которых находится тактика обвинения [126].

Осуществляя лингвострановедческий подход к изучению речи, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предлагают использовать рече-поведенческие тактики (РП-тактики), принадлежа-

щие одновременно и культуре, и языку [16; 17]. РП-тактики связаны с употреблением в типичной рече-поведенческой ситуации, которая представляет собой «регулярно повторяющийся фрагмент социальной жизни» [16, с. 12]. РП-тактики даже с общей перлокутивной целью разнятся. Исследователи дают следующее определение РП-тактики: «...РП-тактика – это (в границах определенной рече-поведенческой ситуации) однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта-1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [16, с. 13]. Вычленение РП-тактики происходит на основе одного единственного смысла. Ученые представляют обширный список РП-тактик обвинения, входящих в совокупность тактик вынуждаемого признания вины.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приводят ряд глаголов и фразеологизмов, обозначающих обвинения, среди которых «обвинять, обличать, разоблачать, укорять, упрекать, бросать/предъявлять обвинение, ставить на вид, колоть глаза и т.д.» [16, с. 33]. Авторы работы противопоставляют некоторые виды обвинения по степени воздействия – от малой (упреки) до излишне интенсивной (распекание) – и описывают возможные перлокутивные эффекты тактик обвинения. Особое внимание исследователи уделяют описанию языкового выражения эксплицитного предъявления вины.

Интересующий нас жанр обвинения стал объектом рассмотрения в статье известной исследовательницы, представителя школы критического анализа дискурса (CDA – Critical Discourse Analysis) Р. Водак [253]. Работа озаглавлена «Обвинение и отрицание: прагматика» и посвящена анализу взаимодействующих жанров: инициального жанра обвинения и реактивного жанра отрицания. Р. Водак отмечает, что данные жанры применяются в любой сфере человеческой жизни (частной, политической, публичной и т.д.), а их лингвистическое воплощение зависит во многом от степени официальности обстановки [253, с. 60]. Исследовательница предлагает списки тактик для обвинений и отрицаний, концентрируя внимание на реактивном жанре, и затем подробным образом анализирует речевую ситуацию. Поскольку исследование проводится в русле критического анализа дискурса, пример связан с обсуждени-

ем преступлений военного времени. Несмотря на то, что в центре внимания Р. Водак оказывается реакция на обвинения в виде отрицания вины, перечисленные обвинительные тактики и некоторые замечания относительно языковой формы обвинений могут быть полезны для нашего исследования.

Еще одна работа, в которой обвинение рассматривается с сопряженным реактивным жанром, является работа Е. В. Лаврентьевой, посвященная диалогическому единству «обвинение и оправдание» [90]. К некоторым положениям этого исследования, вызывающим у нас возражения, мы обратимся в разд. 2.9, посвященном реакциям на обвинения.

Многие исследователи, изучая РЖ «осуждение» или «обвинение», используют для обозначения жанров и разновидностей другие существительные и глаголы. Выше перечислены глаголы, объединяемые в одну группу Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. М. Ю. Федосюк указывает на синонимичность существительных «осуждение», «порицание», «неодобрение», «критика» и возможность использования их в качестве обозначения одного и того же жанра [148]. В лексикографических источниках порицание толкуется как «выражение неодобрения, осуждения; выговор» [110, с. 564]. Если в данном случае действительно имеет место синонимия, обозначение двумя существительными – осуждение и порицание – одного жанра, то нельзя оставить без внимания исследования, посвященные интересующим автора жанрам или их разновидностям, обозначенным другими именами.

РЖ «порицание» рассматривает Л. П. Никитина [106]. Краткая характеристика выговора приводится в работе М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [73]. По утверждению авторов, «в аппелятивном жанре выговора адресант осуждает адресата за какие-либо свойства или действия, считая их плохими» [73, с. 258]. Вопрос о том, является ли выговор разновидностью осуждения или самостоятельным жанром, в работе М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой не рассматривается. Е. В. Полякова анализирует в своей статье РЖ «упрек», зачастую рассматриваемый как разновидность осуждения [119].

Все вышеперечисленные случаи пересечения жанров, использование разными учеными разных названий для осуждений

и обвинений, существование различных принципов разграничения названных жанров и их разновидностей свидетельствуют о существовании широкого поля деятельности для жанроведов с целью выработки единой системы РЖ и определения места каждого РЖ и его разновидностей в этой системе.

1.8. Методы исследования речевых жанров

В рамках теории РЖ ученые предлагают различные методики изучения и анализа как отдельных РЖ, так и определенных их групп. Осуществляя речеведческий подход к изучению РЖ, Т. В. Шмелева предложила использовать модель речевого жанра, которая и по сей день популярна среди исследователей жанров речи. В этой модели главное место занимает **коммуникативная цель**, признак, противопоставляющий четыре типа РЖ, «каждый из которых объединяет довольно большое количество жанров, различающихся внутри названных типов по другим жанрообразующим признакам» [158, с. 93]. Последние включают образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего (т.е. предшествующий и последующий эпизоды общения), тип диктумного содержания и языковое воплощение РЖ, включающее лексические и грамматические ресурсы жанра. Т. В. Шмелева указывает на то, что первые «шесть параметров относятся к реальностям действительности и общения, тогда как параметр языкового воплощения прямо выводит РЖ в пространство языка с его сложнейшей дифференциацией языковых средств по требованиям речи» [158, с. 97]. Предлагаемую модель, по мнению автора, можно рассматривать как средство создания лингвистического портрета РЖ.

Н. В. Щурина, исследуя жанр шутки, следует во многом анкете Т. В. Шмелевой и включает в сферу рассмотрения коммуникативную цель, взаимоотношения автора и адресата, содержание пропозиции, возможные реакции, языковое воплощение [159].

М. Ю. Федосюк обращается к модели РЖ Т. В. Шмелевой, исследуя средства речевого воздействия [146], но указывает на то, что намерение говорящего оказать определенное воздействие на адресата, т.е. коммуникативная цель, не является главным признаком, на основании которого различаются речевые жанры. В доказательство ученый приводит примеры целых групп различных жанров, предназначенных для того, чтобы оказать одно и то же воздействие на адресата. Тем не менее эти жанры различаются по другим характеристикам, представленным в анкете Т. В. Шмелевой. Нельзя не согласиться с утверждением М. Ю. Федосюка о том, что коммуникативная цель РЖ представляет собой только один из аспектов жанровой характеристики любого высказывания [146, с. 70]. Кроме того, коммуникативная цель может оказаться недостигнутой. М. Ю. Федосюк рассматривает возможные причины отрицательного перлокутивного эффекта. Обращаясь непосредственно к речевым средствам эмоционального воздействия, ученый отмечает, что они могут быть семантическими, связанными с жанровой принадлежностью и содержанием высказывания, прагматическими, обусловленными характером речевого поведения говорящего, и стилистическими, зависящими от особенностей выбора используемых языковых средств [146, с. 72]. Таким образом, в контекст анализа РЖ оказывается включенным не только собственно языковое воплощение жанра, но и та ситуация, в которой данный РЖ формируется.

Ориентация на рассмотрение внеязыковых, прагматических факторов обнаруживается в модели речевой тактики О. С. Иссерс [63]. Как и модель Т. В. Шмелевой, модель О. С. Иссерс включает коммуникативную цель и формальную организацию высказываний, а перлокутивные эффекты и ответные реакции (по О. С. Иссерс) соответствуют образу будущего (по Т. В. Шмелевой).

Как видим, многие исследователи идут от **анализа и описания ситуации**, внеязыковой действительности к языковому воплощению жанров. Такой путь выбирает, например, Л. А. Капанадзе при изучении «малых жанров» [64]. Исследовательница предлагает подразделить их на «сцены», которые воспроизводят стереотипные ситуации, и выделить характерные пер-

сонажи, т.е. представить характеристику партнеров коммуникации. Внутри каждой стереотипной ситуации следует выделить стереотипные положения (понимание/непонимание, утверждение/вопрос, согласие/несогласие). В результате «малые жанры» сведутся к микродиалогам и репликам, имеющим закрепленную за ними разговорно-бытовую фразеологию.

Коммуникативная ситуация и ее четыре основных параметра – **время, место, партнеры коммуникации, тема** – лежат в основе методики анализа РЖ, предлагаемой М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой. Исследовательницы убеждены, что «жанры, реализуясь в определенных коммуникативных ситуациях, соотносимы с КА (коммуникативным актом) и являются его текстовым воплощением» [73, с. 24]. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова предлагают своего рода алгоритм описания жанра устной некодифицированной речи. Он включает в себя определенный набор «шагов» перехода от уровня коммуникативной ситуации к типу текста [73, с. 34–35]. Данный алгоритм, по нашему мнению, ценен для составления типологии РЖ, для определения места конкретного жанра в системе РЖ, но не подходит для полного лингвистического описания определенного жанра.

Подробную схему анализа коммуникативной ситуации при рассмотрении регистра и жанра предлагают Д. Байбер и С. Конрад [175]. Схема включает семь основных пунктов: участники; отношения между коммуникантами; канал связи; условия производства речи; обстановка; коммуникативные цели; тема. Далее эти пункты разворачиваются несколькими подпунктами, указывающими на разные аспекты перечисленных характеристик [175, с. 40].

В. И. Карасик, исследуя РЖ «анекдот», выделяет важнейшие характеристики жанра и предлагает классифицировать анекдоты на основе **семиотической модели** [67].

Лингвокультурологического подхода придерживаются ученые, рассматривающие жанр в тесной связи с культурой. «Целью лингвокультурологического анализа РЖ следует считать выявление признаков той культуры, составной частью которой РЖ является (речевая культура рассматривается как часть культуры)» [31, с. 221]. Проблемам культурологического

жанроведения посвящен специальный выпуск «Жанров речи» [56], в котором решаются проблемы культурной обусловленности речевых жанров, жанровой картины мира, жанров в межкультурной коммуникации.

Дискурсивная психология положена в основу рассмотрения М. Л. Макаровым жанровых характеристик такого типа общения, как диалог с целью принятия решения [98]. Подход с позиций дискурсивной психологии отличается тем, что «анализ дискурса ... приобретает когнитивную направленность, стремление посредством изучения устной и письменной коммуникации решать вопросы о соотношении и взаимодействии внешнего и внутреннего миров человека, бытия и мышления, индивидуального и социального» [98, с. 157]. На основе анализа диалога рассматриваемого жанра ученый выделяет следующие жанровые свойства: постановка проблемы, определение логического метода анализа проблемы, рассуждение и аргументация, верификация гипотезы и принятие общего решения. Видим, что все эти свойства не являются собственно лингвистическими, хотя автор указывает на то, что в интерпретации дискурса значительную роль сыграли фонационные характеристики, интонация, паузы, семантико-прагматический анализ коммуникативных ходов, риторики рассуждения. Таким образом, М. Л. Макаров объединяет лингвистический и психологический анализ при изучении РЖ.

А. Вежбицка предлагает воплотить в жизнь бахтинскую идею единой системы РЖ в рамках **семантической теории элементарных смысловых единиц** (semantic primitives). «Применительно к речевым жанрам этот метод ведет к моделированию каждого жанра при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания», – пишет А. Вежбицка [12, с. 103]. Такой метод анализа РЖ, по мнению А. Вежбицкой, соответствует бахтинской идее диалогичности речи, поскольку, согласно предложенной модели, говорящие выражают свои мысли, интенции и эмоции с учетом суждений, интенций и эмоций своих адресатов.

Ст. Гайда указывает на следующие достоинства метода: «Элементарность смыслов в модели и их повторяемость в определениях разных жанров обеспечивают сравнение жанров и наглядно показывают их связи. Использование естественного языка с целью их описания гарантирует интуитивное понимание и проверяемость истинности предлагаемых формул» [24, с. 27]. Кроме того, универсальный язык описания РЖ, по мнению самой А. Вежбицкой, обеспечивает ему универсальную применимость по отношению к РЖ любого языка. Таким образом, появляется реальная возможность сравнить наборы речевых жанров, существующие в различных языках, а «речевые жанры, выделенные данным языком, являются одним из ключей к культуре данного общества» [12, с. 111].

Утверждение связи между языком и культурой определенного народа и универсальность методики сосуществуют в концепции А. Вежбицкой. Между тем Ст. Гайда недостатком концепции А. Вежбицкой считает именно ее неуниверсальность. «Жанры определяются при помощи слов конкретного языка и выделяются языковым сознанием определенного общества», – пишет Ст. Гайда [24, с. 27]. Неясно, имеет ли в виду ученый различия в названиях жанров или в самих семантических толкованиях. Если говорить о названиях, то сам метод семантических примитивов направлен на то, чтобы установить соответствия между жанрами, скрывающимися в разных языках под разными названиями. Если же речь идет о невозможности установить соответствия между толкованиями жанров на различных языках по причине отсутствия так называемой языковой эквивалентности, то, следуя по пути таких рассуждений, неминуемо приходим к выводу о невозможности даже перевода с одного языка на другой.

Нам представляется, что метод А. Вежбицкой, используемый параллельно с другими методами исследования РЖ, открывает реальную возможность описать системы РЖ в каждом конкретном языке и сравнить разноязычные системы РЖ.

Метод А. Вежбицкой используют, к примеру, В. В. Дементьев и К. Ф. Седов для толкования РЖ «флирт» и «анекдот» [34]. При изучении названных жанров ученые используют модель А. Вежбицкой лишь как часть описания, совмещая ее с ря-

дом других подходов. В частности, анализируя флирт, они прибегают к исследованию **толкований глаголов**, обозначающих связанные с флиртом речевые действия, рассматривают соотношение информатики и фатики в данном РЖ. Изучая анекдоты, авторы останавливаются на **психолингвистическом механизме** понимания анекдотов и социолингвистическом аспекте этого РЖ, определяют роль анекдота в обществе и утверждают, что анекдот принадлежит к народному смеховому началу. Использование при анализе определенного РЖ нескольких подходов дает возможность составить его многостороннее и подробное описание.

М. Ю. Федосюк от изложения некоторых замечаний по поводу метода А. Вежбицкой переходит к предложению нового метода как средства преодоления недостатков критикуемого. Ученый полагает, что исчисление речевых жанров по имеющемуся в каждом языке набору существительных, обозначающих разные виды высказываний, как это предлагает А. Вежбицкая, затруднительно, так как «значительное количество подобных существительных не являются обозначениями речевых жанров» [151, с. 107]. Ученый полагает невозможным считать названиями РЖ такие существительные речевой деятельности:

1) которые содержат отрицательную оценку обозначаемого действия;

2) в лексические значения которых включены экспрессивные коннотации;

3) которые отражают особую манеру произнесения высказывания;

4) которые называют высказывания, ориентированные на изменение первоначального мнения об объектах оценки большого количества адресатов;

5) которые обозначают совокупность высказываний, принадлежащих разным говорящим [149].

М. Ю. Федосюк предлагает путь преодоления упомянутых сложностей посредством исследования «системы речевых жанров некоторого языка **на основании тех квалификаций, которые даются различным высказываниям в авторских ремарках**, вводящих прямую речь персонажей художественной прозы» [151, с. 107]. Исследователь перечисляет некоторые

сложности, сопутствующие исследованию РЖ таким методом: например, существование РЖ, не имеющих однословных наименований, или несоответствие квалификаций высказываний в авторских ремарках их реальной жанровой принадлежности. Поэтому предлагаемый метод исследования системы РЖ, по мнению ученого, должен использоваться для дополнения представлений, полученных благодаря исследованиям, где «жанровая принадлежность высказывания определялась на основе языкового чутья самих лингвистов» [151, с. 107].

Вариант **текстолингвистического подхода** с акцентом на категории когезии и когеренции, а также лексические и синтаксические средства предлагает М. Ллопис [217]. Исследовательница обращается к жанру законодательных текстов о международном страховании и применяет алгоритм с несколькими уровнями анализа:

«а) Внутридискурсивный уровень:

а.1. уровень текста, включающий формальное изучение текста и отмечающий лексические и синтаксические черты;

а.2. дискурсивный уровень, включающий стратегии достижения когезии и когеренции в тексте;

б) междискурсивный уровень, связывающий вышеуказанные черты текста с другими законодательными текстами» [217].

Из представленного алгоритма видно, что текстолингвистический подход ограничивается рассмотрением средств организации текста и не выходит за его рамки. Текстолингвистический подход к юридическим жанрам позволяет решать вопросы обеспечения ясности, однозначности и последовательности юридических текстов, но не позволяет отметить их функциональные особенности.

Многоаспектная модель анализа устных жанров судебной коммуникации была предложена в наших работах [50; 44] и опробована при проведении анализа судебных жанров [51]. При построении **модели анализа речевых жанров судебной сферы** мы осуществляли **социолингвистический подход** и исходили из того, что исследование этих жанров должно осуществляться в тесной связи с элементами коммуникативной ситуации, широкого социального контекста и деятельности в рамках соци-

ального института правосудия. Модель включает следующие пункты анализа:

- 1) функция речевого жанра в судебном процессе;
- 2) степень институциональной обусловленности жанра;
- 3) участники речевого жанра и их роли;
- 4) место жанра в судебном процессе и связь с другими жанрами (интертекстуальность);
- 5) особенности языкового выражения жанра;
- 6) национально-культурная специфика жанра.

Предложенная модель анализа жанров судебной коммуникации охватывает целый ряд факторов – прагматических, институциональных, культурных, собственно лингвистических, – раскрывающих специфику жанра, и может быть с некоторыми поправками успешно использована для исследования как монологических, так и диалогических жанров коммуникации в институциональных сферах.

На основе сказанного о различных методах исследования в современном жанроведении можно сделать вывод, что универсального метода исследования и описания как отдельных РЖ, так и их групп не существует. Каждый исследователь выбирает свой подход и расставляет акценты там, где считает нужным. Один и тот же жанр может исследоваться с разных сторон, а различные подходы часто дополняют друг друга в одном исследовании.

Для модели анализа речевых жанров «осуждение» и «обвинение» мы комбинируем ряд методик, которые включают:

- 1) рассмотрение семантики существительных и глаголов, обозначающих соответствующие этим РЖ речевые действия;
- 2) формулирование семантических формул осуждений и обвинений методом семантических примитивов А. Вежбицкой;
- 3) анализ ситуаций, в которых формируются осуждения и обвинения, целей и мотивов говорящего, типов реакций адресата;
- 4) выделение речевых тактик в рамках жанров;
- 5) рассмотрение авторских ремарок, вводящих прямую речь персонажей в художественной речи, а также квалифицирующих ремарок к цитируемым жанрам в публицистической речи;

6) описание языкового воплощения осуждений и обвинений, их характерных лексических, грамматических, синтаксических признаков и типичных образных средств;

7) соотнесение характеристик типичного речевого поведения носителей русской и английской речевых культур с языковыми характеристиками русских и английских осуждений и обвинений.

Совокупность данных шагов позволит создать максимально полное описание РЖ «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах, определив жанроразличительные признаки и выделив универсальные и национально-специфические характеристики жанров.

1.9. Выводы

Популярность теории речевых жанров и ее разработка отечественными и зарубежными учеными обусловлены интересом современного языкознания к функционированию языка в различных областях человеческой деятельности и человеку как субъекту речевой деятельности. Ключевым концептом в понимании речевого жанра является модель, привязанная к типичной ситуации речевого взаимодействия и позволяющая говорящим субъектам создавать типичные, узнаваемые тексты.

Исследователи, развивая теорию М. М. Бахтина, выходят за рамки собственно бахтинского толкования жанра, включая в число речевых жанров варианты диалогов, составляющих значительную часть языковых высказываний. Теоретические вопросы о соотношении жанра с другими категориями речевой коммуникации, такими как речевой акт, стиль, регистр, до настоящего времени не решены в едином ключе, а некоторые из них решаются по-разному в контексте разных лингвистических традиций (отечественной и западной).

Проблема развития и трансформации речевых жанров, только обозначенная в трудах М. М. Бахтина, приобретает все большую актуальность в связи с происходящими социальными изменениями. Исчезновение одних, «реанимация» утраченных ранее и появление новых речевых жанров, в том числе за счет

гибридизации существующих, отражают тенденции в развитии общества и дают ключ к пониманию происходящих социальных процессов.

Речевые жанры отражают не только социальную среду, но и свойства человеческого мышления. В частности, оценочные жанры воплощают в вербальном виде способность и потребность человека к оцениванию окружающего мира и себя самого.

Нерешенным остается вопрос о построении единой типологии речевых жанров. Крайняя разнородность исследованных речевых жанров способствует появлению все новых классификаций, опирающихся на разные основания и касающихся жанров разнообразных сфер жизни, бытовых и институциональных. Языковая неоднородность жанров объясняет и широкий спектр применяющихся для анализа РЖ методов. Большинство из них построено с учетом факторов внеязыковой ситуации, а также включает дополнительные критерии в зависимости от практикуемого подхода (психолингвистического, социолингвистического, лингвокультурологического и др.).

Теория речевых жанров не исчерпала свой ресурс и по-прежнему является перспективным направлением лингвистических исследований.

Глава 2

«Осуждение» и «обвинение»: границы жанров, прагматические характеристики и языковое воплощение

2.1. Семантическое поле осуждения и обвинения

2.1.1. Семантика русской лексики со значением осуждения и обвинения: словарные дефиниции и ремарки-квалификаторы

Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» широко представлены в самых разных сферах общения: от неофициальной обиходно-бытовой речи до официальной судебной. Оба жанра являются отрицательно-оценочными и характеризуют в большей степени конфликтное общение. Однотипность ситуаций, в которых используются осуждения и обвинения, не снимает вопрос о разграничении этих жанров. Следует сразу отметить, что близость анализируемых жанров не подлежит сомнению. Семантическая близость глаголов *осуждать* и *обвинять* и соответствующих им существительных прослеживается в словарных толкованиях.

Значения глагола *осуждать* таковы:

1. Выражать неодобрение кому-, чему-либо; считать что-либо дурным.
2. Признавая виновным, приговаривать к какому-либо наказанию; выносить обвинительный приговор.
3. Обрекать на что-либо [136, с. 1214].

Соответственно значения отглагольного существительного *осуждение* следующие:

1. Неодобрение, порицание.

2. Признание виновности подсудимого, вынесение ему обвинительного приговора [136, с. 1215].

В более современном толковом словаре русского языка [110] представлены следующие толкования глагола совершенного вида *осудить* с указанием на его несовершенный вид *осуждать*:

1. Выразить неодобрение кому-чему-н.; признать плохим.

2. Приговорить к какому-н. наказанию.

3. То же, что обречь (высок.) [110, с. 465].

Соответственно значения отглагольного существительного *осуждение* следующие:

1. См. осудить.

2. Неодобрительное мнение, порицание [110, с. 465].

Видим, что сема обвинения присутствует в значениях как глагола, так и существительного, но связана она преимущественно с судебной деятельностью.

Рассмотрим значения глагола *обвинять*:

1. Считать виноватым, неправым; осуждать, упрекать. Признавать, считать виновником, причиной случившегося, какой-либо беды.

2. Возбуждать и поддерживать против кого-либо преследование по суду за какое-либо преступление. Признавать виновным, выносить обвинительный приговор.

3. Выступить в качестве судебного обвинителя прокурора [136, с. 35].

Значениям глагола соответствуют значения существительного *обвинение*:

1. То, что обвиняет, уличает (действие по 1-му значению глагола). Упреки, указания на вину.

2. Изобличение перед судом какого-либо лица в совершении преступления. Признание за кем-либо вины; обвинительный приговор.

3. Обвиняющая сторона в судебном процессе [136, с. 33].

Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой содержит два глагола: *обвинить* совершенного вида и *обвинять* несовершенного вида. Читаем толкования.

Обвинить:

1. Счесть виновным, упрекнуть, укорить.
2. Считая виновным, привлечь к суду [110, с. 425].

Обвинять:

1. См. обвинить.
2. Выступать на суде в качестве обвинителя [110, с. 425].

Толкование существительного *обвинение* представлено пятью пунктами:

1. Упреки, укоры.
2. Признание виновным в чем-н., приписывание кому-н. какой-н. вины; вменение в вину.
3. Юридические действия, направленные на доказательство виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности.
4. Обвинительный приговор.
5. Обвиняющая сторона в судебном процессе [110, с. 425].

Видим, что первое значение как глагола *обвинять*, так и существительного *обвинение* толкуется через синонимы, в число которых в более старом словаре попадает глагол *осуждать*. Кроме того, в семантическом поле и осуждения, и обвинения четко выделяется зона, связанная с правовой сферой. Таким образом, семантические поля осуждения и обвинения накладываются друг на друга.

Словарь синонимов русского языка также указывает на семантическую связь осуждения и обвинения. В синонимическом ряду глагола *осуждать* первым стоит выражение *признавать виновным* [3, с. 26].

М. Я. Гловинская, описывая семантику глаголов с точки зрения теории речевых актов, выделяет группу «осуждения, упреки и оскорбления», в которую входят, в том числе, глаголы «винить», «выносить-вынести приговор (не юр.)», «обвинять-обвинить», «осуждать-осудить (не юр.)» [27, с. 194–195]. В дальнейшем описании данная группа речевых актов в целом именуется осуждениями, хотя каждый имеет свои отличительные особенности. Эти особенности, по мнению исследовательницы, носят прагматический характер и не связаны с семантической спецификой глаголов.

Замечание о прагматическом характере различий между отрицательно-оценочными жанрами нам представляется верным, и поэтому в своих попытках разграничения осуждений и обвинений мы опираемся не только и не столько на словарные дефиниции – хотя и без них описание жанров было бы неполным – сколько на описание внеязыковых ситуаций и их восприятие наблюдателем. Восприятие ситуации наблюдателем получает выражение в виде квалифицирующих ремарок автора. Такие ремарки-квалификаторы характерны, во-первых, для художественных произведений, где они вводят прямую речь персонажей. Ограниченные возможности этого подхода к художественному тексту объясняет М. Ю. Федосюк: «Достаточно частотными являются, например, квалифицирующие ремарки при вопросах, просьбах, тогда как осуждения, упреки или оскорбления редко сопровождаются ремарками, определяющими их жанровую принадлежность» [151, с. 106].

Учитывая это, особую роль мы отводим ремаркам-квалификаторам в публицистическом дискурсе. Ремарками-квалификаторами можно считать комментарии журналистов к прямой речи героев публикаций, а также глаголы, используемые при ретрансляции РЖ и встроенные в структуру предложения. К примеру, жанр обвинения получает следующие ремарки-квалификаторы в журналистском тексте:

(1) Оппозиция обвинила полицию в препятствовании шествию и митингу, полиция же обвинила оппозицию в намеренной провокации. (Известия. – 2013. – 29 апреля)

Из примера видна и суть взаимных обвинений (*препятствование шествию, намеренная провокация*).

Другой пример из прессы одновременно содержит ремарки-квалификаторы и обвинения, и осуждения:

(2) Экс-диктатора обвиняли в нарушении прав человека, да еще обвиняли социалисты, так что в изрядно полевешей к тому времени Европе его чурались все. Он как-то враз стал нерукопожатным.

Но только не для Тэтчер. Баронесса приехала в дом, где он содержался под домашним арестом, в сопровождении телевизионщиков и гневно осудила тех, кто

устроил охоту на великого человека, который теперь безнадежно болен. (Известия. – 2013. – 9 апреля)

Составленный нами ряд русских глаголов-квалификаторов осуждений и обвинений включает следующие: *обвинять, винить, осуждать, упрекать, корить, критиковать*. Словарные дефиниции часто объясняют значения глаголов и существительных этого ряда, толкуя их с помощью друг друга. Рассмотрим толкования.

Глагол *упрекнуть* толкуется через существительное *упрек*, которое получает следующее определение: «Выражение неудовольствия, неодобрения, обвинение» [110, с. 836]. В этом толковании кроме семы обвинения есть сема субъективного неодобрительного (осуждающего) отношения говорящего к ситуации.

Близость упрека и обвинения подтверждается и такими речевыми примерами, в которых представлены как синонимичные сразу два слова-квалификатора:

(3) Упреки, адресованные в первую очередь канцлеру Германии, которую обвиняют в «эгоистической несговорчивости», заняли целых двадцать страниц. (Известия. – 2013. – 30 апреля)

Глагол *корить* представлен как синонимичный глаголу *упрекать*: «Упрекать, попрекать» [110, с. 296].

Глагол *критиковать* также толкуется через соответствующее существительное: «подвергать критике», где последняя имеет значение «отрицательное суждение о чем-н., указание на недостатки» [110, с. 307]. В его значении сема отрицательной оценки не единственная, поскольку указание на недостатки является, по сути, указанием на вину. Следовательно, он может соотноситься как с осуждениями, так и с обвинениями. В одном из примеров глагол *критиковать* используется как непосредственный синоним выражения *предъявить обвинение*:

(4) А наш молодой специалист, молодой, да, видать, ранний, разнес в пух и прах всех, но себя из числа виноватых вывел начисто. Он не виноват ни в чем! Против этого я могу пока привести только один факт: оратор предъявил обвинение и мне лично, но откуда он знает о моем отношении к этому делу, ес-

ли я его вижу первый раз вот сейчас, на этом собрании? Если он такой боец, что не боится критиковать министра, как можно поверить, что он не мог ко мне проникнуть за целый год своей отчаянной борьбы за распаковку машин. (В. Ардаматский. Суд)

Таким образом, в русском языке существует ряд глаголов и существительных со значением выражения отрицательной оценки, в частности осуждений и обвинений. Словарные толкования этих лексических единиц обнаруживают общие и различные семы; ряд единиц толкуется по-разному разными источниками. В связи с этим квалифицирующие ремарки имеют несколько ограниченный потенциал в определении жанровой принадлежности высказывания. Тем не менее, по нашим наблюдениям, глаголы *винить*, *обвинять* маркируют обвинения, глагол *осуждать* – осуждения, а глаголы *критиковать*, *упрекать* и *корить* обладают диффузной семантикой и могут выступать маркерами как осуждений, так и обвинений.

2.1.2. Семантика английской лексики со значением осуждения и обвинения: словарные дефиниции и ремарки-квалификаторы

Рассмотрим английские глаголы со значением осуждения и обвинения. Исследованный материал позволяет составить достаточно обширный ряд, включающий *accuse*, *attack*, *berate*, *blame*, *condemn*, *criticise*, *denounce*, *deprecate*, *disapprove*, *rebuke*, *reproach*. Кроме того, нам встретились некоторые фразеологизмы с тем же значением: *find guilty*, *point an accusing finger*, *place responsibility*. Данный ряд не является исчерпывающим.

Свои синонимические ряды глаголов английского языка со значением отрицательной оценки представляет В. И. Карасик [71, с. 151–154]. Исследователь разделяет глаголы со значением отрицательной оценки на две группы:

1) со значением юридического обвинения, где ключевым является глагол *accuse* (обвинять), а остальные глаголы –

charge (юр. обвинять), *incriminate* (вменять в вину), *indict* (предавать суду на основании обвинительного акта), *impeach* (обвинять в совершении тяжкого преступления), *arraign* (привлекать к суду по уголовному делу) – используются исключительно в юридической сфере;

2) со значением морального обвинения и осуждения, куда включены все глаголы приведенного синонимического ряда за исключением глагола *accuse*.

Обратимся к толкованиям глаголов, поскольку их перевод на русский язык не отражает специфику семантического различия каждого из них. Английские словари, в отличие от русских, часто объясняют семантическое значение глаголов, прибегая к описаниям ситуаций. Такой подход позволяет нам определить специфику семантики синонимичных глаголов. Опираясь на установленные различия, мы попытаемся разделить их на две группы, используемые для обозначения РЖ «осуждение» и «обвинение».

Глагол *accuse*, часто связанный со сферой юридического обвинения, может употребляться и вне ее, поскольку трактуется как «to say that someone is guilty of a crime or of doing something bad» (сказать, что кто-то виновен в преступлении или в совершении чего-то плохого) [218, с. 11]. Приписывание Премьер-министру преследования христиан из уст Архиепископа Кентерберрийского звучит как серьезное обвинение, что и получает соответствующий журналистский маркер:

(5) *A former Archbishop of Canterbury has accused the Prime Minister of doing more than any other recent political leader to make Christians feel a “persecuted minority”. (The Independent. – 2013. – 30 марта)*

Компонентный анализ глагола *accuse*, проведенный Ч. Филлмором, показал, что семе «говорить» подчинена сема «нести ответственность» [75, с. 119].

Если положить данный принцип в основу различения глаголов осуждения и обвинения, то увидим, что существуют и другие глаголы, для которых характерно подчинение семы «нести ответственность» семе «говорить». Таковым является глагол *blame* – «to say or think that someone or something is responsible for something bad» (говорить или думать, что кто-то или

что-то несет ответственность за нечто плохое) [218, с. 143]. Ответственность в свою очередь предпо-лагает наказание: «If someone is responsible for an accident, a crime etc, they caused it and they should be punished for it» (Если кто-то ответствен за несчастный случай, преступление и т.д., он был его причиной и должен быть наказан) [219, с. 77–78].

Глагол *rebuke* толкуется в одном словаре через глагол *blame* – «blame, speak severely to» (обвинять, говорить сурово с...) [152, с. 526], и тогда его логично отнести к ряду глаголов со значением обвинения. В другом словаре значение *rebuke* толкуется с помощью ситуации, в которой подчеркивается неодобрительное отношение говорящего к чему-либо: «to speak angrily to (someone) because you disapprove of what they have said or done» (говорить зло с кем-либо, потому что вы не одобряете (осуждаете) то, что он сказал или сделал) [179, с. 1182]. Основанием для вынесения подобного рода оценки являются представления автора оценки о хорошем и плохом, о том, что следует одобрять и осуждать. Семантика глагола *rebuke* такова, что значение обвинения (приписывания вины и требования ответственности) или осуждения (вынесения отрицательной оценки на основе собственной шкалы ценностей и представлений о морали) реализуется в зависимости от ситуации и контекста. В контексте следующего примера глагол *rebuke* реализует свой потенциал значения неодобрения:

(6) *BBC Sport has been rebuked by the corporation's governing body for showing a technology company's animated logo during its coverage of the Six Nations rugby tournament. (The Independent. – 2013. – 30 апреля)*

Субъективность отрицательной оценки обнаруживается в значении глагола *deprecate* – «to (say that you do) not approve of something» (сказать, что вы не одобряете чего-то) [179, с. 368]. В другом словаре в толковании глагола *deprecate* подчеркивается сила осуждения – «to express strong disapproval of...» (выражать сильное неодобрение в адрес чего-либо) [226, с. 422]. Журналист, автор следующего текста, характеризует глаголом *deprecate* высказывания людей, выступающих против инициативы Эквадора по сохранению уникальных природных зон:

(7) *People who deprecate Ecuador's initiative for this park, calling it "blackmail" or "greenmail", need their heads examining. (The Independent. – 2013. – 10 марта)*

К глаголам осуждения относится также **condemn** – «say that a person is, or has done, wrong or that something is wrong or unfit for use» (сказать, что человек не прав или поступил неправильно или что нечто является неправильным или непригодным для использования) [152, с. 120]. Семы моральной вины, субъективности оценки и ее интенсивности явно выражены в следующем толковании глагола *condemn*: «to say very strongly that you do not approve of something or someone, especially because you think it is morally wrong» (в резкой форме сказать, что вы не одобряете что-то или кого-то, особенно если вы думаете, что это неправильно с моральной точки зрения) [218, с. 320]. В примере (8) глаголу *condemn* с его интенсивностью созвучно прилагательное *louder* (громче), характеризующее неодобрительную реакцию Британии на действия армии в Шри-Ланке:

(8) *Few Western countries were louder than Britain in condemning the Sri Lankan army's shocking violations of human rights as it moved to suppress a bloody rebellion by ethnic Tamils demanding a separate state. (The Independent. – 2013. – 17 февраля)*

В качестве синонима указан глагол **disapprove**, выражающий оценку по шкале хорошо-плохо: «to think that someone or their behavior, ideas etc are bad or wrong» (думать, что кто-то или его поведение, идеи и т.д. является плохим или неправильным) [218, с. 442]. В этом определении следует обратить внимание на то, что глагол толкуется не как глагол речи, а как глагол мыслительной деятельности. Очевидно, по этой причине он редко используется в качестве квалифицирующей ремарки к обвинительно-осуждающим высказываниям.

Особенностями глаголов **berate** и **reproach** являются дополнительные семы, связанные с эмоциональным состоянием говорящего. Так, *berate* толкуется как «to speak angrily to someone because they have done something wrong» (сердито разговаривать с кем-то, потому что тот сделал что-то неправильное) [218, с. 128]:

(9) He berated John Redwood, his Tory shadow, for "cheap populism" in promising to build more roads and to raise speed limits (*The Times*. – 1999. – 21 июля)

Reproach также переносит акцент с собственно диктумной составляющей ситуации на эмоции говорящего: «to blame or criticize someone in a way that shows you are disappointed at what they have done» (обвинять или критиковать кого-то, показывая, что вы разочарованы тем, что он сделал) [218, с. 1396]. Приписывание спортсмену непрофессионального поведения, как в примере (10), безусловно, может квалифицироваться как обвинение:

(10) Albion's chairman, Jeremy Peace, a tough negotiator, reproached Odeinwingie for having "acted wholly unprofessionally". (*The Independent*. – 2013. – 3 февраля)

Глагол *criticise* представлен двумя значениями. Одно из них («to express judgments about the good and bad qualities of something» – выражать суждения о хороших и плохих качествах чего-либо [218, с. 373]) связано с рациональным мышлением и попыткой объективно оценить ситуацию. Другое значение («to express your disapproval of someone or something, or to talk about their faults» – выразить неодобрение кого-либо/чего-либо или говорить об их недостатках [218, с. 373]) имеет непосредственное отношение к выражению личного отрицательного отношения в речи. В зависимости от контекста глагол выступает в качестве квалификатора обвинений или осуждений. К примеру, в следующем контексте глагол *criticise* выступает в ярко выраженном значении обвинения. Компании, подвергшейся критике, приписываются такие действия, как выплата без всяких объяснений огромных премий руководству:

(11) The company, which is based in Ireland for tax reasons, has been critised by investor advisory groups such as Pirc for paying excessive executive bonuses and not explaining the targets that triggered them. (*The Independent*. – 2011. – 4 июня)

В других контекстах глагол *criticise* может иметь значение осуждения, отрицательной оценки, основанной на субъективных представлениях. В следующем контексте критика звучит из уст судьи популярного британского ледового шоу «Dancing

on Ice», который в качестве недостатка участницы отмечает, что она чрезмерно полагается на партнера:

(12) *Samia Ghadie said 'we're meant to be together aren't we?' when the judges criticised her for heavily relying on partner Sylvain Longchambon. (The Daily Mail. – 2013. – 10 февраля)*

То, что замечание судьи носит весьма и весьма субъективный характер, становится очевидным из газетного комментария к одной из фотографий, изображающей судей и выставленные ими оценки: «The judges often contradicted each other during the show» (Во время шоу судьи часто противоречили друг другу).

От глагола *criticise* глагол **attack** отличается семантикой «сила» и «публичность» – «to strongly and publicly criticise a person, plan, or belief that you completely disagree with» (сильно и публично осуждать человека, план или идею, с которыми вы совершенно не согласны) [219, с. 164]. Публичное обвинение в сговоре и уничтожении судом улики видим в примере (13):

(13) *Andy Murray takes to Twitter to attack cycling's Fuentes doping case: 'Biggest cover up in sports history? Why would court order blood bags to be destroyed?' (The Independent. – 2013. – 1 мая)*

Глагол **denounce** делает акцент на публичности отрицательно-оценочных высказываний – «speak publicly against; give information against» (выступить публично против; давать информацию против) [152, с. 161]. Поскольку ключевым в значении этого глагола является предъявление фактов, логично отнести его к семантическому полю обвинения, однако в другом определении глагола *denounce* («to express strong disapproval of someone or something, especially in public» – выражать сильное неодобрение в адрес кого-то или чего-то, особенно публично [218, с. 418]) просматривается сема субъективной оценки, а не предъявления фактов. В подзаголовке статьи «Unions denounce sale as 'privatisation by stealth'» (The Independent. – 2013. – 1 мая) глагол *denounce* вернее всего будет перевести на русский как «заклеймили», так как этот глагол сочетает сему обвинения и сему выражения сильного неодобрения: «Профсоюзы заклеявили продажи, назвав их "приватизацией путем воровства"».

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что глаголы *accuse*, *blame* и *reproach* маркируют РЖ «обвинение», глаголы *condemn* и *deprecate* маркируют РЖ «осуждение», а глаголы *criticise*, *attack*, *denounce*, *rebuke* и *berate* обладают диффузной семантикой и могут выступать в качестве ремарок как к осуждениям, так и к обвинениям. Несмотря на некоторые различия в семантике вышеперечисленных глаголов, нельзя отрицать их большую или меньшую синонимичность, что подтверждается данными словарей синонимов. Синонимический ряд английского глагола *disapprove* представлен следующими глаголами: *condemn*, *censure*, *deprecate*, *dislike*, *regard as wrong* (порицать, осуждать (офиц.), высказываться против (офиц.), не любить, относиться как к неправильному) [241, с. 131]. Согласно данным этого же словаря, глагол *condemn* синонимичен глаголу *blame* (винить, порицать), который в свою очередь синонимичен глаголу *accuse* (обвинять).

Таким образом, как в русском, так и в английском языке семантические поля «осуждение» и «обвинение» хотя и не совпадают, но являются взаимопроникающими, что отражено в лексикографических источниках и лингвистических и прагматических контекстах использования глаголов со значением речевых действий отрицательной оценки.

2.1.3. Семантические формулы осуждений и обвинений

На основании представленного выше толкования семантики русской и английской лексики со значением выражения осуждения и обвинения предварительно опишем рассматриваемые жанры, используя метод семантических примитивов А. Вежбицкой [12].

Осуждение (некто совершил плохие поступки)

Я думаю, что поступать таким образом (говорить) – плохо

Ты поступаешь/поступил таким образом

Следовательно, я считаю, что ты сделал плохо, и говорю тебе об этом

Обвинение (некто совершил плохие поступки)

Ты совершил некий поступок, действие

Совершать такие действия нельзя

Знаю, что ты совершил эти действия, и говорю тебе об этом

Для осуждений важно то, что поступки/действия являются плохими и отрицательная оценка дается автором исходя из собственных субъективных представлений о плохом и хорошем. Автор может допускать тот факт, что объект осуждения не разделяет его представлений о плохом и хорошем. Для обвинений важно связать плохие действия с совершившим их лицом, объектом обвинения, как бы «обнародовать», пусть даже перед одним человеком, нелицеприятную информацию, предъявить факты. Обвинение обязательно включает в себя осуждение. Чтобы обвинять, автор должен прежде всего осудить действия объекта обвинения, оценить эти действия как плохие. Речевому жанру обвинения предшествует, по нашему мнению, ментальный акт осуждения.

Для полного описания исследуемых жанров необходимо обратиться к сфере прагматики, анализу ситуаций, в которых реализуются РЖ «осуждение» и «обвинение».

2.2. Тип оценки как жанроразличительный признак осуждений и обвинений

В работах некоторых отечественных ученых предлагаются принципы разделения осуждений и обвинений, основанные на прагматических факторах. Н. В. Орлова пишет: «То, в чем обвиняют, – действия, безусловно порицаемые в обществе. Намерение говорящего заключается в том, чтобы приписать кому-то данные деяния. Истинность референтной ситуации может оспариваться объектом обвинения. Для осуждения существенна оценочная интерпретация некоего положения дел. Истинность

референтной ситуации не подлежит сомнению» [111, с. 53]. Действительно, такой принцип хорош в большом количестве случаев, позволяя провести четкое разделение между осуждением и обвинением. Обратимся к примерам:

(14) *К Инне подошла Муза Савельевна и сказала:*

«А вы зачем пришли? Какая бестактность! Дайте матери сына похоронить». (В. Токарева. Лавина);

(15) *Но чаще дети убивают по тем же мотивам, что и взрослые: ссора, зависть, жадность, любовь. В Иркутске в 2012 подросток убил брата из-за ноутбука.*

Дети ничуть не лучше взрослых, да. Поэтому в Британии их можно судить с 10 лет. В России – с 14. Это какой-то слишком наивный гуманизм. (Известия. – 2013. – 22 июня)

В примерах (14), (15), представляющих осуждение, истинность референтной ситуации не оспаривается, нельзя отрицать факты (*вы пришли; в России можно судить с 14 лет*). Неоспариваемая референтная ситуация получает оценку автора – *бестактность; слишком наивный гуманизм*, и адресат может оспорить оценку, но не факт.

В случае обвинения адресат может не согласиться с существованием референтной ситуации, отрицать факты. Приведем примеры:

(16) *Студенты громко разговаривают на занятии.*

Преподаватель: Нет, в голос, в голос сидят и разговаривают.

Студенты: Кто? Мы? (PPP P3);

(17) – *<...> Но я не буду с тобой, Сережа, и не пушу тебя больше в свою жизнь. Еще и потому, Сережа, что ты меня бросил и приехал только через неделю. И только потому, что Гаранин тебе все объяснил.*

– Я?! – Этой несправедливости Свиридов уже не мог вынести. – Я тебя бросил?! У тебя язык поворачивается мне это сказать?! (Д. Быков. Списанные)

Субъекты оценки приписывают адресатам порицаемые в данных ситуациях действия (*разговаривают – в ситуации учебного занятия; бросил – в ситуации любовных отношений*).

Нежелание объектов оценки признать правдивость референтной ситуации достаточно ярко проявляется в переспросах (*Кто? Мы?; Я?! Я тебя бросил?!*).

Однако существует множество случаев, когда, используя данный принцип, невозможно провести четкую границу между осуждением и обвинением.

(18) Краснолицый инспектор громко отчитывал женщину:

– Как вы себя ведете! Вот возьму и вызову сейчас милицию.

– А что я сделала? – оправдывалась женщина.

– Как что сделали? Побежали в туалет вешаться.

– Да ничего не вешаться. Просто в туалет и все.

– Вы сказали: «Если не дадите квартиру, пойду в туалет и повешусь». Вот люди слышали. (В. Токарева. Хеппи энд)

С одной стороны, инспектор отрицательно оценивает поведение женщины. Женщина не согласна с этой оценкой. Эти признаки характерны для осуждений. С другой стороны, инспектор считает, что женщина собирается совершить действие, порицаемое в обществе. То есть можно сказать, что он обвиняет женщину в антиобщественном поведении. И тогда это – жанр «обвинение». Момент осуждения фактически всегда присутствует в обвинении. Ментальный акт осуждения может получать или не получать вербальное выражение, но именно на нем базируется РЖ «обвинение». И наоборот, при осуждении в качестве аргументов, подтверждающих справедливость оценки говорящего, приводятся обвинения:

(19) – Валер, сходи, а?... Будь человеком...

– И не подумаю, – отрезал косым ртом Минаев. – Я тебе не мальчик на побегушках. И вообще... Всю ночь шастал, пил, гремел, блевал. Я не выспался, а мне целый день работать. Три концерта.

– Так и у меня три концерта. Странный ты человек, – подивился Мишаткин. – Только о себе думаешь.

– Скажу Большаковой, пусть нас расселит. Я после гастролей, как с войны, возвращаюсь. Никаких денег не захочешь...

– Сходи... – простонал Мишаткин. (В. Токарева. Хеппи энд)

Рассматривая примеры, мы оперировали определением Н. В. Орловой «действия, безусловно порицаемые в обществе». Между тем несложно показать, насколько относительным является это определение. В строгом понимании действиями, безусловно порицаемыми в обществе, являются те, которые определены как наказуемые законодательными актами. По замечанию В. И. Карасика, «вредные для общества пороки выливаются в действия, получающие не моральную, а юридическую квалификацию» [71, с. 254]. Это действия, в которых можно **обвинять**.

В то же время в обществе существуют **моральные нормы**, нарушение которых не влечет за собой конкретного наказания, но может осуждаться обществом вообще или конкретным его представителем. Определяя размеры общества, в котором общепринятыми являются те или иные морально-этические нормы, мы, в конечном счете, приходим к тому, что даже у близких людей, порой, обнаруживаются различия моральных установок, норм поведения. Можно ли обвинять в нарушении этих норм? Или речь может идти только об осуждении? Поведение, которое одни считают нормой, вызывает у других неприятие. Героиню рассказа А. Алексина обвиняют в наличии таких человеческих качеств, которые, по ее собственному мнению, не должны оцениваться отрицательно. Обвинение как жанр, выдвигаемый против нее, оказывается несостоятельным, поскольку объект обвинений воспринимает приписываемые ей характеристики как положительные.

(20) «Какая ужасная прямолинейность!» – говорили ей. А она никак не могла понять, почему прямая линия хуже ломаной. «Что на уме, то и на языке!..» – сетовали по ее адресу. А она не понимала, почему на уме должно быть одно, а на языке что-то другое.

«Все в лоб! Все в лоб!» – упрекали ее. «Вот и хорошо: быстрее дойдет!» – отвечала Зина. (А. Алексин. Действующие лица и исполнители)

Мы не пытаемся оспорить тот факт, что существуют морально-этические установки, объединяющие общество. Если бы их не было, отдельные люди не могли бы полноценно общаться и само существование общества было бы невозможно. Но есть и множество установок, которые варьируют от одного человека к другому, являясь нормами индивидуальными или узкогрупповыми. Контактирующие в различных сферах жизни люди, знакомые и незнакомые, являются носителями тех или иных морально-этических установок. Разногласия, касающиеся именно моральных норм, приводят, по нашему мнению, к появлению РЖ «осуждение».

С прагматической точки зрения, **осуждение** – это РЖ, посредством которого субъект дает отрицательную оценку кому-либо/чему-либо, исходя из собственного жизненного опыта, представлений о хорошем и плохом, морально-этических установок в целом, в тех ситуациях, когда его морально-этические установки вступают в конфликт с морально-этическими установками других индивидов, касающимися разных сфер жизни:

(21) Аленушка. А я не понимаю этого, чтоб все было под американское: «кайф, лайф»! Песни по-английски, волосы под битлов!

Подруга Шуши. Так оно же не просто американское, оно как бы свободное, понимаешь? Я когда английские слова вставляю, я себя вроде другим человеком чувствую, понимаешь?

Аленушка. Глупости! Мода попугайская! (М. Арбатова. Сейшен в коммуналке)

Что касается РЖ «**обвинение**», то он приписывает объекту обвинения некоторые действия или качества, которые:

1) являются безусловно порицаемыми в обществе (преступления, правонарушения, общепринятые моральные нормы):

(22) Беломор. Как мы все знаем, детки, у Линдочки клептомания: как в Калининский гастроном на второй этаж войдет, так пустая выйти не может. Хоть сухой кисель, а стырит... (М. Арбатова. Сейшен в коммуналке.);

2) являются порицаемыми в данном кругу общения:

(23) – *Какой второй тур? Что вы тут права качаете? С чем вы к нам пришли? Фактура запущена. Походки в принципе нет. Кожа – как на старых зимних сапогах, в которых ходили по улицам, посыпанным солью. И главное, кто за вами стоит?*

Именно такой текст на конкурсе красоты сказали члены жюри хорошенькой, как персик, подруге Лилиной дочери, после чего она траванулась таблетками. (М. Арбатова. На фоне Пушкина... и птичка вылетает...);

3) должны быть, по мнению субъекта оценки, порицаемыми в обществе. Этот тип обвинения наиболее близок к осуждениям:

(24) – *Невероятная ситуация, – обратилась к Лиле незнакомая дама с пучком. – Не понимаю, что здесь празднуют. Пир во время чумы. Я, член Союза писателей Украины, автор пяти книг для школьников, вынуждена голодать. Мою прозу перестали печатать, я осталась на копеечной пенсии. (М. Арбатова. На фоне Пушкина... и птичка вылетает...).*

В целом нам близка точка зрения Л. Л. Федоровой, которая рассматривает осуждение и обвинение в рамках оценочного и эмоционального воздействия. Она относит осуждение к морально-этической сфере, а обвинение – к социально-правовой сфере оценки поведения [145, с. 49–50].

Субъект обвинения, по всей видимости, в большей степени ощущает свою правоту, поскольку считает, что окружение поддерживает его оценку. Большая уверенность субъекта обвинения по сравнению с субъектом осуждения получает языковое выражение. По мнению О. С. Винокуровой, «осуждение, обвинение, оскорбление объединены одной обобщенной коммуникативной целью выражения отрицательной оценки адресата, третьих лиц и/или их действий и различаются степенью отклонения от норм межличностного общения» [21, с. 43]. Различную степень нарушения речевых и этических норм О. С. Винокурова использует, чтобы построить градацию из перечисленных жанров, начиная с осуждения как нарушающего нормы в наи-

меньшей степени и заканчивая оскорблением как самым неэтичным жанром.

Действительно, осуждение и обвинение различны не только по оттенкам коммуникативной цели, но и по силе выражения отрицательной оценки. В то же время сила выражения отрицательной оценки не может быть признана жанроразличительным признаком. Поскольку именно коммуникативная ситуация включает ряд факторов, выступающих в качестве жанрообразующих признаков, обратимся к рассмотрению ситуаций, в которых используются обвинения и осуждения, в частности, к субъекту этих РЖ.

2.3. Субъект осуждений и обвинений в разных типах дискурса

2.3.1. Статус субъекта отрицательной оценки

Характеризуя автора осуждений и обвинений, заметим, что оба жанра могут встречаться в общении как знакомых, так и незнакомых людей. В то же время именно статус близкого адресату человека, тесный контакт коммуникантов в жизни вообще и в данной ситуации общения позволяет говорящему прибегнуть к осуждениям и обвинениям. Чтобы осуждать или обвинять человека, необходимы мотив, знание его поступков и недовольство ими. Субъектами осуждений и обвинений часто оказываются члены семьи, близкие люди.

Мать – дочери:

(25) – У тебя ноги стали, как у паука... И цвет лица синий, как застиранная тряпка. (В. Токарева. Дом генерала Куропаткина)

Бывший любовник, некогда пострадавший от поступка героини, обвиняет ее в неверности:

(26) Or you find it too difficult to transfer your company loyalty from Everett to me?.. Assuming, that is, that you possess any loyalty at all. (L. Peake. Strangers into Lovers)

Дочь, отказавшаяся идти за покупками с матерью, получает характеристику зануды:

(27) *You are such a lump... You don't enjoy anything.*
(A. T. Ellis. *The Clothes in the Wardrobe*)

Степень близости между коммуникантами может определять тот перлокутивный эффект, который производит высказывание автора на адресата. Если незнакомый человек в очереди или транспорте скажет вам, что у вас цвет лица синий, как застиранная тряпка, то, безусловно, вы расцените это как оскорбление. Другое дело, если это слова матери, осуждающей свою дочь за то, что та пренебрегает своим здоровьем и самочувствием. Для осуждений и обвинений, представленных в художественной и разговорной речи, характерна личная заинтересованность автора оценки в происходящем.

Кроме того, важно соотношение статусов автора и адресата. Осуждения и обвинения возможны тогда, когда автор занимает либо равное положение с адресатом на социальной лестнице, либо более высокое. О статусах говорящего и адресата в речевых актах осуждения М. Я. Гловинская пишет: «В большинстве случаев они равноправны, но иногда статус субъекта РА может быть выше статуса адресата в какой-то иерархии (социальной, возрастной и пр.)» [27, с. 197]. Данная цитата, как нам представляется, касается «очных» осуждений и обвинений, объектом которых является второе лицо, слушатель. Именно по причине различия социальных статусов, а именно более низкого социального статуса субъекта оценки, многие из «заочных» осуждений и обвинений, объектом которых является третье лицо, не могут состояться в «очной» форме. Открытое осуждение или обвинение лица, занимающего более высокое положение в какой-то иерархии, принимает форму протеста и бунта, нарушая тем самым установленный порядок вещей и саму иерархию. Именно так воспринимаются слова женщины-секретаря в адрес своего босса:

(28) *"I've worked myself almost into a zombie over your precious work", she stormed. "You've driven me like a slavedriver, using your power as an employer like a whip!"* (L. Peake. *Strangers into Lovers*)

Показателен пример из художественной литературы, где объект обвинения, начальник, понимает, что обычная иерархия нарушена и бывший подчиненный пришел к нему в другом социальном статусе:

(29) Шеф занимался йогой. Стоя на голове.

– Я пришел сказать вам, что вы – законченное говно, – объявил Алексей.

– А бывает незаконченное? – спросил Шеф, стоя вверх ногами.

– Бывает незаконченное.

– А какая разница?

– Незаконченное – это когда человек знает, что он говно, и стесняется этого. А законченное – это когда он знает и не стесняется.

Шеф встал на ноги.

– Вы, наверное, принесли заявление об уходе? – поинтересовался Шеф.

– А как вы догадались?

– Раньше вы не были таким откровенным.

(В. Токарева. Северный приют)

Будучи подчиненным по службе, автор обвинения был лишен возможности дать отрицательную оценку действиям и качествам Шефа. Выйдя из этой роли, он присвоил себе другую – человека более нравственного по сравнению с Шефом и поэтому имеющего моральное право обвинять. Право судить субъект осуждения и обвинения часто присваивает себе сам, на основе собственных представлений не только о хорошем и плохом, но и о социальных статусах – своем и объекта оценки.

Практически абсолютной свободой в выражении собственных оценок наделяет себя автор художественного произведения, который может осуждать и обвинять своих героев, а также представлять более широкие обобщения в форме РЖ «осуждение» и «обвинение»:

(30) Грише солгали: брат его был расстрелян. За то, что в сорок первом он не успел взлететь. «Выяснилось», что он не поднялся в воздух сознательно: чтобы сразу же сдаться врагу. Государство спихивало злодейскую вину свою на своих неповинных граждан.

Ибо оно, государство, не могло быть виновным ни в чем. (А. Алексин. Отец и дети);

(31) Во всем плохом, что происходит с детьми, виноваты родители, и даже если они не виноваты, то виноваты все равно. (В. Токарева. Длинный день);

(32) I think the remark was tactless. Women are often a little too managing. (W. S. Maugham. Virtue)

Обвинения всего государства (пример (30)), всех родителей (пример (31)), всех женщин (пример (32)) иллюстрируют использование писателем своего права на отрицательно-оценочные высказывания обобщающего характера.

2.3.2. Эмоциональное состояние субъекта осуждений и обвинений

Наряду с ощущением своего права оценивать ситуацию и ее участников, характеристикой авторов осуждений и обвинений часто оказывается некоторое эмоциональное возбуждение, неуравновешенность. Чувства, которые автор осуждения/обвинения испытывает по отношению к объекту оценки, имеют достаточно широкий спектр – от недовольства и злости до гнева и потери самообладания. Записи разговорной речи практически не содержат комментариев относительно манеры произнесения любых жанров, в том числе и рассматриваемых нами. Редкие исключения составляют пересказы слов третьих лиц с соответствующим комментарием. Художественная литература, наоборот, использует огромный арсенал средств описания эмоциональных состояний человека. Некоторые из этих средств задействованы и в публицистике. Выделенные нами средства выражения душевных состояний включают:

1) **описание внешнего вида, физиологических реакций** говорящего, свидетельствующее о его небезразличном отношении к происходящему:

(33) – Но какая жизнь у меня впереди? – Аня подняла голову, и он увидел ее глаза, хрустальные от подступивших слез. – Какая жизнь у меня? У мамы? У ба-

бушки? У Алика? Какой пример ты подаешь Юре?
И что скажут Юрины родители? Ты подумал?
(В. Токарева. Лавина);

(34) ...Syl had gone pale and sworn at me, using a word I had never been called before, and saying only a moron would say she didn't like the sea. (A. T. Ellis. *The Clothes in the Wardrobe*);

2) **описание физических действий** субъекта оценки, демонстрирующее крайнюю степень эмоционального напряжения и усиливающее эффект оценочного высказывания:

(35) Она смерила Катю глазами, как бы говоря: «Ну вот, я же говорила, что ты непутевая...» (В. Токарева. Дом генерала Куропаткина);

(36) He ignored her question and tightened his grip instead... "You're not only a cheat, you're a coward and a liar." (L. Peake. *Strangers into Lovers*);

3) **непосредственное описание чувств** субъекта оценки:

(37) Андрей взглянул на нее с откровенным изумлением. «Зачем же так? При жене!» – упрекал его взгляд. (А. Алексин. Действующие лица и исполнители);

(38) "You're not serious. We're serious here. You drink little cups of tea all day. Little cups of tea..." ...The hysteric went on, "Little cups of tea..." (M. Spark. *The Public Image*);

(39) Т. ...Стали выяснять/ в чем дело/ что там такое// И когда узнали что это белошвейка/ то дамы из общества эти наши все/

У. Они попадали в обморок?

Т. «такой мезальянс/ Володя/ женился на белошвейке»/ я вас умоляю// Там был просто шок// Причем они были хорошие люди/ но просто это был настоко не...

У. Ну да/ это было не принято // (РМ 1999).

Описания чувств авторов осуждений и обвинений распространены в публицистическом дискурсе:

(40) Я закончила школу в 1991-м, поэтому сопереживала на расстоянии. Но, если честно, я и до сих пор содрогаюсь, вспоминая эти коричневые платья,

которые можно было купить только два раза в год. А дети, знаете ли, растут. И вот оно уже жмет в подмышках. (Известия. – 2013. – 23 апреля);

(41) *Dr John Gibbs, chair of the paediatric cardiac clinical audit which supplied the mortality data and who is recently retired from LGI, said he was “furiously” the data had been used because it was “not fit to be looked at by anyone outside the committee”. And Mr Mulholland said he was “stunned and appalled” by Sir Bruce’s action and called on him to resign. (The Independent. – 2013. – 31 марта)*

В английском примере (41) видим, что журналист, сообщая о чувствах участников конфликта, ставит соответствующие лексические единицы в кавычки, тем самым отстраняясь от конфликта и выступая в качестве объективного наблюдателя;

4) **ремарки к РЖ**. Автор художественного произведения или ретранслятор РЖ в публицистике маркируют высказывания автора осуждений и обвинений глаголами речи, обозначающими особую манеру произнесения, для которой характерно выражение недовольства и душевного дискомфорта:

(42) *“You little cheat”, he sarled, “running off when I needed you most, afraid you’d catch what I had, afraid of the future...” (L. Peake. Strangers into Lovers);*

(43) *У нас под окнами вечером какой-то грохот поднялся. Муж вылез из окна и начал кричать: «Вы с ума сошли, фейерверки у меня во дворе устраивать! Идите у себя дома взрывайте». (Известия. – 2013. – 21 апреля)*

Герои художественной прозы могут делать ремарки к своим РЖ:

(44) – *Заявляю официально: твоя дочь тупица и врунья! (В. Токарева. Северный приют)*

Таким образом, общей характеристикой обвинений и осуждений является небезразличное отношение субъекта высказывания к происходящему, что получает во всех типах дискурса выражение в языковых средствах со значением эмоциональности и специфическом описании ситуаций с акцентом на эмоциональный аспект.

2.3.3. Субъект осуждений и обвинений в публицистическом дискурсе

Специфика субъекта осуждений и обвинений в публицистическом дискурсе обусловлена тем, что публицистическое общение опосредовано газетным текстом. Кроме того, образ автора в публицистике неоднороден. Рассмотрим, кто может выступать автором осуждений и обвинений в публицистическом дискурсе.

Автором публицистического осуждения или обвинения может быть, прежде всего, **журналист**, который адресует свой РЖ массовому читателю. Объектом оценки в этом случае является 3-е лицо, некая ситуация, часть общественной системы. Такие осуждения и обвинения широко представлены в газетном дискурсе, так как для современной прессы характерно не только информирование читателя о том или ином событии, но и оценочные комментарии.

Обсуждение вопроса о предназначении средств массовой информации, о задачах, стоящих перед журналистами, вылилось в противостояние двух точек зрения – «объективизма» и «субъективизма». Обе точки зрения освещает в своей работе С. И. Виноградов [19]. «"Объективизм" полагает основную цель mass media в информировании адресата, отводя субъекту роль едва ли не "вербального фотографа", беспристрастно фиксирующего события и факты» [19, с. 305]. В рамках этой точки зрения «провозглашается принцип полной отстраненности журналиста от сообщаемого, так как именно он соответствует задаче прессы информировать общество, а не реформировать его» [19, с. 305]. Между тем современная пресса, особенно русская, соответствует в большей степени «субъективному» направлению, представляющему прессу как социальный институт. «В этом случае за субъектом признается право на ментальную и социальную активность; более того, проявление этой активности рассматривается как одна из максим деятельности журналиста» [19, с. 306].

Поскольку мы изучаем оценочную сторону газетных текстов, рассмотрим структуру субъекта оценки. Американский

социолингвист Е. Гоффман в своих работах выделил категории, которые часто применяются современными исследователями для анализа медийного дискурса. Е. Гоффман считает, что «говорящий выступает в трех ипостасях: аниматора – того, кто произносит высказывание; автора – того, кто порождает высказывание; принципала – того, чья позиция выражена в высказывании» [19, с. 307]. Для современной прессы характерно совмещение в субъекте ролей автора и принципала. Журналист дает оценку сообщаемой информации, занимая активную гражданскую позицию и стремясь к формированию таковой у адресата. Т. В. Кочеткова подчеркивает оценочность публицистических текстов: «...Тот или иной факт интересует автора публицистического текста не сам по себе, а лишь в аспекте социальных оценок» [84, с. 67]. Таким образом, сама сфера деятельности предусматривает широкое использование автором-журналистом различных оценок, как положительных, так и отрицательных, в виде осуждений и обвинений.

Журналистская оценка становится предметом осмысления для множества читателей и средством воздействия на них. «Персуазивность как признак газетного дискурса выражается в сознательном, намеренном воздействии на когнитивно-ментальную сферу читателя с целью добиться нужного манипулятору результата», – читаем у С. И. Виноградова [19, с. 281–282]. Стремление оказать влияние на убеждения и мировоззрение людей, иными словами, на общественное мнение, лежит в основе журналистских оценок. С другой стороны, отрицательные оценки, осуждения и обвинения, представленные на страницах прессы, достигают восприятия конкретных лиц, являющихся объектами отрицательной оценки, и затрагивают их личное самочувствие.

Классифицируя виды субъектов оценочных высказываний, Е. М. Вольф выделяет индивидуальные оценки, оценки от «общего мнения», т.е. совокупности лиц, образующих некий социум с общими стереотипами, а также оценки, представленные как истинные в «реальном мире» [22, с. 69]. Анализ материала показывает, что журналистские оценки представляют все три типа оценок, выделенных Е. М. Вольф.

Широкий спектр влияния газетного текста способствует тому, что автор газетного текста может представлять свою собственную оценку от «общего мнения» или как истину, не подвергаемую сомнению:

(45) Разоблачения Сноудена в сочетании с утечками, имевшими место ранее (WikiLeaks, Вильям Бинни и др.), показывают, что у США есть значительные преимущества перед другими государствами и они могут использовать эти возможности для недобросовестной конкуренции, в том числе и в сфере экономики. Фактически речь идет о гегемонии одной страны в интернете. Вполне уместно сравнить сложившуюся ситуацию с исключительным обладанием одной страной разрушительным оружием – как это было при появлении ядерных технологий. (Известия. – 2013. – 19 июля)

Использование указания «фактически» в составе высказывания способствует восприятию авторского обвинения в адрес США как истины. Подобным образом аналитик из английского издания сообщает о том, что в действительности (*really*) атака на пенсионеров – это атака на всех жителей Британии:

(46) Don't be fooled: Iain Duncan Smith's attack on pensioners is really an attack on all of us. (The Independent. – 2013. – 28 апреля)

По нашим наблюдениям, в английской прессе осуждения и обвинения от лица собственно журналиста или издания в целом занимают меньшее место, чем в русской прессе. Выражение личных оценок характерно для определенных газетных рубрик, таких как передовица (*editorial*) или колонка комментатора (*comment*). Однако это не значит, что общее число английских газетных осуждений и обвинений меньше по сравнению с числом русских. Английская пресса компенсирует количество осуждений и обвинений за счет ретрансляции чужих оценок.

Кроме журналиста, субъектами публицистических осуждений или обвинений являются лица, чью речь журналист цитирует со ссылкой на автора, используя прямую или косвенную речь. Желая отстраниться от оцениваемой ситуации, журналист лишь ретранслирует чужую речь, беспристрастно цити-

руя точку зрения субъекта осуждения и обвинения. Именно беспристрастное цитирование очень характерно для английской прессы, где журналист не выражает своего отношения к сказанному другими лицами. Чужая речь вводится словами журналиста, цитирующего врача, осуждающего преждевременное обнаружение неточных медицинских данных о функционировании кардиоцентра:

(47) Dr Gibbs said in an email to The Independent: “This data was in its very early stages and was nowhere near robust enough to be released to anyone. The steering committee has only had one working day to look at it and has already found a systematic error which excluded some cases, with a substantial resulting change in Leeds’ standardised mortality ratio<...>” (The Independent. – 2013. – 31 марта)

В другом примере цитируются слова создателя культовых передач на Четвертом канале об ужасном состоянии дел на телевидении:

(48) Charlie Parsons, creator of Channel 4 icons such as The Big Breakfast and The Word, broke cover last week to tell Broadcast magazine that “something has gone hideously wrong”. (The Independent. – 2013. – 4 марта)

В русской прессе журналисты склонны демонстрировать свое отношение к приводимым осуждениям и обвинениям – отрицательное или положительное. Ироничный журналистский комментарий по поводу «горе-управленцев», обвиняющих во всем кризис, показывает абсурдность обвинений чиновников и политиков и по сути сам является образцом обвинения:

(49) Зато в России наконец-то нашли виноватого – им оказался кризис. Он как-то здорово скрывает все грехи горе-управленцев и политиков. Это не мы виноваты, это кризис, он по всему миру, не обессудьте. Взятки гладки... (КП. – 2009. – 24 марта)

Следующий текст также представляется нам «двуслойным»: обвинение мэром жителей города во всех бедах получает ироничный, с обвинительной подоплекой, комментарий журналиста и потому теряет свой перлокутивный эффект:

(50) Александр Иванович Курьин отбивал все народные нападения, как Анна Курникова – теннисные мячики. В результате изящно выстроенных речей получалось, что жители чуть ли не сами виноваты в росте тарифов на «коммуналку», что подвалы заливают, а улицы не освещены. Большое будущее у этого политика. (КП. – 2009. – 24 марта)

Журналисты также используют чужую речь в жанре осуждений и обвинений в качестве поддержки собственных точек зрения, в качестве аргументов, подтверждающих их мнения. В этом случае в тексте статьи слова автора и цитаты перемежаются, звуча в унисон:

(51) Что же получается: хитрый мировой капитал на самом деле кредитует не Россию, а западный Бизнес? И под это дело еще решает, как нам обучать своих школьников? А для полного цирка требует с нас возврата денег, которые и так уже ушли за кордон, да еще с процентами?

– Ухлопать 4 миллиона долларов на создание нескольких учебников? Это невероятно! – воскликнули в Министерстве образования России. – Самые дорогие разработки школьной литературы обходятся нам не больше 50 тысяч долларов. Из них до 10 тысяч перепадает авторам учебника.

Мы разыскали нескольких юристов, работавших над учебниками Фонда. Они признались, что им платили всего 200–300 долларов за книгу. (КП. – 2001. – 31 января)

В данном примере авторское обвинение западных кредиторов в нечестности усиливается отрицательной оценкой происходящего, данной Министерством образования. Оценка ситуации авторитетной инстанцией играет важную роль в создании убедительной картины происходящего.

Цитируемые оценки представлены не только в публицистической, но и в разговорной и художественной речи. В то время как в РР и ХР они чаще представлены в составе нарративов и не оказывают специфического воздействия на адресата, в публицистическом дискурсе они имеют ярко выраженную на-

правленность на общественное сознание, сознание массового читателя, часто с целью манипуляции.

Автором осуждений и обвинений в третьем типе ситуаций является **интервьюируемый журналистом известный или компетентный в определенной области человек**. Печатное интервью по сути представляет прямую речь интервьюируемого, и в силу специфики жанра его высказывания представляют большую важность, чем вопросы или комментарии самого журналиста. Задачей интервью является выяснение мнения третьих лиц по определенным вопросам, и их компетентность позволяет им высказываться на эти темы достаточно прямолинейно. Осуждения и обвинения в значительной степени определяют наличие этой прямолинейности и критического анализа ситуации. В своем интервью директор ГМИИ имени Пушкина Ирина Антонова открыто сообщает о бездействии и нежелании властей всех уровней отреагировать на ее идею о воссоздании музея Западного искусства:

(52) – И вы решили, что последний шаг, который может помочь, – обратиться к президенту?

– Да, именно так я и решила. Потому что вижу, как все уклоняются. Говорила и прежнему министру культуры, и нынешнему. Говорила и на более высоком уровне. Не говорила только на том уровне, на который вышла в последний раз. (Известия. – 2013. – 29 апреля)

Обобщение (*все*) и неоднократные повторы (*говорила*) создают картину систематических неудач при попытках найти общий язык с властью.

Президент ОАО «Российский инсулин» Н. Ю. Анистратенко описывает ситуацию с обеспечением в России больных инсулином и делает резкие выпады в адрес Минздрава, обвиняя его в преступной по отношению к больным политике:

(53) Так вот, не успели отечественные инсулины появиться, как им была объявлена настоящая война. Они натолкнулись на глухую стену неприятия, многочисленных интриг и подковерных ходов закупочного лобби в Минздраве и аппарате правительства РФ, где проблемой инсулинов занимаются господа Е. Ш. Гонтмахер и В. В. Береговых. Все они пытались во что

бы то ни стало уничтожить российского производителя. (КП. – 1999. – 22 июля)

В следующем примере из интервью газете “The Guardian” лидер английского феминистского движения выступает с критикой общества, обвиняя социальные структуры, большие корпорации, секс-индустрию и индустрию красоты во лжи и подержании ситуации неравенства женщин:

(54) Throughout the 90s and much of the noughties, we were sold a lie on an almighty scale. That equality had been won, that the battle was over, and now was the time to enjoy our rights. I think what really helped contribute to that was how institutions and corporations who rely on sexism, who rely on women's inequality, adapted and changed. And co-opted the language of feminism very, very cleverly. <...> The sex industry held itself up as the promised land of feminism. Everything that feminists had been fighting for – sexual liberation, economic independence, control over their own bodies and so forth. When in fact what they represented was the complete opposite of feminism. (The Guardian. – 2012. – 14 октября)

Каждый интервьюируемый держится в рамках определенной темы, которая хорошо ему знакома и обсуждая которую он может позволить себе отрицательно-оценочные высказывания.

Формат многих отечественных и зарубежных изданий предусматривает обратную связь, связь с читателем, который может отреагировать так или иначе на происходящие события или публикации в издании. Поэтому одним из авторов осуждений и обвинений в публицистике можно назвать **читателя**. Письма читателей печатаются в специальных рубриках. Кроме того, электронный формат изданий имеет форумы для выражения мнений и реакций. Эти мнения и реакции нередко создаются в жанрах осуждений и обвинений. Одна из онлайн реакций на разногласия, возникшие по поводу возможной передачи части коллекции Эрмитажа в Москву, звучит как обвинение в адрес директора Эрмитажа (орфография и пунктуация оригиналов здесь и далее сохранены):

(55) У Пиотровского обокрали весь музей супруги Завадские, брали, выносили, закладывали, а он ничего не знал. Поэтому правильно Антоновой отдать картины из Эрмитажа, целее будут, а, чтобы места хватило, в Эрмитаж надо отправить всех этих авангардистов, Малевичей, Козлевичей, с их квадратами, пускай любуются. (URL: http://izvestia.ru/news/549727#add_comment (дата обращения: 02.05.2013))

В другом случае поводом для обвинительных высказываний становится серия взрывов в Бостоне. Читатель обвиняет США в создании и поддержке терроризма:

(56) Все исламские боевики – выкормыши США и действуют в их интересах и только, в не зависимости от того, что думают сами члены этих организаций, т.к. они дикие клованы под контролем США!!! (URL: http://izvestia.ru/news/549685#add_comment (дата обращения: 30.04.2013))

В следующем примере читатель осуждает поведение на поле футболиста Суареса, характеризуя его как агрессивное. Он считает, что во время игры футболист совершил правонарушение, которое должно рассматриваться судом:

(57) *Luis Suarez has decided to acquiesce in the matter of his 10-match ban. Opinions differ as to whether his treatment at the hands of the FA is fair and reasonable. The question remaining to be asked is why the matter rests with the FA at all. While such sanctions as the ban are clearly appropriate in the narrow context of the game, Suarez's conduct, which was in no way connected with the conduct of play, constitutes assault – and should be treated as such<...> There's a distinction to be made between unsafe and "dirty" play and wanton aggression. John Welch, Telford, Shropshire. (The Independent. – 2013. – 30 апреля)*

Осуждение точки зрения, в соответствии с которой эффективно функционируют только организации, приносящие доход, содержится в следующем письме английского читателя. Он называет утверждение попросту неверным (*clearly untrue*) и приводит в качестве примера государственные школы Финляндии:

(58) James Paton (letter, 24 April) is clearly one of Thatcher's children in that he shares her obsession that only things that are run for profit can excel. This is clearly untrue <...>The best schools in the world are the state comprehensive schools of Finland, where private education is simply not allowed. Dudley Dean, Maresfield, East Sussex. (The Independent. – 2013. – 30 апреля)

Возможность для читателя, занимающего критическую позицию по отношению к разным аспектам действительности, выступать в качестве соавтора газетных публикаций дает ему ощущение ценности и важности собственной точки зрения и ее вербального выражения.

Итак, «портрет» автора осуждений и обвинений в публицистике образован несколькими субъектами – непосредственно журналистами, представителями прессы; третьими лицами, включая видных деятелей и специалистов в той или иной сфере, чьи оценочные высказывания релевантны в данной ситуации; неизвестными людьми, чьи оценки и комментарии используются для подкрепления точки зрения журналиста; читателями, выражающими в письмах в редакцию и онлайн комментариях свою оценку каких-то событий либо опубликованных в издании материалов.

Для автора осуждений и обвинений в публицистике характерно не моральное, а статусное право давать оценки. Журналист наделен таким правом как представитель четвертой власти. Компетентность в определенной области дает основания для отрицательных оценок третьим лицам. Читатель может осуждать и обвинять, поскольку его мнение является мнением тех, для кого создается пресса, а кроме того, выражение этого мнения санкционировано самим изданием, предлагающим ряд форматов для общения с читательской аудиторией. Используемые журналистом интертекстуальные вставки и ссылки на речь третьих лиц, а также реакции читателей на публикацию определяют многослойный характер авторства публицистического дискурса, в том числе его отрицательно-оценочного компонента.

2.4. Коммуникативная цель и мотивы осуждений и обвинений

Коммуникативная цель как принципиальная жанровая характеристика положена в основу описания осуждений и обвинений. Поскольку оценочность является основным, показательным признаком РЖ «осуждение» и «обвинение», автор относит названные РЖ к категории оценочных жанров, которые (по Т. В. Шмелевой) предполагают влияние на социальное самочувствие и ценностные ориентиры адресата [158, с. 92]. Такое описание действительно в целом характеризует осуждения и обвинения, но между ними есть различие. **Обвинение** предполагает наличие у субъекта и объекта единой ценностной шкалы. Субъект обвинения приписывает плохие действия объекту, и обвинение не состоится как жанр, если объект не считает данные действия плохими. **Осуждение** допускает различие ценностных ориентиров у субъекта и объекта РЖ. Влияние не только на социальное самочувствие, но и на шкалу ценностей, мировоззрение объекта оценки является целью осуждений.

В рамках более общей оценочной коммуникативной цели осуждений и обвинений можно выделить **отдельные мотивы**. О мотивах речи К. Ф. Седов пишет: «За мыслью стоит мотив, то, ради чего мы говорим. Мотив – первая инстанция в порождении речи. Он же становится последней инстанцией в обратном процессе – процессе восприятия и понимания высказывания, ибо мы понимаем не речь, и даже не замысел, а то, ради чего выражает наш собеседник ту или иную мысль, т.е. мотив речи» [129, с. 14].

Ради чего произносятся осуждения и обвинения? М. Я. Гловинская, исследуя речевые акты, обозначаемые глаголами осуждения, выделяет несколько типов мотивировок и называет соответствующие им речеактовые глаголы:

- 1) стремление дать выход отрицательным эмоциям, злобе субъекта, желание сделать неприятное объекту оценки;
- 2) исправление объекта оценки и побуждение к действиям, которых хочет субъект (в том числе «осуждать»);

3) желание субъекта предать гласности отрицательную оценку объекта, испортить его репутацию (в том числе «обвинять», «осуждать»);

4) просто информирование собеседника об отрицательной оценке свойств или действий объекта или какой-либо ситуации (в том числе «осуждать») [27, с. 197].

Рассмотрим речевой материал и установим соответствия между **мотивом** и речевым жанром.

1. Мотив, состоящий в желании **изменить самочувствие адресата**, являющегося объектом оценки, заставить его испытывать стыд, вину, неловкость и т.д., характерен как для обвинений (пример (59)), так и для осуждений (пример (60)):

(59) *На кухне. Чуть не убежала каша. Корочка, которая образовалась сверху, не дала убежать.*

Жена: А! Меня спасла только вот эта шапка.

Это ты заболтал меня.

Муж: (шутливо) А у вас молоко убежало.

Жена: Противный. Это все из-за тебя. (PPP P3);

(60) *“How vulgar”*, I said, not turning my face from him. It was Nour who looked away. (A. T. Ellis. *The Clothes in the Wardrobe*)

Адресаты в обоих примерах правильно считают мотив говорящих, но если в примере (59) адресат переводит все в шутку, не признавая своей вины, то в примере (60) адресат отводит взгляд, сигнализируя о положительном перлокутивном эффекте высказывания.

Воздействие на самочувствие адресата может осуществляться не только посредством оценки, направленной на адресата, но и посредством отрицательной оценки третьего лица, связанного с адресатом родственными, дружескими или другими отношениями. Говорящий воспринимает адресата и 3-е лицо, объект оценки, как имеющих общие ценности или связанных общими поступками. Поэтому тяжесть осуждений и обвинений как бы делится на двоих. Обвинение обманутой жены, направленное на любовницу мужа, «бьет» прежде всего по самому мужу:

(61) – *Хотя бы нашел скрипачку. Человека нашего круга! – прокричала Ирина. – А кого ты выбрал? У нее даже имени нет! (В. Токарева. Лавина);*

(62) – *Она тебя отловила, потому что ты известный пианист. А я любила тебя, когда ты был никто и ничто!* (В. Токарева. Лавина)

Данный мотив выступает как самостоятельный в художественной и разговорной речи, но в публицистической речи он оказывается составляющей частью другого мотива (см. п. 4).

2. Мотив, состоящий в **стремлении побудить адресата, объекта оценки, прекратить плохое действие**, не повторять плохое действие в будущем, **совершить желаемое** с точки зрения автора высказывания, характерен в большей степени для осуждений, поскольку реализуется цель субъекта оценки повлиять на ценностные ориентиры объекта. Говорить лишнее при ребенке и смеяться в неподходящей ситуации – поступки, осуждаемые с морально-этической точки зрения:

(63) – *Ну, зачем ты говоришь такие вещи при ребенке!* – *расстроилась Катя.* (В. Токарева. Дом генерала Куропаткина);

(64) *“I don’t know why you’re laughing”, – said my mother coldly.* (A. T. Ellis. *The Clothes in the Wardrobe*)

Данный мотив может лежать и в основе обвинений, особенно выраженных в косвенной форме и близких по семантике осуждениям в силу того, что приписываемый плохой проступок не является «универсально признанным деликтом»:

(65) – *Ты опять пропускаешь описания природы?* – *спрашивал отец.*

– *Я ничего не пропускаю, – оправдывался Генка.*

– *Хуже всего, когда ты говоришь неправду. Ну с чем, например, здесь сравнивается запах первого снега?* (А. Алексин. *Неправда*).

Данный мотив актуален и для публицистики с той поправкой, что не предполагается моментальная реакция в виде прекращения плохого действия. Вряд ли следующее обвинительное высказывание читателя в адрес чиновников от здравоохранения и использованные номинации (*a bunch of spivs and shysters* – кучка жуликов и мошенников) приведут к массовым отставкам:

(66) *What remains of the NHS is now run by a bunch of spivs and shysters whose sights are fixed no further for-*

ward than on the lucrative directorships they have been promised by those companies who they favour with equally lucrative contracts, all of which will be managed behind the curtain of "Commercial Confidentiality". (The Independent. – 2013. – 31 марта)

Осуждения и обвинения в масс-медийных текстах влияют в большей степени не на ценностные ориентиры объекта оценки, а на ориентиры и ценности читательской аудитории, формирующей общественное мнение. В качестве примера – осуждение современного российского ТВ за пристрастие к насилию и ярко выраженная попытка повлиять на человеческие ценности:

(67) В США есть традиция: искусство – РАЗВЛЕЧЕНИЕ, и там сцены насилия воспринимаются «не всерьез»; российская традиция: искусство – ВОСПИТАНИЕ, и у фильмов ужасов и насилия главный эффект воздействия – криминализация общества. Берегите души свои и своих детей, выключайте передачи со сценами насилия! Перевоспитать наше ТВ может только всенародный бойкот: другим аргументам наше ТВ не внемлет... Хотя я понимаю, что в моем призыве есть момент донкихотства. (Труд-7. – 2001. – 16 августа)

3. Мотив, состоящий в стремлении **выяснить отношения**, если отрицательная оценка направлена на адресата РЖ, **желание «выпустить пар»**, **дать выход отрицательным эмоциям**, характерен как для осуждений, так и для обвинений. Осуждение говорящего в примере (68) вызвано недоумением, как писатель может не замечать внешности другого человека:

(68) “Oh, my God”, said Janet. “Are you a novelist or are you not? What’s the colour of his eyes?”

“I don’t know.”

“You must know. You can’t spend a week with anyone without knowing if their eyes are blue or brown. Is he fair or dark?” (W. S. Maugham. Virtue)

Выяснение отношений бывших любовников сопровождается резкими обвинениями с одной из сторон:

(69) “You couldn’t take it, could you, a relationship with a dying man. Why did you go? Afraid you might catch

what I'd got, although I'd assured you it was neither infectious nor contagious? Or was it pity, not love as you said, that made you say "yes"?" (L. Peake. Strangers into Lovers)

Крайне эмоциональный способ выяснения отношений часто переходит в оскорбление, когда мотивом речи становится не прояснение ситуации, а нанесение адресату морального ущерба:

(70) И вдруг теща неожиданно резко побежала за процессией, настигла ее уже у калитки и там заорала тонким въедливым голосом:

– Негодяй! Негодяй! Ты погубил мою дочь! Осрамил святое имя ее отца! Нееегодяяй! – выла она, потрясая в воздухе костлявыми руками, не видя, что милицейские машины уже уехали... (В. Ардаматский. Суд)

В масс-медийной речи данный мотив очень характерен для читательских писем. Он лежит, например, в основе читательского письма-обвинения в ответ на статью о подростках, рисующих свастику на двери инвалида Великой Отечественной войны:

(71) Вот все думают, что они – это представители фашистской организации, но, судя по всему, они просто «отморозки»...Знаете, в чем их отличие от фашистов? Да в том, что они абсолютные идиоты, не знают даже истории. И не смогут они унижить чести и достоинства героя-партизана, одного из тех, кто освободил нашу планету от таких же уродов, как они! (КП. – 2000. – 16 мая)

Желание высказаться как мотив отрицательной оценки явно просматривается в следующем примере. Читательница осуждает критическое мнение, высказанное автором газетной статьи по поводу художественного образа Анны Болейн:

(72) Susan Bordo is unhappy with Anne Boleyn's portrayal by English writers ("Anne Boleyn was no soap seductress", 28 April), but it's unfair to criticise Philippa Gregory's The Other Boleyn Girl. It was a novel. You can't expect history and historical fiction always to match. Emilie Lamplough. Trowbridge, Wiltshire (The Independent. – 2013. – 5 мая)

Очевидно, что читательница никак не может воздействовать на ситуацию – она просто высказывает свою отрицательную оценку.

4. Мотив, состоящий в **желании предать гласности отрицательную оценку**, вывести кого-либо на чистую воду, **представить истинное лицо объекта** оценки, находит воплощение в жанре обвинения. Особенность языкового воплощения данного мотива состоит в том, что отрицательная оценка сообщается «в пику» общепринятому положительному или нейтральному мнению:

(73) – Директор Дома сообщил мне вчера, что Виктор Макарович сам решил отдохнуть. Что ему врачи запретили...

– Дебет с кредитом явно не сходятся! Он обманул вас, – сказала мама. (А. Алексин. Чехарда);

(74) “Some Tories are prigs, some are selfish bastards. He wanted to be both...” (J. Fowles. The Enigma)

Мотив разоблачения очень часто лежит в основе массмедийных обвинений, независимо от того, является ли сам журналист автором оценки или цитируется высказывание третьего лица. Разоблачения чаще всего касаются известных лиц, находящихся на виду и оказывающих значительное влияние на жизнь в стране. В прямых обвинениях называются конкретные имена. Так, в примере (75) бытующему до недавнего времени мнению о футбольном тренере Хиддинке противопоставляется совсем иная картина:

(75) Еще совсем недавно россияне называли детей в честь иноземного тренера, а нынче в кавээновских шутках Гус фигурирует исключительно как лишенный каких-либо моральных принципов наемник, готовый за хорошие деньги тренировать хоть сборную ликероводочного завода. (КП. – 2009. – 3 марта)

Объектом отрицательной оценки часто становятся политики. Статья о действующем (на момент создания газетной публикации) министре Починке и о том, как он отметил свой день рождения, содержит обвинительное утверждение в самом заголовке «Министр сырых и убогих погулял на 370 стариковских пенсий» и прямым обвинением заканчивается:

(76) Если учесть, что минимальная пенсия в России (после повышения) составляет 452 руб., выходит, что руководители ведомства по защите сырых и убогих и их высокопоставленные гости погуляли на 370 стариковских пенсий. (КП. – 2000. – 26 декабря)

Авторы обвинений в газетном дискурсе нередко переходят от конкретных фамилий к обобщениям. После заявления британского секретаря по труду и пенсионному обеспечению Иейна Дункана Смита о том, что он мог бы прожить на 53 фунта в неделю, «The Independent» помещает следующий комментарий:

(77) *It's easy for someone with no financial concerns to comment – he has about five times this amount every week after tax – but politicians are clearly so far removed on how difficult living on a tight budget is in the current economy (especially during this long cold snap). Of course you could just eat lentils and sit in an unheated home all day every day. But would he be happy doing so? (The Independent. – 2013. – 2 мая)*

Обобщающее обвинение политиков в драматическом отрыве от реальной действительности и непонимании, как сложно жить, будучи ограниченным в финансовом плане, направлено не только в адрес Иэна Дункана Смита, но и в адрес всей политической элиты Британии.

Цитируемые обвинения-разоблачения также занимают значительное место в прессе. Таковы, к примеру, цитируемые характеристики, применяемые по отношению к британскому секретарю по образованию Майклу Гову:

(78) *Michael Gove, as Education Secretary, has picked his fair share of fights. From Jamie Oliver to the National Union of Teachers, the Information Commissioner to the schoolchildren of Tottenham in north London, opponents of the Secretary of State for Education have variously described him as “arrogant”, “belligerent” and a “real life villain”. (The Independent. – 2013. – 7 мая)*

В приведенном примере газетчики составляют два ряда: ряд оппонентов объекта оценки (известный шеф-повар, национальный профсоюз учителей, школьники Тоттенхэма и др.) и ряд самих оценок, очевидно, произнесенные ранее публично

(*arrogant* – высокомерный, *belligerent* – агрессивный, *a real life villain* – настоящий негодяй).

5. Мотив, состоящий в **информировании** собеседника **об отрицательной оценке** действий объекта или ситуации, можно выделить в качестве самостоятельного с некоторыми оговорками. По наблюдениям автора, чаще всего говорящий дает негативную оценку третьему лицу с целью выплеснуть отрицательные эмоции (и тогда это мотив 3 в нашем списке) или обличить кого-либо в глазах собеседника (и тогда это мотив 4). Однако существуют случаи, когда говорящий, субъект осуждения или обвинения, воспринимает объект оценки с долей юмора. Причиной такого отношения могут быть как особенности характера говорящего, так и давний срок событий, которые на момент произнесения РЖ не вызывают чрезмерных эмоций отрицательного характера. Мотив такого рода высказываний можно назвать информированием, хотя передача информации и не является основной коммуникативной целью осуждений и обвинений. Этот мотив реализуется как в обвинениях, так и в осуждениях:

(79) *Т. ...ну он-то никогда не был богатым/ как...
А разорил/ его какой-то компаньон/ по фамилии
по-моему Зильбер/ или Зильберштейн/ так// опять//
Жулик оказался первостатейный/ и он/ дедушку со-
вершенно разорил// (РМ 1999);*

(80) *Б. ...Старинный резной буфет/ который потом/
на кухню/ когда получили новую квартиру/ э-э его пе-
реставили на кухню/ и покрасили/ э ... белой краской//
А. Ну да//*

*Б. (со смехом) Изуродовать такую вещь было!
(РМ 1999)*

Мотив информирования об отрицательной оценке может лежать в основе обвинений и осуждений третьего лица, отрицательно оцениваемые действия которого не оказали негативного воздействия ни на автора, ни на адресата высказывания. Таким является абсурдное обвинение общей для коммуниканток знакомой в том, что она кладет в торт нафталиновые шарики с помощью специального пистолетика:

(81) – *She puts mothballs in her cake.*
– *She buys her cake.*

– *Then she shoots them in afterwards with a special little pistol she keeps for the purpose. (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)*

Такие жанры могут быть составляющими рассказа о ком-либо и придающими рассказу оценочный характер или являться частью сплетни, как в примере (82), где осуждается неаккуратность третьего лица:

(82) – *Cynthia is a remarkably inefficient woman.*

– *The place wasn't actually dirty, but it is dreadfully untidy. She doesn't seem to put anything away. There are clothes everywhere. (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)*

Мотив информирования об отрицательной оценке применим по отношению к масс-медийному дискурсу в ограниченной мере. Специфика средств массовой информации такова, что любое высказывание становится общественным достоянием. Следовательно, любое публичное обвинение является, по сути, разоблачением (мотив 4). Если же речь идет о публичном осуждении, то в его основе лежит либо желание повлиять на объект оценки, либо желание эмоциональной разрядки (мотивы 2, 3). В то же время существует ряд осуждений и обвинений, которые, по большому счету, не рассчитаны на изменение состояния и ценностей самого объекта отрицательной оценки или на создание отрицательного общественного мнения вокруг него. Это осуждения и обвинения, встречающиеся в светских новостях и описаниях «тусовок». Маловероятно, что они испортят репутацию представителям бомонда. Скорее наоборот, герои публикаций приобретают скандальную известность, которая только способствует их карьерному росту и популярности. Хулиганское или чудаковатое поведение звезд часто становится главной причиной нелестных высказываний в их адрес. Английский принц Гарри, склонный к шокирующим публику поступкам, в очередной раз поразил всех розовым маникюром. Желтая пресса цитирует слова одного из гостей ночного клуба, свидетеля происходящего. Автор оценки использует прилагательные, характеризующие поступок Гарри как весьма странный (*even stranger, most bizarre*):

(83) *'No one knows why he'd painted his nails and the fact that he'd painted only one hand was even stranger,'* one guest told *The Mail on Sunday*. *'It looked most bizarre and Harry seemed a bit embarrassed by it. He kept slipping his hand in his jeans pocket.'* (*The Daily Mail*. – 2009. – 15 марта)

В то же время ни о каком серьезном обвинении или осуждении в адрес принца Гарри со стороны прессы говорить нельзя. Это подтверждает и шутливый заголовок статьи, построенный на игре слов. Официальный титул принца Уэльского Prince of Wales трансформируется в зарифмованное словосочетание Prince of Nails (принц Маникюрский).

Объектом обвинения в провокационном поведении в следующем примере становится известная тусовочная фигура Ксения Собчак:

(84) *Ксения Собчак, ведущая церемонию награждения кинематографической премии «Ника», вновь умудрилась устроить политический скандал. Объектом ее провокации стала актриса и одна из создательниц благотворительного фонда «Подари жизнь» Чулпан Хаматова, которая вместе с Диной Корзун вышла на сцену, чтобы получить заслуженную награду.* (*КП*. – 2012. – 9 апреля)

Очередной скандал вокруг персоны Собчак по сути никак не влияет на ее репутацию.

6. Мотив, состоящий в стремлении автора высказывания снять с себя ответственность за сложившуюся неприятную ситуацию, защититься от нападок собеседника, оправдать свое поведение, характерен для осуждений и обвинений. В таких ситуациях описываемые жанры являются реактивными, т.е. спровоцированными нелицеприятными высказываниями другого коммуниканта.

(85) – *Маня, как же ты так... неинтеллигентно? Мы ведь сами, – отец кивнул на наркома, – его пригласили.*

Отца не раз, я слышала, предупреждали, что «интеллигентность его погубит». Но он такой гибели не боялся.

– А разве интеллигентно за стол не садиться, в разговорах не участвовать и только подслушивать? – возразила мама.

– Может, он не подслушивает, а просто слушает?

– Ума набирается? Нет, не ума, Володенька, а сведений. Только сведений... Нечистая сила! (А. Алексин. *Ночной обыск*)

Подчеркнутые высказывания являются ответными, и в одном случае присутствует маркирование глаголом речи высказывания как реактивного (*возразила*).

Данный мотив актуален и для публицистики, ведь именно на страницах газет часто находят отражение политические и неполитические споры и битвы. Заголовок статьи «*War of words continues over closure of Leeds child heart unit*» (Словесная война из-за закрытия детского кардиологического отделения в Лидсе продолжается) (*The Independent*. – 2013. – 31 марта) отражает суть происходящего процесса – обмен взаимными обвинениями со стороны чиновников, закрывших отделение, и противников такого шага. Местный депутат и чиновник от медицины называет факт закрытия отделения совершенно скандальным делом (*an absolute scandal*):

(86) *Yesterday the health service's top doctor and a local MP clashed, with Greg Mulholland- Liberal Democrat member for Leeds North West- calling Sir Bruce Keogh's decision to suspend congenital heart surgery at the ward in Leeds General Infirmary (LGI) "an absolute scandal."* (*The Independent*. – 2013. – 31 марта)

В свою очередь директор национального института исследования клинических результатов говорит о несоответствии уровня смертности (*a gap in mortality rates*) и характеризует обстановку в отделении как потенциально опасную (*a potentially unsafe environment*):

(87) *But Sir Roger, director of the National Institute of Clinical Outcomes Research, and the Government's former national director of heart disease, said further analysis which included those cases still showed a "gap" in mortality rates at the hospital.*

"In fact, the data has been re-analysed with these extra cases and we still see this gap in mortality rate," he said.

"I would not have been able to sleep this weekend knowing that there were people who might have been operated on in a potentially unsafe environment." (The Independent. – 2013. – 31 марта)

Таким образом, набор мотивов отрицательной оценки является общим как для разных типов дискурса, включая художественную и разговорную речь, а также массмедийный дискурс, так и для обоих жанров – осуждений и обвинений. Исключение составляет мотив разоблачения, свойственный только обвинениям.

Представим в виде таблицы корреляцию мотивов отрицательной оценки с жанрами «осуждение» и «обвинение» и лицом объекта оценки (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция мотивов с жанрами и лицом объекта отрицательной оценки

№ п/п	Мотив	Жанры	Объект отрицательной оценки
1	Изменить (социальное) самочувствие объекта	Осуждение/ обвинение	2-е лицо 3-е лицо, связанное со 2-м
2	Изменить действия объекта	Осуждение/ обвинение	2-е, 3-е лицо
3	Дать выход отрицательным эмоциям	Осуждение/ обвинение	2-е, 3-е лицо
4	Обличить	Обвинение	2-е, 3-е лицо
5	Информировать об отрицательной оценке	Осуждение/ обвинение	3-е лицо
6	Найти оправдание своим действиям, защититься от нападок	Осуждение/ обвинение	2-е, 3-е лицо

РЖ, направленные на изменение самочувствия и действий объекта оценки, чаще всего адресованы собеседнику, который и является осуждаемым или обвиняемым лицом. Специфика публицистического текста состоит в том, что автор может пре-

следовать такую цель, не направляя осуждение или обвинение собственно на объект. Он представляет в газете осуждения и обвинения третьего лица. Влияние на самочувствие адресата может также осуществляться путем осуждения или обвинения третьего лица, связанного определенными отношениями с адресатом. Говорящий дает выход отрицательным эмоциям, осуждая или обвиняя 2-е или 3-е лицо, присутствующее или nepřисутствующее. Автор обвинения также может обличать второе или третье лицо. Условием обличения 2-го лица, т.е. адресата РЖ, является присутствие третьих лиц. Что касается информирования об отрицательной оценке, то оно состоится в отсутствии третьего лица, о котором сообщается в РЖ. Пытаясь найти оправдание своим действиям, автор РЖ может осуждать и обвинять 2-е и 3-е лицо.

Список выделенных мотивов и их описание позволяют утверждать, что помимо задач, характерных для оценочных РЖ, осуждения и обвинения решают коммуникативные задачи, связанные с передачей информации и влиянием на осуществление некоторых событий действительности. В зависимости от ситуации для осуждений и обвинений оказываются в той или иной степени характерны коммуникативные цели информативных и императивных жанров.

2.5. Степень прямоты осуждений и обвинений и их влияние на межличностные отношения

В типологии РЖ с двумя основаниями [37] автор классификации относит прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры к жанрам фатической речи, ухудшающим межличностные отношения в прямой форме. Действительно, если говорить об отличии осуждений и обвинений от других РЖ, то значительное количество этих жанров представляет собой выраженные в прямой форме обвинения и осуждения, не вызывающие сомнения по поводу своей жанровой принадлежности. В то же время обвинения и особенно осуждения могут

иметь и непрямую, замаскированную форму выражения. В следующем фрагменте из художественного текста начало конфликта после произошедшего ДТП носит на вид сдержанный, замаскированный характер, хотя оба водителя считают виновником ДТП другого:

(88) *Baxter says as soon as they've shaken hands, "I expect you're all ready to tell me how sincerely sorry you are." He looks back, past the Mercedes, to his own car where it's parked at a diagonal across the road. Behind it is an irregular line scraped along the sides of half a dozen parked cars by the BMW's door handle. The appearance on the street now of just one outraged owner will be enough to set off a cascade of insurance claims. Henry, knowing a good deal about paperwork, can already sense the prolonged trauma of it. Far better to be one of many victims than the original sinner.*

He says, "I am indeed sorry that you pulled out without looking."

He surprises himself. This fussy, faintly archaic "indeed" is not generally part of his lexicon. Deploying it entails decisions; he isn't going to pretend to the language of the street. He's standing on professional dignity.

*Baxter lays his left hand on his right, as though to calm it. He says patiently, "I didn't need to be looking, did I? The Tottenham Court Road's closed. You weren't supposed to be there." (I. McEwan. *The Diagnosis*)*

Первой репликой Бакстер принуждает другого участника аварии, Генри Пероуна, извиниться, но тот, используя формат жанра извинения (*I am indeed sorry* – конечно же, мне жаль), фактически превращает его в обвинение (*you pulled out without looking* – вы выехали, даже не посмотрев). Ответная реплика главного героя также построена в форме выраженного имплицитно обвинения (Я и не должен был смотреть, разве не так? Улица Тотнем Корт перекрыта. Вас и не должно было здесь быть) и может быть расшифрована как «Вы виноваты в аварии».

Другой пример имплицитно выраженного осуждения:

(89) *"What do you find to do, out all day?" asked my mother, who only ventured out with a specific purpose in*

mind and always got back at the time she had decided she would. Lili's excursions, I felt, seemed to her gipsy-like in their apparent aimlessness, and vaguely immoral. (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)

Взятый вне контекста вопрос *Что ты делала где-то весь день?* вряд ли можно назвать осуждением, но последующий комментарий героини к словам своей матери раскрывает их подоплеку и истинную оценку, даваемую объекту, скрытую за обычным вопросом. Характеризуя бесцельные прогулки своей подруги как цыганские (*gipsy-like*) и неуловимо аморальные (*vaguely immoral*), мать осуждает подобное времяпрепровождение. Видим, что осуждения и обвинения не всегда являются РЖ, влияющими на межличностные отношения в прямой форме.

Что касается влияния жанров на межличностные отношения, то здесь следует выделить два аспекта. Во-первых, в рамках выделяемого нами второго мотива, который обозначен как желание изменить действия объекта, существует значительное количество осуждений, не направленных на ухудшение взаимоотношений коммуникантов. В своем стремлении остановить осуждаемые действия, совершаемые объектом оценки, 2-м лицом, автор может руководствоваться искренней заботой об адресате, который причиняет себе вред, совершая определенные действия. Такие высказывания особенно характерны для семейного общения:

(90) *А. (мать дочери) Опять без тапочек. Пол же холодный! (РМ 1999);*

(91) *(А. открыла балкон, чтобы проветрить комнату)*

Б. (муж) Тань/ ну че ж ты перед балконом сидишь дорогая/ ты что же совсем что ль с ума сошла? Простудишься// (РМ 1999);

(92) *(Сын В. разговаривает с матерью А., которой нездоровится)*

В. Ну а уберемся уже завтра//

А. Пыль я вытру сегодня//

В. Нет/ ну честное слово/ ты как маленькая//

Ну будь ты хоть день без движения как-то//

А. Ладно/ ладно// (РМ 1999)

Если адресат, объект осуждений, правильно распознает коммуникативные намерения, мотивы автора, то ухудшения взаимоотношений не происходит. Показательна в этом плане реакция адресата в примере (92) в виде реплик примирительного характера – *Ладно/ ладно*.

Во-вторых, осуждения и обвинения могут вообще не затрагивать межличностные отношения общающихся, в зависимости от объекта оценки. Если отрицательная оценка дается третьему лицу, не связанному со вторым лицом, адресатом РЖ, то ухудшения отношений также не происходит:

(93) *А. Я седня слышала (по радио) Меньшиков «Горе от ума» поставил//*

Б. И где же?

А. В «Моссовете»/ И Васильева вернулась//

Б. Вроде ж она свечки продает и вся из себя монашка//

А. И тем не менее//

Б. Как-то нехорошо// То за храм агитирует (имеет в виду участие Е. Васильевой в рекламе Храма Христа Спасителя)/ то в театре опять//

А. (с иронией) Не согрешишь/ не покаешься// (РМ 1999)

Вопрос о влиянии на межличностные отношения не касается осуждений и обвинений в публицистической речи. Даже те РЖ, объектом оценки которых является 2-е лицо, не носят такой направленности, как осуждения и обвинения 2-го лица в межличностном общении.

К примеру, адресованное главному редактору газеты письмо читателя содержит обвинение газетчиков, в том, что они стремятся к созданию достаточно мрачной картины мира, представляя все в черном свете:

(94) *Airport terror, floods, abuse of prisoners in Uraq, more women getting strokes, Britain losing its literary treasures. Not much good news in the first 25 pages of your paper. Even the song-birds, apparently, are being killed off by cats <...> Why don't you try concentrating on some positive news for a change? (The Independent. – 2007. – 8 июля)*

Это письмо, хотя и адресовано лично редактору, не может никак повлиять на личные отношения читателя и редактора. Таким образом, фактически речевые жанры «осуждение» и «обвинение», во-первых, не всегда касаются межличностных отношений между коммуникантами и, во-вторых, не всегда ухудшают их. Важную роль в определении характера и степени воздействия на адресата отрицательных оценок играют мотив, сфера коммуникации и направленность осуждений и обвинений на 2-е или 3-е лицо.

2.6. Самоосуждения и самообвинения

Второе и третье лица не являются единственными возможными объектами осуждений и обвинений. Решая вопрос о возможном объекте отрицательной оценки, Е. В. Полякова предлагает следующий список объектов оценки:

1) адресант, его личность, поступки, качества, результаты деятельности;

2) адресат, его личность, поступки, качества, результаты деятельности;

3) не-адресант и не-адресат, 3-е лицо, его личность, поступки, качества, результаты деятельности;

4) явление действительности, не связанное прямо с деятельностью конкретного лица (погода, Бог, Судьба и т.д.) [117, с. 17].

Видим, что в число объектов оценки попадают некие явления действительности и сам автор оценки. Е. В. Полякова соотносит объект оценки с объектом негативного воздействия и представляет это соотношение в таблице, называя соответствующее речевое действие. В этой таблице осуждение и обвинение связаны только со вторым лицом как объектом оценки. Иными словами, по мнению Е. В. Поляковой, осуждения и обвинения всегда должны быть направлены на адресата. Думаем, что это не так. В разд. 2.4 данной книги было показано, что объектами осуждений и обвинений могут являться 2-е и 3-е ли-

ца. Обратимся теперь к осуждениям и обвинениям, направленным на первое лицо, т.е. на самого автора РЖ.

Отрицательную оценку первого лица в случае нанесения вреда ему же Е. В. Полякова связывает с рефлексией, самокритикой, сетованием. Отрицательная оценка первого лица в случае, когда вред был причинен 2-му лицу, находит выражение в извинении и просьбе о прощении. Если объектом негативного воздействия оказалось 3-е лицо, то соответствующим речевым действием является, по мнению исследовательницы, раскаяние [117]. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» не отмечены в связи с негативной оценкой первого лица. Однако самокритика и сетование являются, по нашему мнению, разновидностями осуждения.

Анализ материала показывает, что осуждения и обвинения могут иметь объектом первое лицо. Обозначим такие высказывания как **самоосуждения и самообвинения**. Адресатом самоосуждений и самообвинений может быть сам автор или второе лицо. В тех случаях, когда автор выступает одновременно в качестве адресата, самоосуждения и самообвинения имеют «мысленный» характер и представлены в виде внутренней речи. В силу такой их особенности они получают словесное воплощение только в художественной речи. Адресованные второму лицу самоосуждения и самообвинения представлены во всех рассматриваемых нами типах дискурса.

Самоосуждения и самообвинения встречаются в двух типах ситуаций. Во-первых, данные жанры могут иметь, как мы указывали, исключительно мысленный характер. Во-вторых, они могут произноситься в присутствии второго лица и быть ему адресованы. От типа ситуации и того, кому наносится вред, зависит мотив, лежащий в основе самоосуждения или самообвинения. Рассмотрим возможные мотивы в их связи с названными прагматическими факторами.

I. Адресат – 1-е лицо. Человек, выдвигающий против себя обвинения или осуждающий себя, обращает речь (или внутреннюю речь) к самому себе.

I.1. Объект негативного воздействия – 1-е лицо, т.е. вред причинен самому себе. **Мотив** таких осуждений и обвинений состоит в стремлении автора дать волю чувствам, снять эмо-

циональное напряжение. В примере (95) автор самообвинения произносит высказывание вслух, называет себя дураком и осуждает себя за излишнюю мягкосердечность:

(95) *“My God, what a fool I’ve been!” he cried out loud.*

How could he have done anything so stupid? What on earth had come over him? He was the last man to play about with servant girls. What a disgraceful thing to do! At his age and in his position... What madness! And what was to happen now? It was obvious he couldn’t keep her, and yet to send her away for what was his fault as much as hers seemed unfair. How idiotic to lose the best parlourmaid a man ever had just for an hour’s folly!

“It’s that damned kindness of heart of mine,” he groaned. (W.S. Maugham. The Treasure)

1.2. Объект негативного воздействия – 3-е лицо. Вред мог быть причинен одному лицу или группе лиц, знакомых или посторонних, и **мотивом** самоосуждений/самообвинений является стремление автора самооценки разобраться в собственных поступках, дать им, по возможности, объективную оценку и принять решение относительно будущих действий по отношению к этим людям:

(96) *Она направо и налево раздаривала свои обожания... И что ж тут плохого? Разве лучше раздаривать ненависть? Почему же я ее так... Зачем? Ради забавы? (А. Алексин. Смешилка);*

(97) *Кате на секунду стало жарко глазам от любви к ним и от чувства виноватости: дескать, вот она живет, а они – прозябают. (В. Токарева. Дом генерала Куропаткина)*

Часть речевых примеров иллюстрирует то, что эмоциональное напряжение и внутренний дискомфорт автора отрицательной самооценки вызваны тем, что совершенные им действия и поступки противоречат его собственным моральным установкам:

(98) *Путь теперь недолог, и Ключарев решается выпить пива. Он покупает и, встав на углу (и даже немного привалившись к стене, чтобы отдохнули но-*

ги), пьет пиво из горлышка, запрокидывая бутылку. Забытое чудесное удовольствие. Но тут же Ключарев сам себе отчасти удовольствие портит. «Некрасиво! Войди в кафе», – говорит он себе и корит себя пивной пробкой, которую он отшвырнул не глядя чуть ли не под ноги идущим. Спыхватывается. Виноват. (В. Маканин. Лаз)

Молодая женщина, не привыкшая лгать, вынуждена выходить из сложной жизненной ситуации с помощью лжи. Это в корне противоречит ее моральным принципам и является причиной самообвинения, которое маркировано в тексте глаголом речи *accused herself* (обвинила себя):

(99) *Gillian did not, could not, reply. Lies, all lies, she accused herself.* (L. Peake. *Strangers into Lovers*)

Заметим, что Е. В. Полякова связывает отрицательную самооценку при нанесении вреда третьему лицу с речевым действием «раскаяние». Но раскаяние все-таки является не речевым действием, а чувством, переживанием. Читаем определение в толковом словаре: «Раскаяние – чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка» [110, с. 657]. Правильнее говорить о том, что раскаяние автора самооценки по поводу совершенных действий лежит в основе самоосуждений и самообвинений как речевых жанров.

II. Адресат – 2-е лицо, собеседник. В таких ситуациях автор самоосуждений и самообвинений выражает отрицательную самооценку в диалоге с собеседником.

II.1. Объект негативного воздействия – 1-е лицо.

Интересными нам показались примеры художественной речи, где автор самообвинения принимает на себя добровольно вину другого человека, хотя сам выступает в качестве пострадавшего. **Мотивом** таких РЖ является, по-видимому, своеобразная жертвенность, желание автора взять на себя часть ответственности за неблагоприятные поступки другого человека, к которому автор самооценки испытывает добрые чувства:

(100) – *Я не буду тебя упрекать, – пообещала Ирина. – В конце концов, порядочными бывают только импотенты. Я тоже виновата, я была слишком самоуверенна...*

Месяцев вытер ладонью ее щеки.

– Ты не виновата, – сказал он. – Никто не виноват. (В. Токарева. Лавина);

(101) – ... Я на него не сержусь.

– А на этого певца?

– На Женю Наливина? – Виктор Макарович помолчал. – В ошибках учеников, вероятно, и учителя виноваты.

– Ну уж нет! – возмутился я. – Только он виноват. Только он! И еще Дирдом. (А. Алексин. Чехарда.)

Иными мотивами руководствуются при использовании самоосуждений и самообвинений политики, чьи высказывания затем ретранслируют масс-медиа. Мэр Лондона Борис Джонсон прокомментировал свою фирменную манеру применения отрицательных самооценок (*trademark self-deprecating manner*) как хитрый способ **достичь взаимопонимания с народом**, который думает о политиках как о шайке жуликов (*a bunch of shysters*):

(102) Asked in an interview with TV network CNBC whether his “remarkable openness” and “self-depreciation” were typical qualities of a politician, he said: “No I think it’s a very cunning device. Self-depreciation is all about understanding that basically people regard politicians as a bunch of shysters, so you’ve got to be understood.” (The Independent. – 2013. – 17 апреля)

«The Independent» далее цитирует еще некоторые высказывания Джонсона, который заявляет, что стать мэром было для него огромной удачей (*a fluke*) и что охранник сфотографировал его зад, когда сам мэр застрял на канатной дороге:

(103) Mr Johnson went on to admit, in his trademark self-deprecating manner, that becoming Mayor of London “was a fluke” and later tells a humorous anecdote about when his bodyguard took a photo of his “arse” as he was stuck on London’s zip wire. (The Independent. – 2013. – 17 апреля)

Отрицательные самооценки в речи политиков, безусловно, имеют ироничный характер. Цель самообвинения противоположна очевидному, лежащему на поверхности стремлению ин-

формировать общество о своем реальном или мнимом проступке. Президента В. В. Путина, заявляющего о своем пристрастии к пиву в студенческие годы, трудно заподозрить в злоупотреблении спиртным. Именно в силу своей безупречной в этом отношении репутации В. В. Путин позволяет себе самообвинительную ремарку в рамках более крупного жанра – отрицания обвинений в оккупации Балтики Советским Союзом:

(104) Я полагаю, что в 1918 г. в результате Брестского мира состоялся сговор между Германией и Россией, и Россия передала часть своих территорий Германии... В 1939 г. состоялся другой сговор между Россией и Германией, и Германия возвратила назад России эти территории. Они вошли в состав СССР.

И тут Путин вовсе разоткровенничался:

– Я хоть и не очень хорошо, может быть, учился в университете, потому что пива много пил в свободное время. Но все-таки кое-что помню еще из этого. Понимаете? Кое-что еще у меня в голове осталось. У нас были хорошие преподаватели... (КП. – 2005. – 10 мая)

Таким образом, мотивы самоосуждений и самообвинений в ситуациях, когда сам говорящий выступает в роли пострадавшего, сильно различаются в разных сферах коммуникации.

II.2. Объект негативного воздействия – 2-е лицо.

Мотивом самообвинений в присутствии адресата, которому был причинен вред, является стремление автора предотвратить ухудшение или способствовать улучшению отношений с адресатом РЖ. Самоосуждения и самообвинения в таких ситуациях также способствуют эмоциональной разрядке:

(105) – Я виновата, Герман, – сказала она. – Получилось, что, проводя эксперимент с «оживающими стихами», я рискнула не собой, а тобой! Потому что доверяю тебе. Доверяю! (А. Алексин. Дневник жениха);

(106) “You do understand, Doris, don’t you? I know I’ve been to blame.” (W. S. Maugham. The Force of Circumstances)

Целью автора самоосуждений и самообвинений является улучшение самочувствия адресата, что в конечном итоге должно

способствовать улучшению отношений между ним и адресатом. Присваивая себе отрицательные характеристики и неблагоприятные поступки, автор тем самым повышает статус адресата. Такое речевое поведение соответствует максиме скромности, выделяемой в рамках теории вежливости. Согласно этой максиме, говорящий минимизирует похвалу в свой адрес и максимизирует порицание в свой адрес [184, с. 379]. Именно такое речевое поведение наблюдаем в следующих примерах:

(107) *“I owe you a lot, anyway. I gave you nothing in the old days.”*

“Don’t say that!” It was a cry of anguish. “I did – what I did for – for love, not money.” (L. Peake. Strangers into Lovers);

(108) *“I know it’s I who am to blame now. I’m a silly, hysterical woman. I thought I’d get over it. I can’t, and now I never shall...” (W. S. Maugham. The Force of Circumstance)*

В речи самоосуждения и самообвинения, адресованные 2-му лицу, составляют основу для извинений и просьб о прощении, с которыми они могут сливаться воедино:

(109) *“Are you angry with me?” he asked piteously. She looked at him with candid, open eyes.*

“Not a bit.”

“Oh, my dear, I’m so glad. I’ve been a brute and a beast. I know it’s been hateful to you. But do forgive me. I’ve been so miserable.”

“I do forgive you. I don’t even blame you.” (W. S. Maugham. The Force of Circumstances)

II.3. Объект негативного воздействия – 3-е лицо.

В случае, когда вред нанесен 3-му лицу, **мотив** отрицательной оценки в форме самоосуждений и самообвинений близок к мотиву обличения. Автор РЖ как бы показывает свое истинное лицо, дает отрицательную оценку собственным поступкам или признается в неблагоприятных действиях. Поэтому в таких ситуациях жанры самоосуждения и самообвинения смыкаются с жанром признания:

(110) *'...How mean we'd been to what was basically just a poor old tongue-tied rather lonely man...'*
(J. Fowles. *The Ebony Tower*)

Виновный в дорожно-транспортном происшествии, повлекшем гибель человека, драматург и артист Э. Радзинский не только открыто признает свою вину, но и «обнажает» свои душевные страдания перед корреспондентом:

(111) *Хочется надеяться, что и сам «виновник» скоро перевернет нынешнюю печальную страницу своей жизни. По крайней мере, «Комсомолке» Радзинский сказал так:*

– Раз человек оставлен жить, он должен делать то, ради чего пришел на этот свет. Несмотря на душевные травмы. Я виноват. И я обязан держать эту свечу искусства, – Эдвард Станиславович артистичный человек и поэтому немного пересаливает с пафосностью. – Наверное, я вернусь в театр. (КП. – 2011. – 11 сентября)

Мотивом самообвинения может также быть желание автора защитить другого человека, снять с него вину и взять ответственность на себя:

(112) *– Я убежден, что это безобразие вначале... произошло не случайно! – сказал Дирдом. – Это была попытка сорвать наш отчет. Ничего подобного раньше, до появления вашей... или вашего Мандолины не было! Говорят, он родную мать уложил в больницу. А теперь уложит наш хор!*

– Володя тут ни при чем. Во всем виноват я... (А. Алексин. Чехарда)

Практически во всех ситуациях общения, когда адресатом самоосуждений и самообвинений является 2-е лицо, необходимым прагматическим условием реализации данных жанров является доброе отношение автора к адресату, желание автора улучшить отношения с адресатом, не допустить их ухудшения или добавить им доверительности.

Перечисленные мотивы самоосуждений и самообвинений – снять эмоциональное напряжение, изменить самочувствие или действия адресата, информировать адресата об отрицательной

самооценке – в целом укладываются в рамки перечисленных ранее мотивов осуждений и обвинений. Специфическим для самоосуждений и самообвинений мотивом является стремление разобраться в себе, проанализировать поступки. Однако и этот мотив в конечном счете можно свести к стремлению изменить собственные действия. Отличительной чертой самоосуждений и самообвинений является их положительное воздействие на адресата, которое соответствует описанной в рамках теории вежливости максиме скромности. Понижение собственного статуса в глазах адресата приводит к повышению статуса адресата. Автор отрицательных самооценок негласно предоставляет адресату право судить свои поступки, в то время как автор осуждений и обвинений, направленных на 2-е и 3-е лица, оставляет за собой право судить и оценивать чужие поступки, повышая таким образом свой статус и понижая статус объекта оценки.

Анализ мотивов осуждений и обвинений показал, что все мотивы, выявленные нами, характерны в той или иной степени как для осуждений, так и для обвинений. Таким образом, мотив высказывания не может быть использован в качестве жанро-различительного признака. Не является таким признаком и направленность РЖ на 1, 2 или 3-е лицо, поскольку все они могут выступать в качестве объектов осуждений и обвинений.

2.7. Основания для осуждений и обвинений

В данном разделе под **основанием для оценки** мы понимаем некие характеристики объекта оценки, существование которых провоцирует появление осуждений и обвинений. Рассмотрим подробнее, какие характеристики, свойства 1, 2 и 3-го лица могут выступать в качестве оснований для осуждения и обвинения и существует ли какая-либо специфика оснований для осуждений и обвинений. М. Ю. Федосюк, рассматривая РЖ «осуждение» в качестве антонима РЖ «похвала», представляет перечень объектов похвалы [146, с. 79–81], который мы с поправками используем для составления списка оснований для РЖ «осуждение» и «обвинение».

2.7.1. Основания для обвинений

В чем можно обвинять 1, 2 и 3-е лицо, на которое направлено обвинение?

1. Обвинять можно в совершении **неблаговидных, отрицательно оцениваемых действий**, поступков. Сама лексика, называющая или описывающая действие, часто имеет отрицательную коннотацию, содержит внешнюю отрицательную оценку этого действия. Так, медработник обвиняет мать в том, что та забрала ребенка из больницы и тем самым поставила его жизнь под угрозу. Лексические единицы, обозначающие отрицательно оцениваемые действия, выделены:

(113) – Вы просто выкрали ребенка, – обвинила Гренадерша.

– Она плакала, – со школьной беспомощностью оправдывалась Вероника.

– Она у вас что, лишняя?

– Кто?

– Ваша дочь. У вас их что, десять?

– У нас она одна.

– Ставить единственного ребенка перед прямой угрозой...

– Угрозой чего? – оторопела Вероника.

– Жизни, чего же еще... (В. Токарева. Длинный день)

В английском примере обвинение носит диффузный характер, поскольку для обозначения действий обвиняемого использована формулировка *started the trouble* (начал беду):

(114) ‘Supposing you began at the beginning’, I said. ‘Well, you’re the beginning. After all you started the trouble. You introduced the young man. That’s why I was so crazy to see you. You know all about him. I never saw him. All I know is what Margery told me about him.’ (W. S. Maugham. Virtue)

Обвинение в совершении отрицательно оцениваемых действий очень актуально для масс-медийного дискурса, причем автором таких обвинений может быть как профессиональный журналист, так и читатели, принимающие участие в обсужде-

нии актуальных тем. Если для разговорной речи и художественной, по сути имитирующей разговорную, важны действия немасштабные, вредящие ближнему, конкретным людям, то для дискурса масс-медиа значение имеют действия, которые наносят вред обществу в целом.

Так, журналистка обвиняет чиновников в том, что те списывают свои просчеты и недостатки в работе на неблагоприятные погодные условия:

(115) Вот говорят, что на любое событие можно посмотреть с разных сторон. Сколько ни думала, а позитива в событиях нынешнего лета, которое унесло тысячи жизней, найти не смогла. Хотя бы в силу вышесказанного. Но чиновники – народ ушлый. Кому засуха, а им мать добрая. Ведь ясно было, что в старые прогнозные ориентиры они не попадают. Брать вину на себя пришлось бы? Наверняка. А тут такой удобный повод. Контора пишет, а засуха спишет. Вот такая вот калькуляция. (КП. – 2010. – 2 сентября)

Приводимый к статье комментарий специалиста подтверждает мнение автора статьи, открыто обвиняя Министерство экономики в невыполнении своих функций:

(116) Стихийное бедствие, как всегда, спрятало все ошибки и просчеты. И доказало еще одну истину – наше Министерство экономики совершенно не умеет прогнозировать: и пожары тут ни при чем. (КП. – 2010. – 2 сентября)

2. Основанием обвинения могут быть действия, в результате которых сложилась некая неблагоприятная ситуация, которую условно можно назвать продуктом деятельности обвиняемого. Такие обвинения построены на основе топоса «действие-результат»:

(117) Свекровь сказала, что когда-то она уже сделала выбор между сыном и любимым человеком: выбрала сына – и всю жизнь отказывала себе в личном счастье. А теперь ей тоже хочется счастья, и это в пятьдесят-то лет. Пришлось мальчика сдать в ясли. В яслях его простудили. И вот результат:

нефрит. А следствие нефрита – почечная гипертензия, а в перспективе – уремия. А уремия – это гроб. От этой болезни умер Джек Лондон. И все из-за того, что свекрови захотелось счастья. Пустила по ветру родное семя ради того, чтобы обнимать чужого мужика... (В. Токарева. Длинный день)

Этот тип обвинений распространен в публицистике наряду с первым типом. Аналитическая статья в «Новой газете» критически оценивает результаты деятельности Путиногополитика. Журналист использует много образов, создающих негативную картину «последствий» деятельности политика:

(118) Путин плывет против течения, как на знаменитом фото, брасом, оставляя от истории одни брызги. (НГ. – 2013. – 30 апреля);

(119) Правовая вакханалия, организованная Путиным, оказывает на жизнь русского общества такое же действие, как разрыхлитель на тесто. Все общественные и государственные институты превращаются под воздействием безудержного произвола власти в пористый, рассыпчатый «бисквит». Россия сегодня больна размягчением государственной ткани. (НГ. – 2013. – 30 апреля)

Обвиняя Четвертый канал английского телевидения в том, что тот утратил свое изначальное стремление к независимости, журналист указывает и на результат – многие компании-производители телепродуктов совсем ушли с канала:

(120) Most alarmingly, it has lost goodwill in the independent production sector, the lifeblood of its creative ideas for three decades. Some companies have stopped working for Channel 4 altogether, because they find the production process so painful. (The Independent. – 2013. – 4 марта)

Топос «действие-результат» используется и в следующем примере, выдержке из письма читателя, высказывающего резкие замечания по поводу действий Маргарет Тэтчер и печальных результатов ее правления. По мнению автора оценки, результатом разрушения основных отраслей британской промышленности стал экономический спад:

(121) *When Thatcher was booted out by her own party the economy was no better than in 1979. In fact it was far worse due to destruction of major industries.* (The Independent. – 2013. – 8 апреля)

Топос «действие-результат» реализуется лингвистически с помощью каузальных конструкций (*из-за, because, due to* и др.) и лексических средств, имеющих семы «завершение», «результат» (*вот результат, в результате, in effect, created* и др.)

3. Обвинять можно **в проявлении отрицательных человеческих качеств, черт характера**. Такие обвинения, приписывающие некоторому лицу проявления отрицательных человеческих качеств, черт характера, часто выражены пейоративами, т.е. стилистически нейтральными или стилистически сниженными лексическими средствами, содержащими отрицательную оценку. В. И. Карасик предлагает классификацию пейоративов, согласно которой они делятся на общие и специальные [71]. **Общие пейоративы** имеют общее инвективное значение. «Их семантика является темной, мы не знаем, что именно сделал негодяй и гад, но знаем, что его действия ниже всяких моральных норм» [71, с. 242]. Обвинения в примерах (122) и (123) построены за счет использования общих пейоративов *a mean sod* (дрянной человекишка, паршивец) и *сволота*:

(122) *'I wouldn't give him a ham sandwich', said Robert. 'He's a mean sod...'* (A. T. Ellis. *The Clothes in the Wardrobe*);

(123) *Деловой. Красиво. Кто это все вышивал? Старуха. Ленина – я, Шевченко – я. А наволочки, скатеру и все – свекруха. Така сволота была, така сволота!* (М. Арбатова. *Поздний экипаж*)

В некоторых случаях употребление общего пейоратива подкрепляется последующим описанием неблагоприятных поступков:

(124) *Такая же дрянь, как ее папаша, встает перед Мишкой, жрет апельсин и чавкает. А потом ему корку дает.* (Арбатова М. *Сейшен в коммуналке*)

По нашим наблюдениям, общие пейоративы в публицистической речи практически не используются. Объясняется это самой природой общих пейоративов: отрицательно характери-

зую чьи-то человеческие качества, они не дают представления о деликте, приписываемом виновному, а потому не подходят для публицистического текста, который должен быть аргументированным. Кроме того, общие пейоративы имеют весьма оскорбительный характер и не могут быть включены в публицистические обвинения по этическим причинам.

Специальные пейоративы, по В. И. Карасику, подразделяются на **объективные**, обозначающие объективные пороки людей, и **субъективные**, открытые для амбивалентного толкования, основанные на определенном рода предрассудках, в том числе ярлыки.

Обвинения с использованием **объективных пейоративов** приписывают некоторому лицу конкретное отрицательное качество, недостаток – нахальство, трусость, лживость и т.д.:

(125) *...Она в Африке три года работала. Маски привезла из черного дерева. Рожки такие... Все раздавала. Ни одной себе не оставила, даже на память... А люди, знаете, нахальные. Если дают – отчего же не брать. А ей, между прочим, никогда никто даже спичечного коробка не подарил. Даже одной спички... (Токарева В. Северный приют);*

(126) *'You're not only a cheat, you're a coward and a liar! The child's yours and Everett's as I suspected.'* (L. Peake. Strangers into Lovers)

Объективные пейоративы, используемые в газетных обвинениях, «подкрепляются» описанием проступка, являющегося основанием для оценки. Так, английская газета «The Daily Mail» обвиняет в лицемерии известного шеф-повара Гордона Рамзи, который в качестве рьяного защитника принял участие в документальном фильме против охоты на акул, а затем был дважды уличен в их ловле и убийстве. Подпись под фотографией Рамзи гласит: «Лицемер»:

(127) *Hypocrite: Despite fronting a documentary about their slaughter, the pictures above show that Ramsay doesn't appear to care much about sharks. (The Daily Mail. – 2011. – 29 января)*

Личность Маргарет Тэтчер получает целый ряд характеристик (жестокая, расчетливая, мстительная), выраженных объективными пейоративами:

(128) *She was callous, calculating and vindictive.*
(*The Independent*. – 2013. – 8 апреля)

Обвинения, построенные на основе использования **субъективных пейоративов**, носят наиболее субъективный характер и воспринимаются как обвинения только авторами и теми, кто имеет общие с говорящим фоновые знания, сходные представления. В. И. Карасик замечает: «...Пейоративный словарь языка включает единицы разных типов и не может быть целиком приписан усредненной языковой личности в едином языке. Люди, для которых инвективными являются, например, слова «фраер» и «фифа», не используют в качестве оскорблений слова «дилетант» и «конформист»» [71, с. 241]. Данное общее замечание о всех пейоративах можно, по нашему мнению, отнести главным образом к субъективным пейоративам. Показателен следующий пример, где в качестве пейоративов используются слова *совместитель* и *интеллигент*, в принципе не несущие никакой отрицательной коннотации:

(129) – *Мне тебя жалко.*

– *Ну правильно. Я жалкий человек.*

Совместитель. Интеллигент.

– *Нет! – кричит Нинка. – Нет! Нет! Нет!!!*

(*Токарева В. Северный приют*)

Интересным нам показался пример, где нейтральное слово *детство* используется в качестве обвинения в несерьезном подходе к делу:

(130) – *Я видел, как вы наблюдаете за зрителями из будки. Это уже, простите, какое-то детство! Говорят, что перед началом спектаклей вы беседуете со зрителями в вестибюле. И даже на улице. Самое опасное в этом знаете что?*

– *Что? – с настороженным любопытством спросил Иван Максимович.*

– *То, что об этом рассказывают с умилением. И даже с восторгом. Актеры не видят в этом ничего противоестественного. Они не понимают, что*

это не принято... Что это противоречит элементарным представлениям о театре. (Алексин А. Действующие лица и исполнители)

Автор рассказа выстраивает на использовании этого субъективного пейоратива парадоксальную ситуацию, поскольку автором обвинения в «детскости» является режиссер детского театра:

(131) – Он ругается словом «детство»! Вы разве не слышали? Когда он особенно возмущен, то восклицает: «Это какое-то детство!»... Слово «детство» звучит как нечто глубоко отрицательное в устах ... режиссера детского театра! – Зина изумленно пожала плечами. И наконец села. (Алексин А. Действующие лица и исполнители)

Наличие или отсутствие отрицательной коннотации субъективных пейоративов зависит не только от личности говорящего, но и от личности человека, на которого направлено обвинение. Обращенные к молоденькой девушке определения *womanly* (женственная) и *babyish* (ребячливая) звучали бы как комплименты. Но едва ли может приветствоваться наличие таких качеств у взрослого мужчины:

(132) ‘You’re womanly,’ I said. ‘You behave like a woman, running round looking after people. That’s why your girls ran away from you. Because you ran after them flapping like a woman.’ (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe);

(133) ‘You’re babyish too,’ I said. “You’re a baby with your car and your games.’ (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)

Будучи широко используемыми в разговорной и художественной речи, субъективные пейоративы не встречаются в масс-медийном дискурсе. Полагаем, что причиной этого является стремление автора газетного текста к определенности, нежелание допустить двоякое толкование его слов.

Отдельно следует отметить распространенное употребление в разговорных и художественных обвинениях как в русской, так и в английской речи пейоративов **дурак**, **глупец**. В. И. Карасик пишет по поводу данных инвектив: «Превосход-

ство по уму есть превосходство по самой сути человека. Поэтому инвектива "Ты – дурак" констатирует безусловное нижестоящее положение адресата по сравнению с отправителем речи. В этом смысле пейоратив "дурак, глупец" сближается с общим пейоративом "ничтожество, пустое место"» [71, с. 243]. В количественном списке английских пейоративов, по данным В. И. Карасика, лидирует именно пейоратив «дурак, болван, идиот» [71, с. 241]. По нашим наблюдениям, данные пейоративы лидируют и по частоте употреблений. Причем прослеживается усиление семы «отсутствие ума, здравого смысла» от одних пейоративов к другим. В наименьшей степени данная сема выражена в словах *fool*, *foolish*, *silly*, *stupid* (дурак, глупый, тупой):

(134) *'People look silly playing a musical instrument,' I said.*

'You're silly,' said my mother, getting angry because she wasn't used to converse of culture. (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe);

(135) *'...She was a fool to take anything he said seriously.'* (W. S. Maugham)

В большей степени сема «отсутствие ума» выражена в пейоративах *idiot*, *idiotic*:

(136) *Then I suddenly saw that Syl, too, must look a very great fool, for he was twice my age and I wasn't beautiful, nor talented, nor in the least degree interesting. We were, I suddenly perceived, an entirely incongruous and idiotic couple... (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)*

Абсолютное отсутствие здравого смысла приписывают некоторому лицу пейоративы *insane*, *mad*, *crazy* (безумный, сумасшедший, чокнутый):

(137) *She said, "I wish to say there is no truth in what my husband accuses me of in those letters. He was insane."* (M. Spark. The Public Image);

(138) *'She was crazy,' he said of his last reneging fiancée... 'She used to burst into tears when we were having our happiest times.'* (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)

Таким образом, с помощью пейоративов со значением недостатка или отсутствия ума строится большое количество английских обвинений.

Усиление семы «отсутствие ума» прослеживается и в пейоративах русского языка – от пейоративов *дурак*, *дура* и *идиот*, *идиотка* до лексических и фразеологических единиц, указывающих на абсолютное отсутствие здравого смысла. В зависимости от использования тех или иных пейоративов, а также прагматических факторов обвинение звучит более или менее резко:

(139) – ...Я говорю: «Когда это ты успела его полюбить, если он в третьем классе уехал с родителями в Бельгию, а вернулся только в этом году». А она мне: «Вот в третьем классе я его и полюбила». «Представляешь? Идиотка».

– Все у тебя психи и идиоты, одна ты хорошая.

– Не знаю, хорошая я или нет, но все вокруг действительно психи ненормальные. (Токарева В. Северный приют);

(140) Мать ребенку:

– Ты с виноградом во рту? Лег на спину и смеется!
С ума сошел! (PPP P3).

Заметим, что по сути пейоративы со значением «отсутствие ума» используются для обвинения объекта не именно в недостатке ума, а в том, что он является ненормальной, нестандартной личностью, совершающей ненормальные, неприемлемые, с точки зрения автора РЖ и здравого смысла, действия.

Разные типы пейоративов могут комбинироваться, как в следующем примере. Общий пейоратив *bastard* (ублюдок) использован дважды: в сочетании с инвективой *stupid* (тупой), обозначающей отсутствие ума, а затем с табуированным прилагательным с диффузной семантикой *fuckin*g:

(141) *Above all, there swells in him a peculiarly modern emotion—the motorist’s rectitude, spot-welding a passion for justice to the thrill of hatred, in the service of which various worn phrases tumble through his thoughts, revitalized, cleansed of cliché: just pulled out, no signal, stupid bastard, didn’t even look, what’s his mirror for,*

fucking bastard. The only person in the world he hates is sitting in the car behind, and Henry is going to have to talk to him, confront him, exchange insurance details with him – all this when he could be playing squash. (I. McEwan. The Diagnosis)

Дискурсу масс-медиа или ретранслируемым политическим высказываниям в целом не свойственны обвинения в «отсутствии ума», выраженные пейоративами семантического поля «дурак». Однако нам показались интересными и специфичными для публицистики РЖ, где дается пейоративная номинация ситуации, а из РЖ в целом ясно, кто является виновником этой ситуации.

Ретрансляция в английской газете выступления Сары Пэйлин, критикующей администрацию Обамы, содержит указание на жанр выступления *blamed* (обвинила). В приведенной цитате Пэйлин содержится пейоратив *insane* (безумный), характеризующий политику Обамы в целом:

(142) She blamed Washington leaders – an apparent reference to the Obama administration – for doing 'everything in their power to stymie responsible domestic drilling'. 'This is dangerous. This is insane,' she said. (The Daily Mail. – 2011. – 5 февраля)

Надо понимать при этом, что такого рода обвинения в дискурсе масс-медиа направлены не столько на личные характеристики виновника неблагоприятной ситуации, сколько на его действия, неблагоприятно влияющие на окружающих.

4. Определенный образ мышления или поведения, который представляется автору РЖ достойным отрицательной оценки, может стать основанием обвинения. Данное основание является, по нашему мнению, промежуточным между обвинениями в действиях и обвинениями в наличии отрицательных черт характера, поскольку образ мышления и манера поведения являются характеристиками личности, с одной стороны, и проявляются в виде каких-то действий, с другой стороны. В следующем примере есть непосредственное указание на жанр с помощью глагола речи:

(143) «Классики не бывают ни отечественными, ни зарубежными: они просто классики и принадле-

жат всему миру», – писал отец в предисловии – и был обвинен в космополитическом мышлении. (А. Алексин. «Карету мне, карету!»)

Поскольку обвинения в образе мышления или поведения имеют субъективный характер, то главным аргументом авторов РЖ становится указание на переизбыток качества, которое в умеренных проявлениях не является отрицательным, но в чрезмерном количестве вызывает неприятие. В приведенных ниже примерах переизбыток качества маркирован лексическими единицами *so bloody, too much, всегдашний, в сто раз*:

(144) 'He was one of those boys who thinks he knows it all. Public school and all that. I couldn't stand him, personally. He was always so bloody sure of himself. Only Di could never see it.' (J. Fowles. *The Ebony Tower*);

(145) 'You spend too much time in your own head,' my mother once told me during a blazing row over nothing at all, and I hate to say it, but I think she was right. (K. Long. *The Bad Mother's Handbook*);

*(146) – Аль, – выговорил он после паузы. – Откуда в тебе это сознание всегдашней правоты, а? Нет, погоди, я договорю, мы с тобой теперь долго не поговорим. Смотри: я не такой дурак, не пацан, мне двадцать восемь лет, я что-то умею. А тебе двадцать три года, и ты думаешь, что ты в сто раз умнее и храбрее меня. Я не понимаю, откуда эта уверенность? (Д. Быков. *Списанные*)*

Публицистические обвинения также могут приписывать некоторым лицам или слоям общества такой образ мышления или поведения, который является неприемлемым для общества. Если в разговорной и художественной речи авторы оценок уделяют внимание бытовым манерам и привычкам, то создатели публицистического обвинения обращают внимание на более масштабные проблемы – идеи, взгляды и поведение, пагубно влияющие на общество.

Колумнистка «The Daily Mail» в статье, посвященной нежеланию иммигрантов в Британию ассимилироваться, резко отрицательно оценивает современные настроения и обвиняет

правлящую элиту и жителей страны в потере моральных ориентиров, в неразличении добра и зла:

(147) *It had lost its moral compass. It no longer recognised the difference between good and evil or the validity of preferring some cultures to others, but had decided instead that all such concepts were relative.* (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая)

Журналистка ссылается на субъективное ощущение шока (*aghast*), вызванное лицемерным отношением (*ambivalent attitudes*) некоторых консерваторов, членов Парламента, к поэту Салману Рушди, которого призывали успокоить мусульманский мир:

(148) *I was aghast, too, at the ambivalent attitudes of some Conservative MPs, who called on Rushdie to make a gesture to pacify the Muslim world in order to break the deadlock over Americans then being held hostage in Iran.* (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая)

5. Обвинять можно в причастности к некоторому неодушевленному предмету, объекту, наносящему вред окружающим. В нашем материале такие примеры единичны и встречаются только в художественной речи:

(149) *Meantime the doctor's child had managed to say, quite clearly,*

"It was a bit of glass from your party that cut me, Mrs. Annabel. Why did your friends break all the glasses and leave such a mess? Oh, my hand's all cut, all over – look, there's another place." (M. Spark. *The Public Image*)

В случае, когда причастность объекта обвинения к предмету, отрицательно оцениваемому говорящим, является сомнительной, само обвинение принимает сомнительный и даже абсурдный характер:

(150) – *У Любы тоже есть тетя. У которой она живет, потому что приехала учиться из Костромы.*

– *Нечерноземье!* – сказала тетя Зина, мысленно обвиняя Любу в том, что земля ее лишена плодородия. (А. Алексин. *Дневник жениха*)

Обобщая перечисленные основания обвинений, приходим к выводу о том, что обвинять некоторое лицо можно в актив-

ных проявлениях его воли и характера, в том, на что обвиняемый был способен или может в настоящий момент повлиять. В случае, если это прагматическое условие обвинений нарушено, обвинение становится абсурдным.

2.7.2. Основания для осуждений

Чтобы выявить основания для РЖ «осуждение», мы сформулируем вопрос следующим образом: **О чем можно выражать нелицеприятное мнение**, направленное на 1, 2 или 3-е лицо?

1. Нелицеприятное мнение можно выражать **о действиях, поступках**. Такие осуждения имеют некоторые отличающие их от обвинений особенности языковой формы выражения. Прежде всего, осуждение содержит или не содержит указание на оцениваемое действие, но в любом случае главной частью высказывания является **выражение отношения автора к этому действию**. В примере (151) есть указание на осуждаемое действие (*судиться с матерью*) и его оценка (*самое лишнее дело на земле*), тогда как в примере (152) присутствует только оценка (*стыдно*):

(151) – *Поймите, я ничего лишнего не хочу! – продолжал доказывать мужчина, выдавленный из тюбика.*

И тут я впервые услышала голос судьи.

– Судиться с матерью – самое лишнее на земле дело. *А вы говорите: не надо лишнего... – произнесла она бесстрастным, не подлежащим обжалованию тоном. (А. Алексин. Раздел имущества);*

(152) *Военный приблизился к хозяину собаки.*

– Как вам не стыдно! – *укоризненно сказал он. (В. Токарева. Длинный день)*

Кроме того, в **названиях осуждаемых действий** и их описаниях **отсутствуют какие-либо отрицательные коннотации**. Такие осуждения, рассматриваемые вне ситуации, теряют значение отрицательной оценки. Так, например, беспокоясь за свою актрису, которая носит в сумочке важные бумаги, режиссер выражает осуждение ее неосмотрительности:

(153) *He said, "You still have them – you haven't destroyed them – you take them around in your purse?"*
(*M. Spark. The Public Image*)

Поскольку значительная часть осуждений в публицистической речи – это ретранслированные оценки, они часто эксплицитно **маркируются глаголом речи «осуждать»**, за которым следует название осуждаемого действия:

(154) *Ранее Совбез ООН осудил действия «Селека» (вооруженное формирование в Центральноафриканской республике – Т.Д.), но не стал предпринимать каких-то решительных мер* (*Известия. – 2013. – 24 марта*);

(155) *В марте все партии осудили поездку бывшего «эсера» Дмитрия Гудкова в США и призвали его сдать депутатский мандат.* (*Известия. – 2013. – 22 марта*)

Сообщая о закрытии Союза студентов в Университете Лондона, журналист отмечает осуждение этих действий студентами, подписавших соответствующую петицию против закрытия Союза:

(156) *In the last week, over 4,000 people have signed the petition condemning the closure, and calling for the union to be saved.* (*The Independent. – 2013. – 10 мая*)

Другие осуждения действий в публицистике строятся на основе обращения к **морально-этическим нормам**. Член Парламента осуждает действия тех, кто разбросал венки, перенося памятник героям войны. Политик называет произошедшее величайшим позором (*utter disgrace*):

(157) *She said: 'What I found is an utter disgrace. Is it little too much to ask, that when the war memorial was being moved, that the wreaths be collected up and moved as well? A little thought, care and respect doesn't cost anybody anything.* (*The Daily Mail. – 2012. – 12 октября*)

Отрицательно оценивая поведение тех, кто считает возможным ходить раздетым из-за жары, председатель комитета по культуре оперирует моральными категориями:

(158) *Публичное раздевание – это элементарное неуважение к окружающим, отсутствие деликатно-*

сти и поведенческого вкуса. Также как и бегание по городу в тапочках типа «вьетнамок», неумение пользоваться дезодорантами и салфетками. (КП. – 2010. – 20 августа)

2. **Результаты (продукты) деятельности** также могут стать основанием для выражения нелицеприятного мнения. Деятельность понимается нами очень широко – это и повседневные действия, и творческие акты. Знаменитый художник высказывает свое мнение о полотнах художников другого направления:

(159) “Not oil. Pigment. All shit. If it’s any good. Merde. Human excrementum. That which grows out. That’s your fundamental. Not your goddam prissy little bits of abstract good taste.” He paused again, as if he sought a way forward, and finally to go back. “Wouldn’t even wipe my arse with them.” (J. Fowles. The Ebony Tower);

(160) Жене не нравится, как муж одел ребенка.

Жена: Это твой стиль – из-под пятницы суббота.

Муж: На свой посмотри – пятница из-под субботы. (PPP P3)

Публицистические осуждения касаются результатов деятельности, более значимых для общества или получивших большой общественный резонанс. Ситуация, когда певец Филипп Киркоров побил на съемках женщину-режиссера, вызывает реакцию, в которой результат его действий обозначен как *безобразие*:

(161) Марина Голуб: «Как говорится «Умейте властвовать собою!» Я люблю Филиппа, знаю его с детства, но то, что он натворил, – это безобразие».
(КП. – 2010. – 10 декабря)

3. Нелицеприятное мнение выражается об **идеях, мнениях, убеждениях, утверждениях**, принадлежащих некоторому лицу или группе лиц. М. Ю. Федосюк, перечисляя объекты похвалы, объединяет в одном пункте слова и мнения адресата [146, с. 80]. Такое объединение возможно и применительно к РЖ «осуждение», если понимать *слова* как вербальное выражение идей,

убеждений. Поэтому наряду с идеями и мнениями мы включаем в список утверждения.

Осуждения идей, мнений и утверждений как их вербального выражения очень распространены во всех сферах человеческой деятельности и обнаруживаются в разговорной, художественной и масс-медийной речи.

Авторы осуждений признают субъективность собственных представлений, что получает выражение в соответствующих маркерах. В примере (162) субъект оценки говорит об идее как претящей его гению (*foreign to my genius*), а автор высказывания в примере (163) маркирует субъективность мнения глаголом мнения *не понравилось*:

(162) *'The idea is preposterous. It's absolutely foreign to my genius. I could never hope to please the masses.'* (W.S. Maugham. *The Creative Impulse*);

(163) *...но только ему единственно / что не понравилось/ там очень большой крен/ вот именно в религию// (PM 1999).*

Субъективность осуждения не означает обязательное смягчение высказывания языковыми средствами. В примере (164) осуждение принципов получает резкую форму выражения (*bloody principles* – чертовы принципы):

(164) *"And you couldn't forget your bloody principles for just one night."* (J. Fowles. *The Ebony Tower*)

Публицистические осуждения направлены на идеи и мнения, которые характеризуют целые слои общества. Английская журналистка, обращаясь к проблеме близкородственных браков в среде английских мусульман, указывает на их трагические последствия в виде больных детей и осуждает равнодушное отношение к этой проблеме самих мусульман, которые лишь пожимают плечами и не желают даже обсуждать эту трагическую ситуацию:

(165) *The result of this inbreeding? Terrible disabilities like the ones I have witnessed in the children born to a woman in my own community. Her first child was born blind, the second deaf and the third mute.*

As if that were not tragic enough, these disabilities are simply accepted with a casual shrug. Because everyone seems to know someone with a sick child, it is

barely commented on within the community. (The Daily Mail. – 2011. – 13 июня)

Критическая статья, посвященная работе почты России, уже в своем заголовке «Плохо работать – наши принципы» обнаруживает отрицательно-оценочный вектор, который далее реализуется в тексте публикации. Номинации *наплевать*, *ненавидеть*, *превращать жизнь в кошмар* в полной мере воплощают замысел автора по созданию неприглядного «портрета» почты:

(166) Причем вопрос явно не в отдельных работниках, а в системе – ты понимаешь, что они все защищены невероятным просто по масштабу наплеватьством на твои клиентские нужды <...> Все это напоминает СССР, где работников торговли или сферы услуг будто специально учили яростно ненавидеть клиента и всеми возможными способами превращать его жизнь в кошмар. (Известия. – 2013. – 10 апреля)

Автор другой полемичной публикации о необходимости (или отсутствии таковой) школьной формы от вопросов материального характера переходит к рассмотрению философии уравниловки тех, кто является сторонником формы. Автор выстраивает свое осуждение этой философии, используя эпитеты *бездарная* и *опасная*:

(167) Противники формы уверяют, что она подавляет индивидуальность. Это тоже не верно. Сама по себе форма ничего не подавляет. В принципе форма – это рабочая одежда, на которую капают чернила (уже не актуально), которая пачкается мелом и так далее.

Но вот философия, которую к этой уравниловке пришивают всякие депутаты, педагоги и просто активисты, – она, во-первых, совершенно бездарная, а во-вторых, опасная. Все эти идеи намекают, что плохо отличаться от других. Будь ты гений или, наоборот, бунтарь. (Известия. – 2013. – 23 апреля)

4. **Внешний вид** лица (лиц) может стать основанием для выражения нелицеприятного мнения. Внешний вид человека нередко становится предметом обсуждения в разговорной речи:

(168) – У его мамыши шапочка из перьев. А папаша – вообще мордovorot, – прокомментировала Лена.

– Откуда ты знаешь?

– На класном собрании видела. Лысый. Нос, как клубника. Сорок лет, а выглядит на шестьдесят. Вон наш папочка – как мальчик.

– Ответственная работа делает ответственную внешность, – защищает Наташа своего будущего свекра. (В. Токарева. Северный приют)

Большое внимание уделяется в СМИ, особенно в таблоидах, внешности звезд, которая оценивается в соответствии с современными «гламурными» стандартами. Газета присуждает звание самого худшего свадебному платью одной из актрис известного сериала. Начиная с обобщения об отсутствии вкуса у актрис всего сериала, журналист называет свадебное платье Кирсти Соумс самым худшим (*worst ever wedding dress*) и совершенным ужасом (*an absolute monstrosity*):

(169) Coronation Street has never really been known for its classy or elegant female characters. But, Kirsty Soames easily wins the prize for the soap's worst ever wedding dress with an absolute monstrosity. (The Daily Mail. – 2012. – 5 декабря)

Интересно, что внешность людей оценивается по разным стандартам в разных сферах жизни. Стандарты «мира гламура» кажутся наблюдателям неприемлемыми для мира политики, и одна из российских дам-политиков удостоивается следующей дискуссии относительно ее фотографии в интернет-форуме (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

(170) – Ботакс, критика и все в порядке в рядке. УРА!!!

– Да это просто бросается в глаза. Все наши дамы "в креслах", как в косметическом салоне – завсегда таи из бездельников. Посмотрите на европейских и всех цивилизованных деятелей из числа дам, абсолютно нет такого акцента на внешнем ви-

еячтлении. Культура "ухожженности" не гипертрофированная? Чувствуется, там работник, а не "профурсэтка". (URL: <http://izvestia.ru/news/549360>)

М. Ю. Федосюк считает, что «осуждение – это всегда не "сиюминутная", а обобщенная отрицательная характеристика объекта. Так, в качестве осуждений вполне могли бы выступать высказывания "У тебя всегда растрепаны волосы", "У тебя постоянно тусклые глаза" или "Ты очень некрасив", тогда как высказывания "Ты сегодня непричесан", "Сейчас у тебя тусклые глаза" или "Сегодня ты выглядишь некрасивым" вряд ли есть основание относить к речевому жанру "осуждение"» [146, с. 79].

Мы полагаем, что принцип выделения осуждений из ряда других РЖ состоит не в том, что отрицательная характеристика объекта является его постоянной чертой. Сиюминутный недостаток также может осуждаться при условии, что исправление недостатка находится во власти осуждаемого. Приведем пример осуждения «сиюминутной» характеристики:

(171) – *Почему ты так громко разговариваешь? Все время кричишь, как в поле, – упрекает она Валю. Но это упрек-раздражение. – И что на тебе за платье? Посмотри на... – она называет мое имя. Ставит меня в пример. (В. Токарева. Почем килограмм славы)*

В то же время существуют недостатки внешности, которые их обладатель исправить не в силах. Отрицательно-оценочные РЖ, указывающие на такие недостатки, тяготеют к обвинениям, если их объектом является 3-е лицо, и к оскорблениям, если адресованы 2-му лицу. В примере (172) автор высказывания характеризует внешность другой девушки как незаметную (*insignificant*). Очевидно, что в данном контексте это слово употреблено как эвфемизм, замена характеристики «некрасивая», поскольку далее в высказывании в качестве антонима употреблено прилагательное *beautiful* (красивая):

(172) *She had been as insignificant in appearance as all the other girls I had seen him with: as insignificant as I was myself. I wondered whether he eschewed beautiful women because he feared competition from them, or from other men. (A. T. Ellis. The Clothes in the Wardrobe)*

5. Нелицеприятное мнение может быть высказано о неодушевленных объектах, связанных каким-либо образом с

некоторым лицом. В данной ситуации отрицательная оценка с неодушевленного объекта переносится на человека в силу его связи с объектом. Герой романа представляет нелестную характеристику питейного заведения, в которое его приглашает знакомый, и отрицательно-оценочная характеристика рюмочной бросает тень на человека, посещающего ее:

(173) <...> – Вы где?

– Я недалеко от «Маяка».

– Ну тогда в рюмочной напротив. Я «Маяка» не люблю, пафос. А в рюмочной меня знают.

Непонятно было, зачем Борисову нужно знакомство в рюмочной: место самое плебейское, точка встречи подгулявшей богемы и местных алкашей, позволяющая алкашам чувствовать себя немного богемой, а богеме приобщаться к народу; Свиридов не любил таких смешений, ценя чистоту жанра, но Борисову как адвокату положено уважать показуху – вот он и стремился в это заведение с сомнабулическими завсегдатаями по углам и бюстом Чайковского на полке с водками <...> (Д. Быков. Списанные)

Объектом осуждения в английской газете становится строящийся дом в красивой деревне. Подпись под фотографией дома гласит: «*Under construction: This contemporary home has labelled an eyesore by villagers in Cowley, Gloucestershire*» (Идет строительство: Этот современный дом жители деревни Каули в Глостершире заклеямили как бельмо на глазу) (*The Daily Mail*. – 2011. – 30 декабря). Далее в тексте статьи дом называют отвратительным хлевом (*an ugly cowshed*), утверждают, что он портит вид (*is spoiling the view*) и не выглядит должным образом (*does not look good*):

(174) *It is so nice around here. But this one looks like an ugly cowshed. It has a massive tin roof and it is spoiling the view of many people around here.*

*It just does not look good at all. This is a traditional Cotswold village with a proud history. It used to be home to the Horlicks family. (*The Daily Mail*. – 2011. – 30 декабря)*

Поскольку причастность владельца дома к своему уродливому сооружению несомненна, осуждение жителей деревни распространяется и на него.

2.7.3. Сопоставление оснований для обвинений и осуждений

Сопоставим списки оснований для обвинений и осуждений и прокомментируем различия. Основания для обвинений и осуждений обнаруживают значительный параллелизм, который наглядно можно проследить в представленной табл. 3.

Таблица 3

Сопоставление оснований РЖ «обвинение» и «осуждение»

Номер основания	Обвинение (В чем можно обвинять?)	Осуждение (О чем можно выразить нелицеприятное мнение?)
1	В совершении отрицательно оцениваемых действий	О действиях, поступках
2	В совершении действий, приведших к неблагоприятной ситуации	О результатах деятельности
3	В наличии отрицательных качеств характера и внешности	О внешнем виде
4	В определенном образе мышления и поведения	Об идеях, мнениях, утверждениях
5	В причастности лица к неодушевленному предмету, наносящему вред	О неодушевленных объектах, связанных с лицом

Незначительное различие, которое касается п. 3, можно объяснить так. В обществе существует представление о некоем наборе качеств человеческого характера, которые универсально рассматриваются как отрицательные, и приписывание таких качеств лицу представляет собой обвинение. Что касается представлений о внешности, то они имеют более субъективный характер, и те высказывания, которые содержат маркеры субъ-

ективности мнения, могут быть классифицированы как осуждения.

Главное различие между основаниями для обвинений и осуждений состоит в том акценте, который делается в высказывании. **В обвинениях** говорящий делает акцент на утверждении о существовании некоторого факта, на связи негативных действий, ситуаций, характеристик, идей, предметов с объектом оценки. Прагматическое условие правдивости утверждения о факте нерелевантно: обвинять можно как в том, что действительно имеет/имело место, так и в том, что говорящий считает правдой и что не является правдой на самом деле. Прагматической пресуппозицией обвинений является неодобрительное отношение говорящего к факту, приписываемому объекту оценки (т.е. осуждение). Схематично РЖ «обвинение» представлен на схеме 1.

Схема 1

Семантико-прагматические связи в РЖ «обвинение»

Обвинение	
(вектор направления связи)	
<u>Объект оценки</u>	← <u>Факт</u>
	– истинный или ложный
	– пресуппозиция: неодобрительное отношение

В осуждениях в фокусе высказывания – оценка некоторого факта: действий, их результатов, внешнего вида, идей, мнений, предметов. Осуждения устанавливают связь между субъектом оценки с его субъективной точкой зрения и некоторым явлением, существование которого представляет пресуппозицию высказывания. Надо понимать, что пресуппозиции бывают ложные, а значит, существуют осуждения, построенные на ложных пресуппозициях. Рассмотрим пример.

Следующая выдержка из английской «The Guardian» представляет собой освещение событий Грузино-осетинского конфликта, в котором приняли участие российские войска. Фрагмент характеризует действия России как враждебные (*hostile action*) и агрессивные (*aggression*). Автор выносит резюме в последней части высказывания, оценивая односторонний под-

ход России (*unilateral approach*) как опасный и неприемлемый (*dangerous and unacceptable*):

(175) But Russia's hostile action towards Georgia suggests that they are unreconciled to this new reality. Their aggression raises two urgent questions for us: how best to stabilise Georgia now, and how to make it clear to Russia that its unilateral approach is dangerous and unacceptable. (The Guardian. – 2008. – 31 августа)

Данный фрагмент представляется ярким примером осуждения на основе ложной пресуппозиции. Автор не обсуждает вопрос исторической правды и закладывает обвинение России в агрессии в основу своего осуждения – опасно и неприемлемо.

В другой статье, посвященной этой же проблеме, журналист сообщает о своей отрицательной оценке действий российских войск посредством глаголов чувств и умственной деятельности (*was surprised – был поражен, didn't expect – не ожидал*). При этом в качестве оцениваемых истинных фактов он предлагает картину зверств, учиненных российскими военными, и убийств мирных жителей Грузии:

(176) During the war I was surprised by the Russian military. I didn't expect them to be so brutal. They were looting and killing peaceful Georgian civilians. (The Guardian. – 2008. – 8 августа)

[Во время войны я был поражен российскими военными. Я не ожидал, что они могут так зверствовать. Они мародерствовали и убивали мирных грузинских граждан.]

Пример (176) также представляет собой осуждение, построенное на основе ложной пресуппозиции обвинения.

Схематично жанр «осуждение» представлен на схеме 2.

Схема 2

Семантико-прагматические связи в РЖ «осуждение»

Осуждение	
(вектор направления оценки)	
<u>Субъект</u>	→ <u>Факт</u>
– пресуппозиция (истинная или ложная): наличие факта	

Учитывая сказанное, можно утверждать, что осуждения и обвинения, представляя собой разные схемы смысловых связей между рядом прагматических факторов (субъектом оценки, объектом оценки, оценкой и явлением действительности), связаны диалектически. Пресуппозицию обвинений составляют осуждения, тогда как в качестве пресуппозиции осуждений нередко выступают обвинения.

2.8. Тактики осуждений и обвинений

Описание и сравнение набора тактик, используемых авторами осуждений и обвинений, позволяет выявить ряд различий между данными жанрами. В своем понимании тактики мы опираемся на работу Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, которые определяют рече-поведенческую тактику как однородную по интенции и реализации линию поведения коммуниканта, входящую в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта [16, с. 13]. Исследователи представляют список рече-поведенческих тактик истинного обвинения, но, по нашему мнению, включают в него также тактики осуждения. На основе анализа речевого материала мы представим два отдельных списка для исчисления тактик осуждений и обвинений, которые можно считать универсальными как для рассматриваемых функциональных стилей, так и для русского и английского языков.

2.8.1. Речевые тактики обвинения

Речевые тактики обвинения включают:

1. **Эксплицитное предъявление вины.** «При эксплицитном обвинении обычно употребляется особый тематический (**инвективный**) пласт лексики, т.е. таких слов и номинативных словосочетаний, в лексическом фоне которых есть семантическая доля «деликта»... Они могут использоваться при де-

скрипции ситуации как непосредственными коммуникантами, так и третьим, внешним, лицом» [16, с. 33].

В примере (177) деликт обозначен выражением *злоупотребление служебным положением в корыстных целях*. Кроме того, жанр маркирован как обвинение предыдущей репликой другого коммуниканта.

(177) – В чем вы меня обвиняете? – так же напористо спросил Лукьянчик.

– Если коротко и вообще – злоупотребление своим служебным положением в корыстных целях, – Арсентьев отчеканил каждое слово и, остановившись на запятой, спросил: – Так понятно? (В. Ардамацкий. Суд)

В примере из газетного текста сообщается об обвинении, предъявленном бывшему боссу сети «Теско» специалистом по розничной торговле. Грамматическая форма глагола с предлогом *accused of* позволяет точно указать на проступок обвиняемого (*talking crap* – *говорить ерунду*). Ерундой эксперт называет мнение обвиняемого о прогрессивности избавления от частных мясных лавочек:

(178) *Mary Portas has accused former Tesco boss Sir Terry Leahy of "talking crap" for claiming that the disappearance of family butchers from the high streets is a sign of progress.* (The Independent. – 2013. – 30 апреля)

Тактика эксплицитного обвинения может реализоваться с помощью **каузальных конструкций**, указывающих на причину беды (*из-за, it's... that has caused the trouble*):

(179) – Она умерла...а не сдохла. Умерла из-за вас! – крикнул Колька, сам еле сдерживая слезы. (Алексин А. Подумаешь, птицы!..);

(180) *'It's funny to think if you come to think of it, it's her goodness that has caused all the trouble...'* (W. S. Maugham. Virtue)

Во фрагменте статьи, автор которой резко отрицательно оценивает действия человечества по отношению к природе, отмечен деликт людей (*trashing* – замусоривание) и содержится указание на причину экологической угрозы (*human-caused*

threat – угроза, вызванная человеком), которое связывает агента с самим действием:

(181) *The trashing of the natural world is now a global phenomenon and, as the century progresses, it will combine and interact with another great human-caused threat, climate change. (The Independent. – 2013. – 29 марта);*

2. **Перформативное предъявление вины.** Тактика перформативного обвинения содержит указание на совершаемое речевое действие в виде глагола *обвинять* в 1-м л. настоящего времени. Данная тактика используется очень редко:

(182) *Молодой человек согласно закивал головой и, помолчав немного, сказал звонко:*

– *Я обвиняю руководство министерства, и в первую очередь товарища министра, в косном отношении к организации в министерстве автоматизированной системы управления. (В. Ардаматский. Суд);*

(183) *'I never pay any attention to what the newspapers say,' he answered, with a shrug of his shoulders. 'I've known too myself for that many journalists. No, it's the judge I blame. He treated me shocking and it did him no good, mind you; he died within the year.'* (W. S. Maugham. *The Round Dozen*);

3. **Обобщение, или «раздувание из мухи слона».** Данная тактика состоит в представлении конкретной ситуации как повторяющейся. Для этого используются лексические средства обобщения (наречия *опять, никогда, ничего*; обобщающее прилагательное *whole*; определительные местоимения *всё, все*):

(184) *А. (муж) Вер! Куда вы опять дистанционку подевали?*

Б. Почему это мы? Сам куда-нибудь сунул//

А. Я всегда все на место кладу// Это вы все делаете с закрытыми глазами// (РМ 1999);

(185) *В дверях возник Алексей, взбешенный и всклокоченный.*

– *Где моя папка? Где мои Белые города? Никогда ничего не лежит на месте. Это не дом, а караван-сарай... (В. Токарева. Северный приют)*

В примере (186) сообщается о протестантах, которые обвиняют государственного секретаря по образованию в игнорировании желаний сообщества (*riding roughshod over a community's wishes*). Для представления деликта как повторяющегося использовано наречие *once again* (снова):

(186) Under the banner of "Hove vs Gove", a group of campaigners has vowed to save their "village green" – known as Bhasvic Field – and has accused Mr Gove of once again riding roughshod over a community's wishes in pursuit of his free schools policy. (The Independent. – 2013. – 7 мая);

4. Предъявление вины на будущее. Данная тактика состоит в том, что говорящий делает неблагоприятные прогнозы на будущее, приписывая лицу совершение отрицательно-оцениваемых поступков в будущем. В своей работе Э. Х. Мициева, критикуя нашу точку зрения о проблеме разграничения осуждений и обвинений, утверждает: «...Нельзя обвинять человека за действия, которых он не совершал (к совершению которых даже не приступил), в противном случае следовало бы судить за покушение на убийство каждого, кто только сказал другому: я тебя убью!» [104]. Действительно, с точки зрения юридических норм и нормативной коммуникации в целом, нельзя обвинять в несовершенных действиях. Однако наша работа не носит нормативный или прескриптивный характер. Мы исследуем фактический речевой материал и представляем реальную картину речевой коммуникации. Из этой картины видно, что тактика обвинения на будущее, какой бы манипулятивный характер она ни имела, в действительности используется во всех рассматриваемых типах дискурса.

Эта тактика всегда реализуется посредством грамматических форм будущего времени и соответствующих лексических указателей на будущее:

(187) – А он?

– А он найдет себе другую и будет эксплуатировать ее терпение и молодость. Сейчас он эксплуатирует терпение жены, твое тело. И ждет, когда это кому-нибудь надоест. (Токарева В. Система собак);

(188) *In the future, we'll have to dance to solicitors' sons' music, read their boring novels about holidays in Venice, read the boring newspaper columns of the daughters of accountants. Some of them will be OK, but this is the trouble: there'll be no choice. (The Independent. – 2013. – 29 марта)*

В примере (189) обвинение на будущее звучит более мягко, как предположение, за счет использования сослагательного наклонения (*he would probably*), но суть тактики остается: лидеру профсоюзов приписываются действия по эскалации конфликта с правительством в будущем:

(189) *It makes you think that – were he still at the helm of the NASUWT at this year's conference – he would probably be backing proposals for some kind of an escalation of the conflict with the Government on pay, pensions and education spending. (The Independent. – 2013. – 27 марта);*

5. Предъявление некоторого ряда деликтов. Суть тактики в том, что автор предъявляет не один, а множество деликтов, вследствие чего все поведение адресата оказывается порочным [16, с. 35]:

(190) *Он. Я ничего не делал насильно.*

Она. Ты старше меня на семнадцать лет! Ты обманул, приручил и развратил меня. Ты не дал мне увидеть, что в мире бывают счастливые свободные люди и отношения. (М. Арбатова. «Дранг нах вестен»)

Ярким примером предъявления ряда деликтов является обвинение Маргарет Тэтчер в совершении множества действий, которые свидетельствовали о ее лицемерии. Отрывок из письма читателя:

(191) *She supported Pinochet but called Mandela a terrorist. She back South Yorkshire police after Hillsborough but vilified the families of those that died. Kelvin McKenzie, Rupert Murdoch and Jimmy Saville were close personal friends. She criticized the Soviet Union but was opposed to the reunification of Germany. She split the*

country, a fragmentation which the country still suffers one. (The Independent. – 2013. – 8 апреля);

Другой пример – из отечественной прессы. Автор статьи, посвященной скандалам вокруг Большого театра, делает неутешительный вывод об уровне культуры в целом, представленный в виде ряда деликтов:

(192) Объективно, конечно, все происходящее не так уж мелко, потому что в голом виде показывает нам недостатки современной русской культуры — и в общем смысле, и в качестве института.

Воровство, грязные интриги, месть, глупость. (Известия. – 2013. – 19 марта);

6. Предъявление вины под видом демонстрации хорошего отношения. Особенностью данной тактики является то, что предъявление вины сопровождается указанием на достоинства объекта оценки или доброе отношение к нему автора оценки, которое призвано смягчить остроту ситуации, но фактически не снимает обвинения с объекта оценки. В своем интервью директор ГМИИ И. Антонова обвиняет директора Эрмитажа М. Пиотровского в том, что он ждет ее смерти, но предварительно «страхуется», указывая на свое доброе отношение к объекту обвинения:

(193) – Михаил Борисович во время «прямой линии» говорил о морали и о том, что нехорошо выносить внутримузейные проблемы на президента.

– Это не внутримузейные проблемы, это проблемы российской культуры. Какая мораль? Это он аморально поступает, я считаю. Я Мишу очень люблю, и он это знает. Я с ним многократно говорила о воссоздании музея. Наверное, он просто ждет, что я старая и помру скоро – хорошо знает, что больше никто этим заниматься не станет. (Известия. – 2013. – 29 апреля)

В другом примере (194) журналист идет на уступку, допуская правдивость замечания адвоката известной модели Наоми Кэмпбелл о ее внутренней и внешней красоте. В то же время журналист саркастично характеризует ремарку адвоката

как слащавую (*saccharine remark*) и далее напоминает, что случай насилия над прислугой уже седьмой в биографии Кэмпбелл:

(194) *Outside the court her highly-paid lawyers immediately sprang into PR mode, with one memorably stating: 'I know Miss Campbell and she is as beautiful inside as she is on the outside.' All this could be true, of course – though the lawyer's saccharine remark is stretching the realms of credulity. No doubt the courts will decide in due course.*

But it would be a great deal more believable were it not for the fact that Mrs Scolavino is the seventh person in as many years to claim they had been viciously assaulted by the model. Six of those, it should be noted, were employees. Once is unfortunate. Twice looks like carelessness. Seven times... (The Daily Mail. – 2006. – 27 июня);

7. Предъявление вины через демонстрацию последствий деликта. В такой ситуации последствия деликта являются основанием для обвинения. Журналист, обвиняя человечество в неэкологичном образе жизни, перечисляет ужасные последствия вмешательства человека в природу:

(195) *These activities are now wiping out ecosystems and species, across the world, at an ever increasing rate: the forests are chainsawed; the oceans are stripmined of their fish; the rivers, especially in the developing world, are ever more polluted; the farmland is rendered sterile of all but the monoculture crop by demented dosing with pesticides; the farmland insects and wild flowers and many of the birds have gone. (The Independent. – 2013. – 29 марта)*

Другой пример из семейной коммуникации:

(196) А. (мама) Шурик/ ну что это такое? Нельзя так есть! Смотри что ты натворил! Все на столе// Кто это сделал?

Б. (тихо, спокойно, воспринимая как прямой вопрос) Я// (РМ 1999);

8. Предъявление вины через указание на правильное действие как альтернативу неправильному. Правильное

действие может фигурировать как идеал или совершаться другим «положительным» лицом. В следующем примере мать обвиняет дочь в черствости путем сравнения ее с другой девочкой. Сравнение выражено конструкцией *в отличие от*:

(197) – *Она жалеет своих родителей! В отличие от тебя... Прибежала домой вся в слезах!* (А. Алексин. Смешилка)

В другом примере, иллюстрирующем семейную конфликтную коммуникацию, когда мать хочет заставить дочь избавиться от беременности, дочь восстает против матери. Она обвиняет мать в том, что та все время заставляла испытывать ее чувство вины, и обещает, что такого не произойдет с ее ребенком. Сравнение выражено в том числе прилагательными в сравнительной форме (*fitter, better*) в конструкциях с союзом *than*:

(198) *'Well, I'm a damn fitter than you. At least I won't make this baby feel guilty all its life,' flutter, flutter, 'at least I won't try and make it responsible for my own shortcomings. If you didn't want me, eighteen years ago, that's fine. But I'm not going to do to this baby what you did to me. Poor bugger. It deserves a better chance than I had.'* (K. Long. *The Bad Mother's Handbook*)

Английский читатель обвиняет политиков в том, что они не занимаются ничем, кроме изучения политики. Альтернатива их поведению представлена конструкцией в сослагательном наклонении (*If we had politicians who had done something* – если бы у нас были политики, которые делали бы что-нибудь...):

(199) *perhaps if we had politicians who had done something, anything, beside studying politics they might be able to fight their corner against the crushing wealth and influence of corporate interests. And finding some politicians who are not millionaires may be an idea too. . .* (*The Independent*. – 2013. – 30 марта);

9. Предъявление вины в отвлеченной от адресата форме. Обвинительное значение названной тактики в большей или меньшей степени скрыто за буквальным смыслом и выводится с учетом знания ситуации. В примере (200) автор РЖ говорит

об адресате в третьем лице, называя ее *unstable, irresponsible woman* (непостоянная, безответственная женщина):

(200) *'It's no fun, believe me, taking an unstable, irresponsible woman into your life, and into your bed. The feeling when she walks out on you has to be experienced to be believed.'* (L. Peake. *Strangers into Lovers*)

В примере (201) героиня рассказа обвиняет отца в том, что он оборвал карьеру матери, снимая вину за это с другого человека, но прямо не называет отца виновником:

(201) – ...*А ты знаешь, как нас с ним называют в театре?*

– *Монтекки и Капулетти... Но это, по моему, поверхностное сравнение. Конфликт Монтекки и Капулетти был беспричинным!*

– *А здесь причина во мне! Ты это хочешь сказать? И даже мамин провал ты не ставишь ему в вину.*

Лере показалось, что отец говорит об этом «провале» не с горечью, а с внутренним ликованием. И она резко ответила:

– *Не он виноват в том, что мама перестала быть актрисой. Не он!* (А. Алексин. *Действующие лица и исполнители*)

Таким образом, анализ материала позволяет выделить восемь тактик обвинения, которые обладают разной степенью эксплицитности – от наибольшей, получающей выражение в лексике со значением деликта и глаголах-квалификаторах, до наименьшей, когда истинное значение необходимо вывести из языковых форм и знания ситуации.

2.8.2. Речевые тактики осуждения

Речевые тактики осуждения включают:

1. **Эксплицитное выражение неодобрения.** В отличие от эксплицитных обвинений эксплицитные осуждения не обязательно содержат лексику со значением «деликта», поскольку в эксплицитных осуждениях акцент ставится не на действии, а на моральной оценке происходящего. Осуждая новые государст-

венные инициативы по защите детей от причиняющей им вред информации, журналистка оценивает такой подход общеоценочным словом «плохо» и приводит аргументы:

(202) *Наверное, слишком много контроля и заботы – это тоже плохо. У человека нет шанса узнать, что такое реальная жизнь. Даже если она в интернете. Потому что если интернет – новая реальность, с этим надо смириться и выпускать детей в нее гулять без ошейника и поводка. (Известия. – 2013. – 25 февраля)*

Другая оценочная категория, применяющаяся для эксплицитных осуждений, – это категория аморальности. Член английского Парламента оценивает действия розничных сетей, а именно продажу алкоголя по слишком низкой цене, как аморальные и безответственные:

(203) *He said the vast majority of customers drank responsibly and insisted that Asda had showed "responsibility" by trying to ensure that sales were not made to underage customers.*

Tory MP Patrick Mercer told him: "May I suggest that we substitute the word 'responsible' for 'irresponsible' or 'immoral'." (The Daily Mail. – 2008. – 3 июня)

Общими для русской и английской лингвокультур формулами эксплицитного осуждения являются выражения неодобрения без указания на проступок «Как ты можешь/ мог?» и «Как тебе не стыдно?»

(204) *Как ты можешь так, Коля? Неля видит в тебе своего брата, она так готовилась к твоему приезду... И эта Черная Спинка действительно мешала заниматься. (А. Алексин. Подумаешь, птицы!..);*

(205) *'That bed I slept on, is that the bed in which she had her children?' She saw him flush deeply. 'Oh, it's horrible. How could you?' (W. S. Maugham. The Force of Circumstances);*

(206) – *Сдали анализ второй раз? – удивилась врач Хачатурова. – Да вы что? Как вам не стыдно! Мы к вам с чистым сердцем, а вы... Муж что, разводчик? (КП. – 2002. – 12 декабря)*

К эксплицитным осуждениям мы относим такие, которые содержат прямое указание на жанр:

(207) *'Have you a Rosetti?' I asked.*

'No. I admired Rosetti's talent, but I could not approve of his private life. I would never buy a picture by an artist whom I should not care to ask to dinner at my house.' (W. S. Maugham. *The Round Dozen*)

В последнем высказывании глагол *approve* (одобрять) использован с отрицанием в выражении *could not approve* (не могла одобрить), значение которого сводится к неодобрению, осуждению.

Эксплицитными осуждениями считаются и такие, которые явно указывают на неприемлемость ситуации (*cannot be acceptable* – неприемлемо):

(208) *"It cannot be acceptable that talented young people, who just happened to come from less affluent backgrounds, are blocked from getting some of the most exciting jobs on offer," he says.* (*The Independent*. – 2013. – 4 марта);

2. Выражение неодобрения со ссылкой на Бога или обращением к Всевышнему:

(209) *(А. – женщина средних лет выходит из подъезда и видит вновь раскопанные траншеи для труб.)*

А. Господи/ это когда-нибудь кончится? Пока ноги кто-нибудь не переломает// (РМ 1999).

Интересно, что выделенная тактика встретила нам и в публицистической речи. Автор статьи, осуждая проводимые оппозицией митинги, собирает описания несчастных случаев, усматривая в этом дурной знак. Указание на Бога выражено эвфемистически (*кто-то наверху*):

(210) *Шестое мая началось с дурного, с трупа. Погиб один из рабочих, монтировавших сцену, М. Мелков, 25 лет. Очень плохое предзнаменование. Повторное предупреждение.*

Напомню, что 6 мая 2012 года также все началось с трупа. Тогда погиб фотограф. Разбился насмерть, сорвавшись с балкона дома на Большой

Якиманке, откуда пытался фотографировать происходящее.

Кто-то наверху не любит вас, господа...
(Известия. – 2013. – 6 мая)

Появление этой тактики в публицистике отражает все более популярную в отечественных масс-медиа тенденцию к поискам божественного, сверхъестественного и потустороннего в обыденной жизни. Перенос акцента с рациональной аргументации на иррациональную призван внушить читателю страх перед неподвластными ему высшими силами.

В английской публичной коммуникации отношение к теме божественного несколько иное. В одной из статей «The Daily Mail» сообщается, что Тони Блэр в течение десятилетия своего пребывания на Даунинг-стрит не ссылался на Бога, опасаясь, что его причислят к религиозным фанатикам. И только выехав в США на встречу с Обамой, он позволил себе в речи упомянуть Бога не меньше 31 раза (The Daily Mail. – 2009. – 6 фев.). Вероятно, ссылка на Бога не была использована в контексте жанра «обвинение», но сама ситуация показательна. В ней проявляется противоречие между желанием использовать ссылку и сдерживающими прагматическими факторами.

Если в речевом поведении политика или пишущего для газеты журналиста большую роль играет соответствие ожиданиям электората и аудитории, то для действительно религиозных людей определяющее значение имеют их собственные убеждения. Так, христиане осудили кампанию, запущенную Британской Ассоциацией Гуманистов, которая вывесила на автобусах плакаты с призывом: «Возможно, нет никакого Бога. Перестаньте беспокоиться и наслаждайтесь жизнью». На Ассоциацию было подано 150 жалоб, в которых утверждался оскорбительный характер лозунга:

(211) The British Humanist Association launched adverts earlier in the year proclaiming: 'There is probably no God. Now stop worrying and enjoy your life.' It sparked almost 150 complaints to the Advertising Standard Authority from people claiming the campaign was offensive. (The Daily Mail. – 2009. – 5 февраля)

Ответом со стороны верующих стало осуждение поступка атеистов, выраженное строками из Псалма 14:1 со ссылкой на Бога: «Сказал безумец в сердце своем: 'нет Бога'»:

(212) *The Trinitarian Bible Society's advert uses a line from Psalm 53 that reads: 'The fool hath said in his heart, there is no God.' It will appear on 100 buses. (The Daily Mail. – 2009. – 5 февраля);*

3. Выражение неодобрения по поводу чужих действий в сравнении с собственными/ чьими-то хорошими действиями. Сравнимые действия могут быть связаны единой сферой человеческой деятельности. Так, в примере (213) известная писательница осуждает мужа за то, что тот, будучи окруженным лучшей английской литературой, читал только детективы. Осуждение построено на противопоставлении «детективы vs. качественная литература»:

(213) *'Now I see what a gulf separates us,' she said, and her fine contralto shook a little. 'You have been surrounded for thirty years with all that was best in English literature and you read hundreds of detective novels.' (W. S. Maugham. The Creative Impulse)*

Противопоставляемые действия могут быть не связаны между собой. Так, в следующем примере противопоставляются хозяйственность мужа и крикливость жены:

(214) *А. (муж жене) Не знаю вот/ у кого еще мужья полы моют/ а тут слышишь одни крики// (PPP P3);*

4. Выражение неодобрения со ссылкой на собственные эмоции (ощущения). Оценивая реакцию некоторых людей на теракты, журналистка осуждает их, отмечая, какие чувства вызывает у нее поиск виноватых среди самих жертв:

(215) *Но, если честно, еще более страшно, когда люди, столкнувшись с подобной трагедией, проявляют нечто вроде злорадства (Известия. – 2013. – 16 апреля)*

Целая гамма своих чувств представлена автором публикации, осуждающей неправильный подход к составлению жюри конкурса:

(216) *Организаторы рейтинга «100 самых влиятельных женщин России» не пригласили ни одну из-*

вестную персону женского пола в комиссию. Это то ли жутко, то ли смешно. Но точно – ошеломляюще необъективно. Странно, что судить об успехах, влиянии и уме женщин позволено только мужчинам. (Известия. – 2013. – 5 марта)

Ссылки на эмоции не чужды и английской лингвокультуре. Осуждая порядок вещей, при котором только дети из частных школ имеют хорошие перспективы профессионального развития, журналист использует эмоциональный маркер *shockingly* (это шокирует, к моему ужасу):

(217) *Shockingly, only 14 per cent of journalists on national newspapers were, the Sutton Trust found, educated at comprehensive schools – of which I have the honour to be one. (The Independent. – 2013. – 29 марта)*

Представитель профсоюзов учителей, осуждающий политику в области образования, использует для описания скорости нежелательных изменений целый ряд эпитетов: *startling* (поразительный), *reckless* (бездумный), *disgraceful* (позорный). Все эпитеты имеют значение субъективной оценки, включая первый – с эмоциональной семой:

(218) *"The speed with which these welcome developments have been dismantled by the Coalition Government post the general election of 2010 (not to mention the wider attacks upon public services) is as startling as it is reckless and disgraceful," he comments. (The Independent. – 2013. – 27 марта)*

Выделенные тактики являются характерными для осуждений всех рассматриваемых функциональных стилей.

2.8.3. Смещение тактик в отрицательно-оценочных высказываниях

Представленная выше классификация носит условный характер, поскольку тактики редко существуют в изолированном виде, и реальные отрицательно-оценочные высказывания, осо-

бенно более или менее продолжительные, на деле представляют собой комбинации тактик. Рассмотрим один яркий пример – письмо читателя в газету, написанное по случаю смерти Маргарет Тэтчер:

(219)

1	<i><u>Do not mourn for this woman, she was the epitome of every nasty selfish thing she stood for.</u></i>	<i><u>Не скорбите по этой женщине, она была воплощением всего отвратительного и эгоистичного, за что ратовала.</u></i>
5	<i>She despised weakness she hated the comradeship of society.</i>	<i>Она презирала слабость, она ненавидела чувство товарищества в обществе.</i>
10	<i>She was <u>callous calculating and vindictive.</u> From very suspect origins that <u>lead to war and 1000's dead in the Falklands she strutted a path that only worked if you were with her and supported her.</u></i>	<i>Она была жесткой, расчетливой и мстительной. Руководствуясь подозрительными мотивами, <u>повлекшими войну и тысячи смертей на Фолклендских островах, она шла по пути, по которому пришлось идти только вместе с ней, поддерживая ее.</u></i>
15	<i>Do not fret her demise as she <u>never all those she left in her wake during her slicing open the heart of our country, she destroyed lives, families and</u></i>	<i>Не печальтесь о ее кончине, как не печалилась она по тем, кого бросила на произвол судьбы, <u>расположив в сердце нашей страны. Она разрушала жизни, семьи и сообще-</u></i>
20	<i><u>communities.</u> She lined the pockets of those who would support her by selling off all that was ours as a nation.</i>	<i><u>ства.</u> Она обчищала карманы тех, кто поддержал бы ее, отдав последнее, что у них – как у наци – было.</i>
25	<i>She awarded power to those who could best advance her breed of greed, think Murdoch. As her support for General Pinochet and the Apartheid regime in South Africa</i>	<i>Она наградила властью тех, кто лучше всех мог продвинуть ее корыстные интересы, к примеру, Мэрдок. Ее поддержка генерала Пиночета и режима апартеида в Южной Африке показала, что <u>она была лишена</u></i>
30	<i>showed, she <u>had no value for the sanctity of human life, everything was for the good of the free market, every association</u></i>	<i><u>понимания ценности человеческой жизни, все ради свободного рынка, получение валюты оправдывало все.</u></i>
35	<i>justifiable by what it could make in currency.</i>	

40	<p><i>She was a human void in terms of emotional attachment to <u>the suffering she caused</u>. She was <u>spiteful and condescending towards her colleagues belittling the mere hint of debate or disagreement</u>.</i></p>	<p><i>Она была лишена всего человеческого с точки зрения осознания эмоциональных <u>страданий</u>, <u>которым была причиной</u>. Она была <u>подозрительной и снисходительной</u> к своим коллегам, сводя на нет любой намек на дискуссию или несогласие.</i></p>
45 50	<p><i>She was <u>obnoxious and overbearing all but becoming for several years a dictator in her manner and personal beliefs</u>. So <u>rather than mourn her be thankful that no matter how big the tyrant how powerful they seem, they to can only go on for so long</u>. In the words of the great Paul Weller "That's ok, walls come a tumbling down" (The Independent. – 2013. – 8 апреля)</i></p>	<p><i>Она была <u>невыносимой и властной</u>, и несколько лет была <u>диктатором</u> в поведении и убеждениях. Поэтому <u>вместо того чтобы скорбеть, радуйтесь</u>, что каким бы значительным и сильным ни был тиран, он не может быть вечен. Говоря словами великого Пола Уэллера, «Все в порядке, даже стены рушатся». (The Independent. – 2013. – 8 апреля)</i></p>

Процитированное письмо, приведенное полностью, построено на нескольких ключевых тактиках обвинения. Прежде всего, это **эксплицитное предъявление вины**, которое реализуется большим количеством лексических единиц с семантикой деликта (*destroyed, lined the pockets, war, sufferings, dictator, greed* и др.), а также каузальной конструкцией (строка 38). Основаниями для обвинений становятся не только действия Тэтчер-политика, но и ее личные качества, поэтому обвинение содержит указание на множество отрицательных черт характера (*callous, vindictive, calculating, spiteful, condescending*). Эксплицитное предъявление вины усиливается за счет применения **тактики обобщения**, реализуемой посредством обобщающих наречий и местоимений (*all, never, every* – строки 2, 16, 23, 33). Все высказывание является по сути **предъявлением бесконечного ряда деликтов**, что создает картину абсолютной порочности фигуры Тэтчер. Тактика предъявления **последствий деликта** применяется при описании результатов политики (строка 9). Кроме

того, используются тактики осуждения. **Выражения неодобрения по поводу чужих действий в сравнении с чьими-то хорошими действиями** просматривается, когда чудовищным действиям Тэтчер противопоставляется готовность народа идти на жертвы (строки 21–24). С точки зрения **выражения эмоций**, автор трижды призывает своих адресатов не скорбеть (строки 1, 15, 48).

В связи с тем, что отрицательно-оценочные высказывания часто содержат тактики как обвинения, так и осуждения, отнесение высказывания к одному жанру затруднительно.

Соединение различных тактик в рамках одного высказывания свойственно речи любой стилевой принадлежности.

(220) А. (мама заходит к комнату, где играли дети, и обращается к сыну 4 лет) Шурик/ вот это не дело! Поиграли/ опять все подушки на полу// А убирать кто это все будет? Давай-ка живо! (РМ 1999).

За тактикой эксплицитного выражения неодобрения следует тактика предъявления вины через демонстрацию последствий деликта, т.е. высказывание совмещает в себе осуждение и обвинение.

Пример художественной речи:

(221) – Ты думаешь, почему ты в семье все время орешь? Потому что у тебя авторитета не хватает. Ты его криком поднимаешь. А мужчина вообще не должен орать. Он должен только посмотреть. (Токарева В. Северный приют)

Автор высказывания обвиняет своего брата в отсутствии авторитета, с одной стороны, и осуждает его поведение, представляя свой идеал мужского поведения, с другой стороны.

В табл. 4 мы приводим полные списки выделенных нами тактик, реализующих обвинения и осуждения.

**Речевые тактики обвинений
и осуждений**

Номер тактики	РЖ «Обвинение»	РЖ «Осуждение»
1	Эксплицитное предъявление вины	Нет
2	Перформативное предъявление вины	Нет
3	Обобщение («раздувание из мухи слона»)	Нет
4	Предъявление вины на будущее	Нет
5	Предъявление некоторого ряда деликтов	Нет
6	Предъявление вины под видом демонстрации хорошего отношения	Нет
7	Предъявление вины через демонстрацию последствий деликта	Нет
8	Предъявление вины через указание на правильное действие как альтернативу неправильному	Нет
9	Предъявление вины в отвлеченной от адресата форме	Нет
10	Нет	Эксплицитное выражение неодобрения
11	Нет	Неодобрение со ссылкой на Бога или обращением к Всевышнему
12	Нет	Неодобрение в сравнении с собственными хорошими действиями
13	Нет	Выражение неодобрения со ссылкой на собственные ощущения

Сравнение списков позволяет сделать вывод о качественном различии состава тактик рассматриваемых жанров. Различие списков позволяет утверждать, что тактики представляют собой жанроразличительные признаки. Количественное же различие списков проявляется в богатстве тактик обвинения и относительной малочисленности тактик осуждения. Кроме того, нам представляется, что языковое наполнение обвинений обладает более конкретными признаками, и поэтому обвинения более эксплицитны и лучше распознаваемы. В живой речи тактики обвинений и осуждений часто комбинируются в рамках одного высказывания, что затрудняет его классификацию как осуждения или обвинения.

2.9. Типы реакций на обвинения и осуждения

По замечанию Т. Г. Винокур, «результат речевого взаимодействия в его конечной фазе зависит от адресата (реципиента), так как осуществление его коммуникативной роли и есть подтверждение готовности к общению, т.е. к взаимодействию [20, с. 91]. Обвинения и осуждения, имея в числе мотивов желание изменить самочувствие и/или действия адресата, предполагают некую реакцию и дальнейшее развитие коммуникативной ситуации. Рассмотрим варианты этого развития.

2.9.1. Отсутствие реакции

Осуждения и обвинения могут вызывать или не вызывать реакцию. Если речь идет о коммуникации опосредованной и дистантной, то о существовании непосредственной реакции можно говорить только гипотетически. Практически невозможно отследить непосредственную реакцию читателя на речевые жанры, представленные от имени автора литературного произведения. Хотя есть и «выдающиеся» исключения. К примеру, опубликованное не так давно произведение Е. Шпиллер

«Мама, не читай!», в котором она, вспоминая свое детство, обвинила во всех грехах и резко осудила членов своей семьи, включая мать, известную писательницу Галину Щербакову, вызвало шквал обсуждения в Интернете. Автора книги осуждали не только читатели, поклонники Г. Щербаковой, но и родной брат, ответивший в письменной форме на атаки сестры. Впрочем, такие семейные саги вокруг литературных (или псевдолитературных) произведений достаточно редки.

Развития коммуникативной ситуации также не предполагают самоосуждения и самообвинения, имеющие форму внутренней рефлексии и адресованные только самому себе.

В разговорной речи осуждения и обвинения могут не получить реакции по некоторым экстралингвистическим причинам. Высказывания, даже произносимые вслух, могут быть адресованы «вникуда» по причине отсутствия собеседника, слушателя:

(222) Женщина, посмотрев на чужого ребенка в темных очках:

– Ой, безумие! (PPP P3).

Об отсутствии реакции со стороны объекта оценки по причине его отсутствия в момент осуждения или обвинения может сообщать публицистический текст:

(223) Symbolically, the chief inspector was unable to respond because he was out of his office on a prison inspection (The Guardian. – 1999. – 21 июля);

(224) A response from car makers such as Vauxhall and Ford were conspicuously absent, leaving the Society of Motor Manufacturers and Traders to blame price differences between the UK and the rest of Europe on currency and tax variations. (The Times. – 1999. – 21 июля)

Любопытно, что об отсутствии реакции в двух приведенных примерах газеты сообщают по-разному. В примере (223) газетчики принимают сторону обвиняемого инспектора, который не мог ответить на обвинения, так как был на работе. В примере (224), наоборот, отсутствие в суде ответчика названо бросающимся в глаза (*conspicuously absent*). Видим, что даже отсутствие реакции автор публицистического текста может истолковать по-разному, обозначив тем самым свою позицию.

Жанры «осуждение» и «обвинение», являющиеся составляющими более сложных жанров, например рассказа, не обладают настолько ярко выраженной собственной коммуникативной целью, чтобы обязательно вызвать реакцию адресата. Они проходят как бы вскользь, сам автор не заостряет внимания на данных жанрах и не ожидает реакции. Так, походя, рассказчик о Пастернаке осуждает то, что заделали мемориальную калитку:

(225) *Н. А с Пастернаком/ вы дружили/ да?*

И. Очень//

Н. У вас были дружеские

[отношени(я)//

[И. Очень// Каждый день виделись// И он чуть что/ он к нам// У нас/ калитк(а)/ щас ее задел(а)ли/ э...эт(о) непра(в)ильно п(о)то(м)у ш(о) она мемориальная/ он прибегал/ с каж(д)ым новым стихотворен(и)ем котор(о)е о(н) н(а)писал

Н. Угу//

И. С каж(д)ым событием которо(е) случил(о)сь/ он/ сраз(у) прибега(л)// (РМ 1999).

Пример обвинения, являющегося частью рассказа и не получающего реакции:

(226) *И. И через два дня/ Ставский/ который был главный тогда с ...первый секр(е)тарь/ вызывает Всеволода/ «ты организовал/ частное...э-э о...отдельный/ Союз писат(е)лей в Переделкин(е)»/ И тут (в)се поняли шо/ Павленко доносчи(к)//*

М. М-м// Да-а// (Пауза) (РМ 1999).

Случаи отсутствия реакции на осуждения и обвинения нередки, но в разговорной речи и ее стилизации в речи художественной осуждения и обвинения все-таки предполагают некоторое развитие коммуникативной ситуации. Это развитие проявляется в появлении реактивных РЖ. Реакция на осуждения и обвинения важна как с точки зрения жанроразличительной, так и с точки зрения жанрохарактеризующей.

2.9.2. Вербально выраженные реакции на обвинения и осуждения

Осуждения и обвинения обнаруживают ряд параллельных типов реакций и некоторые особенные типы, характеризующие только один из двух жанров. При построении параллелей мы учитывали лицо объекта осуждения или обвинения, поскольку реакция может исходить не только от осуждаемого или обвиняемого, но и от незаинтересованного лица. Особенно типична такая ситуация для публицистической речи. Поскольку непосредственный контакт между автором и объектом оценки зачастую отсутствует, функцию посредника между двумя сторонами берут на себя журналисты. Они не только сообщают читателю о реакции объекта оценки, третьих лиц, но и сами комментируют ситуации.

Выделим характерные для осуждений и обвинений **типы реакций**. Они включают:

1. **Оправдание** себя или другого человека как осуждаемого или обвиняемого, которое может следовать за осуждением или обвинением 2-го или 3-го лица. В случае обвинения объект оценки не отрицает факт совершенного действия и пытается объяснить, почему так произошло. Именно оправдание рассматривается в составе диалогического единства с обвинением в работе Е. В. Лаврентьевой [90]. Автор работы объясняет это следующим образом: «С точки зрения прагматико-смысловой согласованности оправдание является ожидаемой нормативной реакцией на высказывания с семантикой обвинения. В силу этого диалогическая модель РЖ обвинение (стимул) → РЖ оправдания (реакция) признается в качестве ведущей» [90, с. 6]. Действительно, если рассматривать диалогическое единство «обвинение–оправдание» с точки зрения коммуникативной нормативности, то можно признать эту последовательность речевых ходов ведущей. Однако, как установили исследователи в области конверсационного анализа, фактически распространенной речевой моделью является модель «обвинение–отрицание» [232]. Далее мы обратимся к этому виду реакций.

В случае оправдания со стороны адресата обвинения можно говорить о достижении перлокутивного эффекта субъектом инициального жанра. В примере (227) герой, обвиненный во лжи, признает факт (*да, да*), но предлагает свое объяснение ситуации (*иду по делу*):

(227) – *Я тебя ни от чего не отрываю?*

– *Отрываешь, но не страшно.*

В трубке фоном шел детский надсадный крик.

– *Да ни от чего я тебя не отрываю, ты вон по улице идешь, дети орут.*

– *Да, да. Но иду по делу.* (Д. Быков. Стисанные)

В примере (228) говорящий находит себе оправдание в указаниях обвиняющего лица:

(228) *За кулисы ворвалась директриса. Признаться мне в любви она, кажется, не собиралась.*

– *Ты погубила меня и всю нашу школу!*

Губить, похоже, становилось моей профессией.

– *Но вы же сами просили не «показывать» старушек, полицейского, мэра...* *И у меня никого, кроме вас, не осталось.*

– *Где не осталось?*

– *В репертуаре, как говорит мама. Или в багаже, как сказали вы. А еще вы хотели экспромтов!* (А. Алексин. Смешилка)

Отвечая на обвинения в свой адрес по поводу несвоевременного закрытия кардиохирургического отделения больницы, директор комиссии признает, что время действительно неудобное, но объясняет причины действий и сообщает, что не мог просто сидеть и ждать:

(229) <...> *He said he had made the decision to intervene at Leeds after receiving two phone calls on Tuesday from “highly respected surgeons” who had told him they “had to speak out”.*

He added: “I was really disturbed about the timing of this. I couldn’t just sit back just because the timing was

inconvenient, awkward, or would look suspicious, as it does.” (*The Independent*. – 2013. – 31 марта)

Осуждения также влекут появление реактивного жанра оправдания. Объект оценки признает и факт, и оценку, но предпринимает попытку объяснить причины сложившейся ситуации:

(230) – *Я не думал, что вы поймете меня так буквально. С такой балабановской прямолинейностью! Кстати, балабановщина вообще затопила наш... или, вернее сказать, ваш театр. «Служенье муз не терпит суеты!» – это известно даже младенцу. А тут все бегают, носятся: из зрительного зала – в репетиционный. И обратно... «Тем, кто спешит, грозит паденье.» Это строка из «Ромео и Джульетты», кстати сказать.*

– Что поделаешь? Они соскучились... Застоялись! Простите меня за грубое выражение. (А. Алексин. Действующие лица и исполнители)

Видим, что оправдание выступает реакцией как на обвинения, так и на осуждения с той разницей, что в первом случае объект оценки соглашается с предъявленными фактами, а во втором – и с фактами, и с их неодобрительной оценкой. По верному замечанию Е. В. Лаврентьевой, «оправдание, функционирующее в бытовой коммуникации, в силу своей способности к нейтрализации конфликтных свойств обвинения выполняет регулятивную функцию в диалогическом и межличностном взаимодействии» [90, с. 6]. В качестве попытки сгладить острые углы и избежать конфликта может рассматриваться и следующий тип реакции;

2. Указание на незначительность проступка. В этой ситуации факт, предъявляемый субъектом оценки, признается, но различаются оценки степени деликта. В следующем примере объект обвинения считает свой проступок незначительным, мелочью, и автор обвинения вынужден прибегать к дополнительной аргументации в пользу своего обвинения:

(231) – *Я прошу тебя, выслушай меня, – попросил Алексей.*

– Не буду тебя слушать. О чем тут можно еще говорить? Удрал с ведром. И ведро, кстати, украл. Где мое ведро?

– При чем тут эти мелочи?

– Не мелочи. Мне мусор некуда класть. Я его в коробочку из-под торта собираю. Верни мне ведро. (В. Токарева. Северный приют)

Автор осуждения в примере (232) оперирует моральной категорией *совестно*, и адресат признает то, что заслуживает некоторой отрицательной оценки (*извинюсь*). В то же время он считает, что не заслуживает наказания, поскольку проступок незначителен (*не расстреляют*):

(232) ...Потякин всегда пообещает и не сделает. Я ему говорю: «Как же вам не совестно!» А он: «Извинюсь. Не расстреляют». (В. Токарева. Извинюсь. Не расстреляют);

3. **Активная поддержка обвинения и осуждения** собеседником в ситуациях, когда объектом обвинения или осуждения является 3-е лицо. Такой тип реакции не является потенциально конфликтогенным, если обвинение или осуждение направлено на объект, не связанный с адресатом. Напротив, происходит объединение говорящего и адресата на основе общего понимания ситуации. Проявление солидарности с говорящим в отрицательной оценке кого-либо распространено как в русском, так и в английском общении. На содержащиеся в статье осуждения иммиграционной политики Британии и обвинения иммигрантов в нежелании ассимилироваться и принимать английские ценности читатели реагируют по-разному, но многие поддерживают отрицательные оценки автора (орфография и пунктуация оригиналов сохранены):

(233) *Why should British people have to deal with this open juggernaut of immigration and then be called racist because they disagree with it! The Politicians are just useless and dam dangerous. (The Daily Mail. – 2013. – 8 мая);*

(234) *Melanie you are 100 % right. It's time politicians took their heads out of the sand ,and put Britains*

and and our culture first. (The Daily Mail. – 2013. – 8 мая)

Последнее сообщение содержит форму обращения к автору статьи (*Melanie*) и эксплицитно выраженное согласие с выраженным в публикации мнением (*you are 100 % right*).

В примере русской речи (235) поддержка собеседника выражается своим обвинением и многократными *да*:

(235) *Р....Вообще щас огромное количество... я даже не могу сказать что это вот например/ эти так называемые демократы там какие-нибудь конъюнктуристики// И все остальные оппозиционеры/ это все конъюнктуристики//*

[Жириновский/ Зюганов/ Лапины и прочие/

[Л. Только рвутся к власти/ Только рвутся к власти/ больше ничего//

Р. демагоги/ стопроцентные демагоги//

Л. Да/ да/ да/да// (РМ 1999);

4. **Молчание, или игнорирование**, как значимый тип реакции на осуждения и обвинения. Обычно коммуниканты отвечают молчанием на осуждения и обвинения, если РЖ направлены на них лично или на третьих лиц, с которыми коммуниканта связывают добрые отношения. Анализ нашего материала позволяет выделить несколько вариантов толкования молчания в зависимости от коммуникативной ситуации, однако в большинстве случаев молчание позволяет уйти от открытого конфликта, поскольку «оно обычно интерпретируется как признание обвиняемым законности обвинений» [253, с. 60].

Молчание как тип реакции на обвинение и осуждение может являться выражением:

- истинного или напускного безразличного отношения адресата к отрицательно-оценочному высказыванию, который как бы пропускает обвинение мимо ушей:

(236) – *Ничего не понимаю: почему я должна идти к врачу, если ты болен?*

– *Так надо.*

– *Дом на мне. Студенты на мне. Твоя диссертация на мне. Так еще и твой радикулит на мне.*

– Она сказала: в течение часа, а уже прошло сорок минут. Здесь еще ходу пятнадцать минут. (В. Токарева. Северный приют);

- неконфликтного настроя осуждаемого:

(237) Жена мужу:

– Неужели так сложно чашку за собой помыть. Вот обязательно оставишь.

Муж молчит. (PPP P3);

- нежелания признать свою вину:

(238) – Оставь меня.

Нинка поднимается.

– Интересное дело! Я весь день сижу, убираю, варю, парю, а он явился, даже цветка не принес, и «оставь меня». Чего ты пришел?

Алексей молчит. (В. Токарева. Северный приют);

- стыда за человека, на которого направлено обвинение, признание правоты обвинения:

(239) Алексей сидел за партой, а Антонина Исидоровна за своим столом.

– Она на истории списывает алгебру, на алгебре – физику, и в результате не знает ни истории, ни алгебры, ни физики.

Алексей молчал, будто это он списывал на уроках. (В. Токарева. Северный приют);

- невозможности спора с оценкой по причине более высокого статуса осуждающего:

(240) ‘What were you doing with that woman?’ she asked abruptly.

‘Tuan say she no come here.’

‘You mustn’t treat a woman like that. I won’t have it. I shall tell the tuan exactly what I saw.’

The boy didn’t answer. He looked away.

(W. S. Maugham. The Force of Circumstances)

Ситуации, в которых обвинение игнорируется, ретранслируются в масс-медийных текстах. Визит в Оксфордский университет президента Руанды, обвиняющегося в совершении ряда

преступлений против своего народа, вызвал противоречия и бурную дискуссию у англичан. Однако посольство Руанды в Лондоне никак не прокомментировало обвинения в адрес президента. Вероятно, причиной молчания дипломатической миссии явилось нежелание участвовать в конфликте и способствовать его дальнейшему развитию:

(241) The Rwandan High Commission in London did not respond to requests from The Independent to comment on the criticisms of Mr Kagame, who will also attend a Rwanda Day celebration for hundreds of members of the Rwandan diaspora while in London. (The Independent. – 2013. – 17 мая)

Как мы отметили выше, вопреки желанию автора обвинений и осуждений вызвать раскаяние и соответствующую речевую реакцию на практике отрицательно-оценочные жанры приводят к развитию конфликта и провоцируют появление реакций, для него типичных. Неудивительно поэтому, что в качестве жанрового единства Р. Водак рассматривает комбинацию «обвинение–отрицание» (blaming and denying) [253]. Модель «обвинение–отрицание» реализуется в нескольких разновидностях, приведенных ниже;

5. Кроме сходства перечисленных реакций на осуждение и обвинение обнаруживается определенное соответствие между **непризнанием вины**, оспариванием истинности референтной ситуации как реакцией на обвинение и **несогласием с отрицательной оценкой** как реакцией на осуждение. Суть обеих реакций состоит в отрицании сказанного в целом. Однако с прагматической точки зрения они различны. Отрицание обвинения предполагает отрицание связи между чем-то плохим и объектом обвинения, тогда как отрицание осуждения является отрицанием оценки, характеристики объекта, содержащейся в РЖ.

В примере (242) адресат отрицает референтную ситуацию, предлагая свое видение:

*(242) – Я мамонт, – задумчиво сказал Алексей. –
А ты – клоп. У нас реликтовая семья.
– Почему я клоп? – не понял Володя.
– Присосался к чужим деньгам.*

– Я не беру у людей последние деньги. Я беру у них лишние деньги, которые они сами хотят мне дать. (В. Токарева. Северный приют)

В следующем английском примере героиня отрицает факт обмана, измены, а ее высказывание маркировано глаголом-квалификатором (*denied* – отрицала):

(243) “I **am not cheating** Everett”, she denied.
(L. Peake. *Strangers into Lovers*)

В публицистике широко представлены реакции на обвинения в виде отрицания референтной ситуации. На утверждение члена парламента о том, что сокращение числа вертолетов службы спасения ставит под угрозу жизни людей (*could put lives at risk, that’s a risk*), следует реакция министерства обороны, которое отрицает негативное воздействие происходящих изменений (*frontline services would not be affected*):

(244) Richard Drax, the Conservative MP for South Dorset, fears relying on fewer helicopters could put lives at risk. “However fast it is, one helicopter can only be in one place at one time. So by cutting the number of helicopters, that’s a risk,” he said. The MoD said frontline services would not be affected by the cut in numbers as only 16 of the existing Sea Kings are deployed on search missions, with others undergoing maintenance or used for training. (*The Independent*. – 2013. – 29 марта)

Отметим, что отрицание в примерах (242), (243), (244) имеет эксплицитную форму: глагол, обозначающий действие, вменяемое в вину, использован в отрицательной форме, с отрицательными частицами *ne, not*.

Реакция отрицания нередко маркирована глаголом-квалификатором не только в художественной речи, но и в массмедийном дискурсе. На обвинение в адрес Премьер-министра Дэвида Кэмерона в политике превращения христиан в преследуемое малочисленное сообщество отвечает его пресс-секретарь, отрицающий обвинения (*rejected accusations*):

(245) A spokesman for Mr Cameron rejected Lord Carey’s accusations, saying: “This Government strongly backs faith and Christianity in particular. Christianity plays a vital part in the Big Society. The Prime Minister

values the profound contribution that Christianity has made and continues to make to the country.” (The Independent. – 2013. – 30 марта)

Несогласие с негативной характеристикой объекта оценки, т.е. осуждением, в следующем примере высказывает сам объект оценки:

(246) – Слушай, у тебя ведь среднее образование, а задача-то для шестого класса. Ты систему составь.

– А ты думаешь, я знаю, что это такое!

– Позор, стыд!

– Чего позор-то! (PPP P3)

Автор комментария на статью и дискуссию о личной жизни актера Валерия Золотухина не согласен с осуждением актера, полагая, что у всех разная шкала оценки. Предыдущий жанр осуждения маркируется в высказывании призывом «не судите»:

(247) Товарищи, не судите чужую жизнь. В своей разберитесь. Их отношения – это их отношения, они участников устраивали. Что Вы лезете со своими мерками и понятиями, что хорошо, а что плохо. Нас всех не должно это волновать. А грязью поливать сейчас, когда человек ушел, может каждый, самое простое дело, попытайтесь понять и простить. Каждый небезгрешен, в своих отношениях, жизни разбирайтесь. (КП-Барнаул. – 2013. – 8 мая. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26073/2979333/?cp=1>)

Тип реакции на осуждение и обвинение, а также их маркирование вводными глаголами-квалификаторами в художественной и публицистической речи в значительной мере облегчают определение предшествующего жанра.

2.9.3. Специфические для обвинений типы реакций

Наряду с реакциями, общими для осуждений и обвинений, существует достаточно широкий и разнообразный ряд реакций, специфических для обвинений:

1. Уступка, признание вины в ограниченном объеме. Факт, приписываемый объекту оценки, признается им самим или его сторонником частично, что призвано облегчить вину объекта оценки. В примере (248) один из собеседников приписывает политике президента Ельцина тенденцию к расхищению, но другой признает этот факт только отчасти:

(248) – Так не тащили ни при каком Ельцине, потому что по крайней мере знали пределы, и был задан вектор.

– Вектор и был – тащить...

– Ну, это вы не наговаривайте. Вектор был другой, все его знали, он не исключал, конечно, и некоего «тащить», но к этому не сводился. (Д. Быков. Стисанные)

Исполнительный директор Ассоциации британских фармацевтических компаний не признает обвинение фармацевтических компаний в барышничестве, но тем не менее отмечает необходимость получения ими приличного дохода, чтобы обеспечивать должный уровень лечения:

(249) We strongly deny any accusations of profiteering aimed at the pharmaceutical industry <...> But without reasonable profits, the pharmaceutical industry would be unable to invest further in researching and developing new treatments. The ABPI remains committed to working with the Government and the NHS to ensure that patients can access the most innovative treatments when they need them. (The Independent. – 2013. – 2 мая);

2. Иная интерпретация представленных фактов. Обвиняемый признает существование референтной ситуации, но предлагает ее иное толкование. Ситуация, когда две английские футбольные команды сыграли вничью, но уходили с поля смеясь, дала почву для обвинений в сговоре между ними. Тренер, отвергая обвинения, предлагает свое объяснение – игроки, оба португальцы, просто разговаривали и обсуждали что-то. В высказывании дважды использована каузальная конструкция для объяснения истинных причин смеха (*was laughing because* – смеялся потому-то), которые противопоставляются слухам о

сговоре (*wasn't laughing about getting relegated* – смеялся не потому, что команда попала в низшую лигу):

(250) *Redknapp explained that Bosingwa was simply chatting with Portuguese compatriot Daniel Carrico, the Reading midfielder.*

*“Jose was only laughing because the lad who played for them came up and spoke to him as they walked off,” Redknapp said. “He wasn't laughing about getting relegated. You could put a camera on anyone and see them laughing. To start throwing that one at the boy is completely out of order. He was laughing because, as he walked down the tunnel, another foreign lad came up and said something to him and he laughed and put his arm around him. I don't see what he has done wrong.” (*The Independent*. – 2013. – 29 апреля);*

3. Ответное обвинение. Этот тип представляется самым агрессивным вариантом реакции на обвинение. Кроме того, с точки зрения теории аргументации, такое речевое поведение не соответствует аргументации нормативной, поскольку происходят подмена тезиса и атака на личность говорящего. Суть атаки на личность говорящего (*argumentum ad hominem*), входящей в число ошибок аргументации, состоит в том, что она направлена не на точку зрения, защищаемый тезис, а на личные качества говорящего [191, с. 111]:

(251) – *А какая мне разница, что будет после моей смерти? – спокойно спросила Люся. – Зато мне сейчас с ним хорошо. Я счастлива. И мне наплевать, как это называется.*

– *Тогда не говори, что он тебя любит. Посмотри правде в глаза.*

– *Зачем?*

– *Он не любит тебя, а пасет.*

– *Но ты тоже меня пасешь. Разве нет?*

(*В. Токарева. Полосатый надувной матрас*);

(252) *“You searched through my things while I was out of the room!”*

“It was plain you had something to hide. I watched you from the door.” (L. Peake. Strangers into Lovers)

Как отмечают Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, «при прямой личной атаке предполагается, что тот, кто глуп или плох, ни в коем случае не может иметь правильное мнение или обоснованные сомнения» [191, с. 111]. Именно такую атаку мы можем наблюдать в примере (253):

(253) *‘Nonsense’, I said, ‘he’s an overbearing, aggressive, and cantankerous fellow. He always has been.’*

She looked at him and giggled and I saw that she thought I was being funny.

‘Let him rave’, said Charlie. ‘He’s an ignorant fool and he uses words of whose meaning he hasn’t the smallest idea.’ (W. S. Maugham. Virtue);

4. Попытка запретить обвинения. Такой тип реакции представляет еще одну ошибку речевого поведения с точки зрения нормативной аргументации (*argumentum ad baculum*) и нарушение первого правила критической дискуссии: «Стороны не должны препятствовать друг другу в выдвижении тезисов или выражении сомнений по поводу этих тезисов» [191, с. 208]. Обвинения со стороны одного участника коммуникации и вербально выраженный запрет говорить со стороны другого, безусловно, свидетельствуют о развитии конфликтной ситуации и отсутствии критического подхода к ней:

(254) – *...Я думала, что есть все и есть ты. Я думала: у тебя нет денег, но есть душа – чистая, как воздух на Северном приюте. А оказывается, и ты как все. Потребитель. Пришел, отщипнул от пирога любви и удрал через клозет.*

– *Нина, замолчи!*

– *Ты думаешь, если я безхозная, если у меня нет мужа, значит, на мне можно качучу танцевать? А вот фига!*

– *Замолчи!*

– *Я сама есть у себя! Я у себя есть! А ты... Тебя у тебя нет! Совместитель. Хочешь везде успеть и везде опаздываешь! Крутишься, как собака за собственным хвостом. (В. Токарева. Северный приют)*

Сообщение о требовании известной телеведущей прекратить нападки на женщин и критику по поводу внешности в их адрес содержится в следующем фрагменте из газетной публикации:

(255) Klass called for less malevolent public debate, particularly from other women, and to “give every woman a break for Christ’s sake”. “Women are so good when they’re helping each other,” she said, “but there’s a horrible culture at the moment, which I do not buy into whatsoever, that criticises all the time ... everyone has to stop telling [them] what to do.” (The Independent. – 2013. – 28 апреля);

5. Просьба о прощении. Такая реакция является достаточно редкой и в большей степени характеризует речь коммуникантов, обладающих более низким статусом по сравнению со статусом автора оценки, например, детей:

(256) (Утренний «конфликт» матери с 7-летней дочерью)

Б. Ань/ ты умылась?

А. (не отвечает)

Б. Ань/ я к кому обращаюсь? Она даже головы не поворачивает// Мне это надоело/ все// (уходит)

А. (бежит следом) Мамочка/ прости//

Б. Мне это надоело// Все/ вчера было то же самое// Я тебе не верю//

А. (со слезами) Ну прости пожалуйста// Я больше не буду//

Б. Завтра будет то же самое// Я больше не могу//

А. (плачет)

Б. («смягчается») Быстро иди умывайся// (РМ 1999).

Наряду с более низким статусом причиной извинений может быть неконфликтный настрой объекта отрицательной оценки:

(257) – Ты виноват, что там записался. И что поехал с ними на дачу. И что месяц с ними пьешь, обсуждая, куда и почему вас записали. Вас записали, и вы смирились, и стали жить, как будто целиком теперь этим исчерпываетесь. Вот я чего терпеть не могу,

Серезжа. Человек, которого я люблю, так вести себя не может. Я никогда не буду жить с человеком из списка.

<...>

– Ладно, я виноват. Прости. (Д. Быков. Списанные)

Если говорить о политической сфере, то извинения появляются в тех случаях, когда политик стремится сохранить лицо в неблагоприятной для него ситуации. Следующая выдержка из «Известий» описывает и суть обвинений в адрес молодого политика, и его ответную реакцию в виде извинения:

(258) 7 декабря в «Известиях» вышла статья, в которой говорилось о предложении лидера организации «Россия молодая» Максима Мищенко сократить бюджетные расходы на тяжелобольных в пользу качественной медицины для большинства жителей России. В разговоре с корреспондентом газеты член Общественной палаты отметил, что нынешнее отношение к онкологическим больным – это мнимый гуманизм, так как люди все равно умирают, а средства, которые могли помочь другим, расходуются впустую.

Ситуация получила широкий общественный резонанс, на Максима Мищенко обрушилась лавина критики в интернете. После выхода статьи в печать лидер «России молодой» написал в Twitter, что его неправильно поняли.

Вечером того же дня в «Известиях» вышла заметка, в которой Максим Мищенко объяснил, что недостаточно четко высказал свою позицию, и извинился перед теми, кого задело его заявление.

– Я прошу прощения у всех онкобольных, которых оскорбили мои слова. Считаю, что государство должно тратить любые деньги на помощь тяжелобольным людям, – сказал он. (Известия. – 2012. – 14 декабря);

6. Поддержка обвиняемого. Говорящий не снимает вину с объекта обвинения, но указывает на его положительные стороны, достоинства, былые или новые заслуги. Строго говоря, такая поддержка ошибочна с точки зрения нормативной аргу-

ментации (*ignoratio elenchi*), поскольку не имеет отношения к рассматриваемому вопросу и нарушает правило 3 критической дискуссии: «Атака стороны на тезис должна иметь отношение к тезису, выдвинутому другой стороной» [191, с. 208]. Судья, покинувший свой пост после того, как уснул во время судебных прений и это вызвало общественный резонанс, получил работу юриста в золотодобывающей компании. Новые работодатели комментируют свое решение так:

(259) Он очень хороший специалист. Мы специалистов оцениваем не по тому, что о них пишут на форумах, а по их профессионализму. Евгений Махно – юрист высокого класса, и именно это позволило ему занять должность в юридической службе компании “Петропавловск”». (РГ. – 2013. – 27 февраля)

Не отрицая неприятного факта из биографии бывшего судьи, говорящий ставит акцент на его других достоинствах;

7. Прекращение коммуникации. Оно может расцениваться как наивысшая точка конфликта между коммуникантами, если обвинение носит личную направленность:

(260) А. (муж) Да ты как эта все равно что ведешь себя!

Б. (жена) Как?

А. Наезжаешь только на меня.

Б. Да ну тебя! (PPP PЗ)

Последняя реплика маркирует окончание коммуникации, которое, однако, не является окончанием конфликта.

2.9.4. Сопоставление реакций на обвинения и осуждения

Реакция на обвинение или осуждение – независимо от жанра – обуславливается рядом прагматических факторов: отношениями между коммуникантами, направленностью РЖ на 2-е или 3-е лицо, точкой зрения, конфликтным или неконфликтным настроением адресата в момент коммуникации, его социальным статусом в сравнении с социальным статусом автора высказывания, наличием или отсутствием желания продолжать коммуникацию. Обвинения и осуждения обнаруживают ряд одинаковых

реакций, которые включают оправдание, указание на незначительность проступка, активную поддержку осуждения или обвинения, молчание как коммуникативно значимый акт, непризнание вины/непризнание оценки. Эти реакции не могут служить для определения границы между обвинением и осуждением.

В то же время существование ряда реакций, свойственных только обвинению, может в некоторых случаях упростить задачу определения жанра. Эти реакции включают признание вины в ограниченном объеме, иную интерпретацию фактов, ответное обвинение, попытку запретить обвинение, просьбу о прощении, поддержку обвиняемого, прекращение коммуникации.

Кроме того, следует отметить некоторые стилистически-различительные особенности реакций. Такие реакции, как молчание и прекращение коммуникации, характеризуют только контактное общение, т.е. разговорную речь, а также ее стилизацию в речи художественной.

Представим реакции на осуждения и обвинения в виде следующей таблицы соответствий (табл. 5).

Таблица 5

Типы реакций на обвинения и осуждения

№ п/п	РЖ «Обвинение»	РЖ «Осуждение»	Конфликтная/неконфликтная
1	Оправдание		неконфликтная
2	Указание на незначительность проступка		неконфликтная
3	Поддержка обвинения/ осуждения		неконфликтная
4	Молчание		неконфликтная
5	Непризнание вины	Несогласие с оценкой	конфликтная
6	Признание вины в ограниченном объеме	Нет	нейтральная
7	Иная интерпретация представленных фактов	Нет	конфликтная
8	Ответное обвинение	Нет	конфликтная
9	Попытка запретить обвинение	Нет	конфликтная
10	Просьба о прощении	Нет	неконфликтная
11	Поддержка обвиняемого	Нет	неконфликтная
12	Прекращение коммуникации	Нет	конфликтная

Если рассматривать эти реакции с точки зрения жанро-описания, то можно считать их косвенным доказательством того, что обвинение является жанром более интенсивным по степени воздействия по сравнению с осуждением. Более интенсивные обвинения способны породить, в свою очередь, более сильные ответные реакции с ярко выраженной конфликтной подоплекой вплоть до прекращения общения. Из 5 характерных для осуждений реакций адресата только 1 направлена на ухудшение отношений с автором, тогда как из 12 реакций на обвинение 5 имеют явную конфликтную направленность. Просьба о прощении как реакция на обвинение свидетельствует о значительной силе воздействия РЖ на адресата, который вынужден либо извиниться, либо пойти по пути ухудшения межличностных отношений с автором обвинения. Оказание словесной поддержки обвиняемому также говорит о том, что третье лицо, оказывающее такую поддержку, осознает всю силу воздействия обвинения на адресата и считает необходимым хотя бы в какой-то мере нейтрализовать это отрицательное воздействие. Из таблицы видно, что оправдание, хотя и признается нормативной, ожидаемой реакцией на осуждение и обвинение, представляет собой только «верхушку айсберга» из всего многообразия конфликтных и неконфликтных реакций.

2.10. Стилистические приемы как формы языковой реализации обвинений и осуждений

Сила воздействия обвинений и осуждений зависит в немалой степени от той формы, в которую говорящий облекает содержание РЖ. Некоторые языковые средства, используемые авторами осуждений и обвинений, способствуют более яркому выражению их эмоционально-оценочной позиции и привлечению к ней внимания адресата. Рассмотрим эти языковые формы.

Вопросительная форма осуждений и обвинений придает этим жанрам вид запроса информации, проявление интереса к мнению адресата, предположение, требующее подтверждения

или опровержения. Обвинения часто содержат в структуре вопроса отрицание:

(261) *'Why aren't you honest?' he attacked. 'But it's not in you to be honest, is it?' (L. Peake. Strangers into Lovers);*

(262) *'Haven't you any humanity left? What's happened to you? Haven't you got a heart any more? What have I done to make you hate me so?' (L. Peake. Strangers into Lovers)*

Во всех предложениях фигурируют указания на деликты (*aren't honest* – нечестна, *haven't any humanity left* – не осталось ничего человеческого, *haven't got a heart* – нет сердца), а обвинение облекается в форму **риторического вопроса**, о функции которого Н. А. Михальская пишет: «...Он нацелен на привлечение внимания адресата к той идее речи, которая в данный момент находится в центре внимания ратора, и на формирование эмоционального отношения к этой идее» [103, с. 240].

Следующее осуждение из художественной речи, имеющее форму вопроса, маркировано авторской ремаркой-квалификатором «осудил»:

(263) *Мишаткин тем временем искал рубаху, но так и не нашел. Надел пиджак на майку.*

– Ты что, в таком виде собираешься пить французский коньяк? – осудил Минаев. Он подошел к другу и включился в поиски рубашки. (В. Токарева. Хэппи энд)

В следующем примере осуждение реализуется как запрос информации, на который адресат дает сначала буквальный ответ, а затем представляет оправдание близкого человека:

(264) *И бабушка не пошла под венец.*

– *И правильно сделала!* – сказала я, впервые услышав от нее эту историю. – В семнадцать поцеловал и закрепил до шестидесяти? Где он был раньше?

– *Там же, где и я: в своей семье. Нас разлучили обстоятельства. И они же опять свели: мой муж погиб, а он остался вдовцом. Встретившись, мы оба помолодели.* (А. Алексин. Раздел имущества)

Сама вопросительная форма высказывания обладает внутренним диалогическим потенциалом, полностью раскрывающимся в диалогическом общении, но придающим диалогические тона даже монологическим высказываниям. В силу такой внутренней диалогичности вопросительных форм они часто используются в разговорной речи и письмах читателей, нацеленных на живую дискуссию с авторами газетных публикаций и другими читателями. В примере (265) в вопросительной форме преподаватель выражает осуждение поведения студентов:

(265) Студенты пишут контрольную работу.

Тишина.

Студент (громко): Мне тут опять непонятно!

Преподаватель: Ну что вы кричите-то? Подойдите и спросите тихонько. Чего кричать-то? (PPP P3).

Другой пример – из письма в редакцию. Осуждая политику уравниловки по начислению пенсий, читатель английской газеты вопрошает, зачем копить деньги на будущее, если все равно все окажутся в равном положении:

(266) Means-testing benefits – or even merely discussing it – raises the question as to how worthwhile pensions saving will be. If people who save for retirement end up paying for things themselves, and people who don't save are likely to be given the same things as benefits, then why save? (The Independent. – 2013. – 30 апреля)

Осуждая неспортивное поведение игрока на футбольном поле, который укусил соперника, читатель задается вопросом, почему обычные земные законы не применимы к спортивной площадке:

(267) Why does the law of the land not apply on the sports field? (The Independent. – 2013. – 30 апреля)

Различие между обвинениями и осуждениями, представленными в форме вопроса, состоит в том, что несмотря на непрямую форму обвинения чаще всего содержат указание на деликт.

Осуждения и обвинения часто получают выражение с помощью **образных средств языка**, таких как метафора, ирония, оксюморон, аллюзия.

«Новая газета», посвящая статью анализу личности В. Путина, использует целый ряд **метафорических образов**, сравнивая Путина то с гениальным директором ЧОПа, то с фокусником, то с мясником:

(268) Путину не повезло со временем, он оказался не на своем историческом месте, и с этим ничего нельзя сделать. Если генеральным директором ракетного конструкторского бюро назначить самого лучшего, пусть даже гениального директора ЧОПа, это никак не поможет полетам в космос. (НГ. – 2013. – 30 апреля);

(269) В мировоззрении Путина есть имеющий принципиальное значение для судеб России изъян. На месте правового сознания у него – «слепое пятно». Правосудие торчит у него из кармана, как уши кролика из шапки балаганного мага. Он манипулирует правом, как инструментом для достижения своих целей. Недавно он продекларировал свой интерес к юридическим занятиям как к хобби. Это прозвучало кощунственно, с таким же успехом мясник мог бы заявить о своем интересе к исследованиям в области анатомии. (НГ. – 2013. – 30 апреля)

Если в примере (268) отрицательный характер образа президента несколько смягчается ссылкой на произвольный характер событий (*не повезло*), то в примере (269) образы мага и мясника дополнены эксплицитными обвинениями (*изъян*) и осуждением (*прозвучало кощунственно*).

В примере из английской газеты журналист сначала пересказывает суть метафорического высказывания, критикующего бесполезные тюремные реформы, а затем цитирует метафорическое высказывание, которое представляет министров как беспечно бродящих по цветочным клумбам, в то время как перед ними горит здание:

(270) But Frances Crook, Chief Executive of the Howard League for Penal Reform, said the plans were unlikely to have any meaningful impact.

“Today’s announcement sees ministers pottering among the flowerbeds while ignoring the burning building

before them,” she said. (The Independent. – 2013. – 30 апреля)

Ироничные РЖ интересны и привлекательны тем, что их смысл противоречит тому, что изложено буквально. Игра двух значений создает нужный эффект:

(271) *‘What shall I do?’ she asked her husband.*

‘Get out and keep quiet.’

‘Polite, aren’t you?’ (W. S. Maugham. Flotsam and Jetsam)

Смысл последней реплики (*polite, aren’t you?* – ты такой вежливый, не правда ли?) прямо противоположен буквальному – «ты невежлив, груб».

Осуждая политику введения обязательной школьной формы, осуществляемой в том числе для поддержки отечественной промышленности, журналистка иронизирует:

(272) *Да лично я ради поддержки портних из Иваново готова сама ходить в форме – круглый год. Даже спать в форме. Мне ведь что от жизни надо – чтобы фабрики, которые делают плохую ткань, и чтобы модельеры, которые придумывают некрасивую одежду, и чтобы швеи, которые из нее шьют некачественные вещи, имели свой кусок хлеба. Всякий раз, покупая тряпки в COS или в Barbour, я прямо-таки страдаю, что это все не сшито из материй Трехгорной мануфактуры. На душе, знаете, тяжело. (Известия. – 2013. – 23 апреля)*

В английской статье, обращенной к проблеме сокращения огромных партийных расходов, автор иронично называет расходы на эфирное время, масс-медиа и почтовые рассылки бесплатными (*free*), подразумевая, что все эти огромные суммы выплачиваются из кармана налогоплательщика и состоятельных спонсоров. Далее автор прибегает к **оксюморону**, сообщая огромные суммы, в которые обходятся стране «бесплатные» блага для политических партий:

(273) *Free postage for all parties at a general election costs £28m; opposition parties in the Commons and*

Lords benefit from about £7m in aid and parties share a further £2m in policy development grants. "Free" airtime for party broadcasts is worth an estimated £22m in a non-election year and £85m in an election year. (The Independent. – 2012. – 4 апреля)

Отрицательные оценки в осуждениях и обвинениях могут быть построены на приеме **аллюзии**. В примере (274) деятельность В. Путина характеризуется как «сизифов труд», бесконечно тяжелый, но и столь же бесполезный, как известно из древнегреческого мифа:

(274) Путин действительно предпринимает титанические усилия для того, чтобы сохранить Россию такой, какой он ее (по-советски) знает и любит. Он прокладывает трубопроводы, осваивает шельфы, повышает рождаемость, снижает смертность, спасает тигров, в конце концов, и делает много других, действительно великих и нужных дел. Он на самом деле «вкалывает», что не всегда можно сказать о его оппонентах. Проблема в том, что это – «сизифов труд». (НГ. – 2013. – 30 апреля)

Интересно, что подобная аллюзия иначе использована автором в английском публицистическом тексте. Автор обвиняет своих оппонентов в нежелании прислушаться к другой точке зрения и сообщает, что объяснять им очевидное – это сизифов труд (*the task of Sisyphus*):

(275) Leave that. It's the task of Sisyphus to explain the obvious to my critics, who don't know because they don't want to know. (The Daily Mail. – 2013. – 30 марта)

Таким образом, в примере (275) аллюзия на бесполезность труда использована автором в свою пользу, чтобы подчеркнуть отрицательные качества оппонентов.

Представляется, что применение рассмотренных стилистических приемов обусловлено в значительной мере языковой личностью говорящего. Выбирая из всех возможных способов «уколоть» оппонента способ художественный, говорящий проявляет себя как личность с высокой речевой культурой.

2.11. Выводы

Во всех рассматриваемых функциональных разновидностях русского и английского языков речевые жанры «осуждение» и «обвинение» обнаруживают ряд общих черт и ряд различий.

Общим для обоих жанров является тип автора высказывания, для которого характерно небезразличное отношение к ситуации, оценочная позиция. Оценочная позиция автора подкреплена более высоким социальным статусом. В противном случае отрицательная оценка принимает характер бунта. Для публицистических РЖ важна компетентность автора, знание им предмета рассмотрения, чтобы высказанная им оценка считалась валидной. Эмоциональное отношение авторов осуждений и обвинений получает языковое выражение как в самом высказывании, в том числе посредством экспрессивной лексики и ряда стилистических приемов, так и в соответствующих жанрам ремарках-квалификаторах.

Осуждения и обвинения связаны общими мотивами, исключение из которых составляет мотив обличения, свойственный только обвинениям. Во всех функциональных сферах русской и английской лингвокультур объектами осуждений и обвинений могут являться 1, 2, 3-е лица.

Различие между осуждениями и обвинениями состоит, прежде всего, в том, что осуждение представляет отрицательную оценку ситуации, истинность которой не оспаривается. Истинность референтной ситуации находится в пресуппозиции высказывания. Однако в манипулятивных целях осуждения могут быть построены на ложных пресуппозициях. В этом случае автор высказывает неодобрительное мнение о действиях, необоснованно приписанных объекту оценки.

Обвинение приписывает определенное социально осуждаемое действие (деликт) объекту оценки. Прагматической пресуппозицией обвинений является неодобрительное отношение автора высказывания к факту, приписываемому объекту оценки (т.е. осуждение).

Осуждение в большей степени тяготеет к морально-этической сфере. Это проявляется в языковом выражении осуждений, авторы которых часто оперируют категориями морали

и нравственности. Обвинение тяготеет к социально-правовой сфере, что проявляется в названиях деликтов, обозначающих социально признанные проступки.

Основания обвинений и осуждений обнаруживают значительный параллелизм, но различаются акценты высказываний. В обвинениях говорящий делает акцент на связи негативных действий, ситуаций, характеристик, идей, предметов с объектом оценки. В осуждениях в фокусе высказывания – оценка некоторого факта: действий, их результатов, внешнего вида, идей, мнений, предметов. Осуждения устанавливают связь между субъектом оценки с его субъективной точкой зрения и некоторым явлением, существование которого не ставится под сомнение.

О различиях между осуждениями и обвинениями свидетельствуют также наборы тактик, свойственные жанрам. В количественном отношении список тактик обвинения богаче по сравнению со списком тактик осуждения. Кроме того, тактики обвинения более узнаваемы в силу эксплицитного языкового наполнения. В живой речи тактики обвинений и осуждений часто комбинируются в рамках одного высказывания, что затрудняет его классификацию как осуждения или обвинения.

Реакции на осуждения и обвинения обнаруживают ряд общих типов, но существуют такие, которые свойственны только обвинениям. Обвинение как более интенсивный по воздействию жанр порождает более широкий спектр реакций с более ярко выраженной конфликтной подоплекой.

Таким образом, основными жанроразличительными признаками можно считать тип оценки, основания РЖ, наборы тактик и типы реакций. Для решения проблемы жанроразличения целесообразно применять понятие жанрового поля, в центре которого находятся РЖ со всеми характерными для него признаками, а периферию занимают такие РЖ, набор характерных признаков которых не является полным. Чтобы быть квалифицированным как обвинение или осуждение, РЖ должен иметь соответствующее жанру основание и быть реализован с помощью типичных для данного жанра тактик. Тип реакции не играет решающей роли, но дополняет в значительной степени общую картину. В случае смешения признаков осуждений и обвинений в рамках одного высказывания РЖ целесообразно отнести к диффузной между двумя жанрами зоне.

Глава 3

Национально-культурная специфика речевых жанров «осуждение» и «обвинение»

3.1. Изучение национально-культурной специфики речевого общения в современной лингвокультурологии

В настоящее время все большее число исследователей обращается к проблемам межкультурной коммуникации, изучает связь между национально-культурной спецификой менталитета той или иной лингвокультурной общности и коммуникативным поведением представителей этой общности [1; 56; 94; 95; 96; 160; 162; 163]. Одной из главных причин актуальности лингвокультурологии, изучающей взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры, В. И. Карасик называет процесс глобализации мировых проблем, «необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности» [70, с. 103].

В настоящее время отечественные и зарубежные ученые разрабатывают общие проблемы лингвокультурологии, национального мышления и межкультурной коммуникации [14; 91; 141; 143; 124; 139; 39; 68; 172; 206; 249], исследуют лингвокультурные концепты и типы [69; 93], изучают национально-культурную специфику речевого поведения в разных типах дискурса (политическом, деловом, масс-медийном, судебном) и разных жанрах [41; 121; 186; 188; 187; 189; 195; 211; 214; 227; 240; 251]. Ряд работ посвящен отдельным речевым проявлениям особенностей национального сознания (инвективам, эмоционально-экспрессивным высказываниям, юмору, катего-

рии вежливости и др.) [60; 66; 81; 92; 100; 155; 170; 224; 223; 230; 231]. Многие исследования носят прикладной характер. Их целью является решение практических задач, в частности, достижение максимального взаимопонимания между людьми в ходе межкультурного делового общения [164; 185; 198; 238; 248].

И. А. Стернин предлагает исследовать влияние национальной специфики менталитета на процессы и результаты общения с помощью контрастивного метода, сопоставляя мышление и коммуникацию родного языка и иностранного [139, с. 97]. Именно такой метод использован при исследовании национально-культурной специфики РЖ «осуждение» и «обвинение» с целью выявления общих и различных черт названных жанров в русской и английской лингвокультурах и объяснения языковых различий с точки зрения различий культур и национальных характеров.

3.2. Национальный характер и коммуникативное поведение

Поскольку далее в работе фигурирует понятие национального характера, необходимо пояснить, в каком понимании используется этот термин. Определение национального характера содержится в работе исследовательницы русского менталитета К. Касьяновой, которая понимает национальный характер как сумму культуры и генотипа [72]. По К. Касьяновой, культура включает в себя неосознаваемые культурные архетипы, которые усваиваются в процессе социализации, и наиболее повторяющиеся природные этнопсихологические черты индивидов.

К культурным архетипам относится и коммуникативное поведение лингвокультурной общности, которое толкуется И. А. Стерниным как «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности» [139, с. 97]. В каждой культуре складывается своя система требований к речи и речевому поведению, отражающая этические и нравственные ценности общества, представления о том, как и что принято и не принято говорить. А. К. Михальская называет

такую систему требований «риторический идеал» [103]. Риторический идеал является сущностью абстрактной, но он находит свое воплощение в речи конкретных людей, носителей определенного языка и культуры. «В сознании каждого человека – носителя определенной культуры – существует и действует определенная система ценностей и ожиданий по поводу того, как должно происходить речевое общение в той или иной ситуации, "что такое хорошо и что такое плохо" в речи и речевом поведении. Система эта не случайна, а закономерна и исторически обусловлена» [103, с. 379].

«Хорошо» и «плохо», о которых пишет А. К. Михальская, являются по сути нормой и отклонением от нормы. О нормах коммуникативного поведения И. А. Стернин замечает: «Коммуникативное поведение характеризуется определенными нормами, которые позволяют охарактеризовать конкретное коммуникативное поведение как нормативное или ненормативное» [139, с. 98]. Ученый выделяет три типа норм – общекультурные, ситуативные и индивидуальные, из которых первые «характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения» [139, с. 98].

К национальной специфике культурных и речевых норм обращается А. Вежбицкая [13]. Исследовательница отмечает: «Каждое общество имеет набор общих культурных норм, – норм, которые оказываются довольно специфичными и которые могут быть выражены в форме эксплицитных культурно-обусловленных сценариев. Культурно-обусловленные сценарии – это прежде всего сценарии того, что кто-то может или не может сказать, того, что кто-то может или не может делать, а также того, что "хорошо" говорить или делать» [13, с. 129].

Существование в лингвокультурной общности норм коммуникативного поведения, обусловленных исторически и применяемых в разных ситуациях, подтверждается многими исследованиями, часть из которых была перечислена в разд. 3.1. Вероятно, могут быть выявлены и некоторые закономерности построения речевых жанров «обвинение» и «осуждение», обусловленные культурными коммуникативными нормами. Далее мы рассмотрим некоторые черты русского и английского ком-

муникативного поведения, понимание которых необходимо для анализа отрицательно-оценочных высказываний в двух лингвокультурах.

3.2.1. Особенности русского национального характера и коммуникативного поведения

Что касается русской лингвокультуры, то И. А. Стернин отмечает такие черты речевого поведения, как несдержанность в уровне проявления эмоций, оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения, бескомпромиссность в споре [139, с. 104]. Поскольку ученый связывает такое коммуникативное поведение со своеобразием национального характера, он включает в предлагаемую модель описания коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности очерк национального характера. В работах исследователей русского национального характера упоминаются несколько черт, которые, по нашему мнению, могут объяснить любовь русского человека к критике и отрицательно-оценочным высказываниям.

Г. Д. Гачев, описывая национальные образы мира, указывает на стремление русских все начинать с отрицания. Он пишет: «Русский ум начинает с некоторого отрицания, отвержения... Оттолкнувшись в критике и так разогревшись на мысль, начинает уже шуровать наш ум в поиске положительного решения-ответа... Мир удивляется: как это у нас критика и полемика такая жестокая и страстная между собой: западники и славянофилы, народники и марксисты, демократы и партocrats... А я это так понимаю – как необходимый разогрев: в промозглом космосе матери сырой земли, чтобы не свалиться на обломовский диван, на усенье в медвежью берлогу или в запой..., все средства хороши – в том числе и разогрев злости...» [26, с. 223].

Похожие качества выделяет З. В. Сикевич, анализируя самосознание русских. Она отмечает полемичность русской мысли, которая проявляет себя в противопоставлении, а не сравне-

нии в духе классической логики, а также характерный для русского сознания нравственный радикализм [134].

Склонность русских к крайностям и проявлению эмоций отмечена в работе американского исследователя Е. Ричмонда. «Русские <...> известны своими крайностями. Проявления эмоций у них спонтанны и сильны. Русское гостеприимство ошеломительно, дружба всеохватна, сочувствие глубоко, верность бесконечна, употребление спиртного не знает границ, праздники безумно веселы, озабоченность мерами безопасности граничит с паранойей, а ярость наполнена злобой. У русских часто стоит выбор между всем или ничем. Они не приемлют полумер», – пишет исследователь русского характера [236, с. 44–45].

Категоричность, радикализм, полемичность мысли не означают нелюбви к общению. Наоборот, только в общении перечисленные характеристики и могут проявиться в полной мере. Причем для русской лингвокультурной общности характерны «коллективность» общения, стремление включить в общение всех присутствующих и включаться в уже идущее общение [139, с. 104]. Заметим, что такое стремление может проявляться и в навязчивой форме, в том числе в высказывании собственных замечаний и оценок, когда они не требуются. Р. Райтмар характеризует русскую культуру как *Einmischungskultur*, т.е. «культуру вмешательства» [235]. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, обсуждая этот вопрос, приводят примеры типичных «русских» советов-упреков: Как ты стоишь?; Разве так причесываются?; Поди, надень другую кофту!; Ложись-ка пораньше спать!; Обязательно съешь еще что-нибудь!.. [16, с. 18].

К. Касьянова называет тип общения, свойственный носителям русской культуры, «диффузным общением», в результате которого «носитель русской культуры больше всего склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно – в других людях» [72, с. 258]. По всей видимости, «диффузное общение» подразумевает не только передачу, но и навязывание своих мнений, точек зрения, ценностей другим людям. Поэтому такой тип общения неизбежно включает отрицательно-оценочные жанры, в том числе осуждения и обвинения. «Вообще стремление все оценить, приписать всему определенное качество – это

неотъемлемое качество русского менталитета, отражающееся и в языковом сознании, и в коммуникативном поведении русских», – пишет Н. В. Уфимцева [144, с. 160].

Одной из составляющих русского национального характера в культурологических исследованиях называют «судейский комплекс», который представляет собой апелляцию «к некоторым эталонам и нормам поведения, значимым для всех, а потому для данных лиц объективным; это – элиминирование при вынесении оценки собственных чувств, расчетов и ссылок на пользу» [72, с. 235]. Функцией «судейского комплекса» является то, что «он активно и последовательно противодействует тенденциям к распаду ценностно-нормативных этнических представлений» [72, с. 236].

Любовь русских к оценочным высказываниям и повышенную эмоциональность таких суждений отмечает А. Вежбицкая: «... Русские точно также эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения» [14, с. 83]. Исследовательница считает, что для русской речи характерны гиперболы при выражении любых оценок, как положительных, так и отрицательных, а причиной такого коммуникативного поведения называет моральную и эмоциональную ориентацию русской души [14, с. 84]. Из описания черт русского национального характера и соответствующих ему черт коммуникативного поведения можно сделать вывод, что русское общение в большей степени стремится к конфронтации, чем к гармонии и компромиссу.

В то же время отметим, что эмоциональность и категоричность, особенно при выражении отрицательных оценок, не всегда характеризовали русское речевое поведение, а риторический идеал в Древней Руси включал в себя в том числе кротость в беседе. А. К. Михальская пишет об этом: «Общая христианская заповедь кротости и смирения в приложении к речевой этике требует кротости в беседе... Осуждаются как большой грех нарушения этого императива: словесная брань, всяческая хула, наветы, клевета, громкая и крикливая речь, несдержанность в речи и многословие» [103, с. 395]. Согласно древнерусскому риторическому идеалу, осуждение возможно,

но оно должно иметь только благую цель: «... Достоянной считалась речь, несущая правду, но не хулу, чуждая недоброжелательному осуждению, пустой злой брани. Лучше промолчать, чем осуждать, а если уж порицать, то доброжелательно и с мыслью о пользе» [103, с. 398].

Видим, что русской речевой традиции не чуждо стремление к гармоничному речевому общению. Совмещение противоположных стремлений – к самовыражению и самоусмирению, к эмоциональным порывам и сдержанности – является, по мнению многих философов и исследователей русского менталитета, главным свойством русской души [10]. К. Касьянова, объясняя противоречия русской души, отмечает, что русские «мягки, кротки, терпеливы и готовы на страдания не по природе своей, а по культуре. Это культура ведет нас путем воздержания и самоограничения вплоть до самопожертвования. Природа же наша отнюдь не такова. Она склонная к бурным и неконтролируемым эмоциональным взрывам» [72, с. 125].

Очевидно, что требования к речи и речевому поведению в обществе претерпевают диахронические изменения в зависимости от различных социальных факторов. Тенденции, определяющие речевое поведение русской лингвокультурной общности 90-х гг. прошлого столетия, представлены Л. П. Крысиным: «Вообще, если пользоваться не строго лингвистическими терминами, а оценочными, в наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Начиная с бытовых разговоров соседей по дому и перепалок в магазинных очередях и кончая митингами на площадях и дебатами в парламенте, звучащая речь характеризуется такими чертами, как жесткость в оценке поведения собеседника (обуславливающая выбор соответствующих оценочных средств), крайняя негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, возбужденный, нередко враждебный тон речи и т.п.). Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные средства негативной оценки поведения личности адресата – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо-просторечной лексики... Все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи –

следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» [89, с. 30].

Тенденции к проявлению агрессии и негативной оценочности в речевом общении, характерные для девяностых и описанные Л. П. Крысиным, прослеживаются на протяжении всей современной постсоветской эпохи. В работе начала 2000-х И. А. Стернин, анализируя происходящие в русском языке перемены, отмечает как одну из основных тенденцию агрессивности речевого общения. «<...> Подавленная ранее тоталитарным государством активность большинства членов общества в период реформирования страны нашла взрывной выход, что привело к выбросу не только активности (деловой и политической), но и к выбросу у части общества агрессивности и грубости. Сдерживавшаяся ранее активность многих членов общества выплеснулась наружу, в том числе и в форме агрессивности, грубости, вызывающего, неконтролируемого поведения», — пишет И. А. Стернин [140, с. 92]. Исследователь так описывает речевые проявления агрессивности: «Речевая агрессивность проявляется в увеличении громкости и эмоциональности диалога, увеличении количества оценочных слов в диалоге, количества грубых и нецензурных выражений, в росте удельного веса конфликтного общения; в пренебрежении нормами речевого этикета и культуры общения, в росте фамильярности в обращении незнакомых граждан друг к другу» [140, с. 98]. Агрессивность, по мнению И. А. Стернина, затронула все сферы жизни и характерна для речи в самых разных коммуникативных сферах — бытовой и семейной, политической, публицистической.

В самых современных работах отечественные языковеды отмечают присущие коммуникации в русской лингвокультурной общности агрессивность, оценочность, экспрессивизацию, эмоциональность, категоричность. Особенно исследован в этом отношении масс-медийный дискурс [2; 7; 83; 80; 120; 156]. Категоричность суждений и склонность к оценочности отмечена нами в речи российских судей 2000-х гг. [46].

Объем собранных примеров РЖ «осуждение» и «обвинение» в разных функциональных сферах русской лингвокультурной общности дает основание утверждать, что данные жанры занимают значительное место в русской речевой культуре, а перечисленные особенности русского национального характера и некоторые социальные факторы во многом объясняют причины популярности этих жанров.

3.2.2. Особенности английского национального характера и коммуникативного поведения

Обратимся к английскому национальному характеру и тому, какие его особенности находят выражение в коммуникативном поведении англичан.

Устойчивые взгляды англичанина на жизнь, на свое место в обществе, на права окружающих влияют на его речевое поведение. Интересны замечания по этому поводу русского журналиста В. Овчинникова, прожившего много лет в Великобритании: «Куда ни кинь, а Британия – это царство частной жизни, что заведомо ставит приезжего в невыгодное положение: он чаще видит перед собой ограду, чем сад, который она обрамляет» [109, с. 4].

Г. Д. Гачев сравнивает англичанина с островом. Главными качествами идеала англичанина – ДЖЕНТЛЬМЕНА – являются самоограничение и воздержание [26, с. 166]. Это значит, что ему надо сдерживать страсти, и эта сдержанность относится в полной мере к области проявления чувств, эмоций. Характерное для англо-саксонской культуры ограничение в проявлении эмоций отмечает также А. Вежбицкая. Она пишет о том, что англо-саксонская культура «обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как «эмоциональное», с подозрением и смущением... Англичанам не свойственно «отдаваться» чувствам...» [14, с. 41].

Крайняя степень эмоциональной сдержанности отмечена в одном из самых последних антропологических исследований, посвященном жителям туманного Альбиона. Ее автор, английский антрополог К. Фокс, не без иронии называет эту черту английского характера «эмоциональным запором» (emotional constipation) и отмечает неспособность англичан взаимодействовать обычным прямолинейным способом с другими людьми (inability to engage in a normal and straightforward fashion with other human beings) [196, с. 401].

Тенденция англосаксонской культуры, согласно которой чувства и переживания часто воспринимаются как нечто опасное, вредное, нечто, вызывающее чувство стыда, и стремление британцев преуменьшить или снизить проявление интенсивности чувств отмечены в работе американских ученых-коммуникативистов [200].

Кроме того, что англичанин должен всегда сохранять присутствие духа и самоконтроль, он должен еще и безупречно соблюдать правила этикета, в том числе речевого. В. Овчинников описывает правила речевого этикета так: «На гостя, который страстно отстаивает свою точку зрения за обеденным столом, в лучшем случае посмотрят как на чудака-эксцентрика, а в худшем – как на человека плохо воспитанного. В Англии возведена в культ легкая беседа, способствующая приятному расслаблению ума, а отнюдь не глубокомысленный диалог и тем более не столкновение противоположных взглядов» [109, с. 5]. Из этого описания ясно, что в отличие от русской лингвокультуры в английской лингвокультуре не поощряются жаркие споры и яростное отстаивание своей позиции.

Англичане питают уважение к традициям, ритуалам, которые рассматриваются ими как залог устойчивого и стабильного существования всего английского общества. Не без доли иронии Г. Д. Гачев сообщает об англичанах: «Они – гении традиции. И ритуал вежливого поведения и почтительного обхождения хоть бы и с отъявленным мерзавцем есть уважение к строю целого... "Лицемерие" таким образом может оказываться родом скромности и воздержанности от суждения и осуждения ближнего, с презумпцией возможной и неправоты своей ...

Умнее держать свои мнения при себе и улыбаться человеку, которого ненавидишь, соблюдать декорум и не презирать, и не обличать в открытую» [26, с. 172].

Картину правил английского коммуникативного поведения дополняет следующее наблюдение В. Овчинникова: «Англичанин придерживается правила "не быть личным", т.е. не выставлять себя в разговоре, не вести речи о себе самом, о своих делах, профессии. Более того, считается дурным тоном неумеренно проявлять собственную эрудицию и вообще безапелляционно утверждать что бы то ни было» [109, с. 5].

Умеренность во всем (moderation) – так обозначена характеристика английской ментальности в работе английского антрополога К. Фокс, которая расшифровывает обозначение следующим образом: «Я использую термин “умеренность” для обозначения в сокращенном виде целого набора взаимосвязанных качеств. Нашего избегания крайностей, чрезмерности и интенсивности любого рода. Нашей боязни перемен. Нашей боязни суеты. Нашего неодобрения по отношению к самоублажению и необходимости ограничивать его <...> Нашей тенденции к компромиссу <...> Мы все делаем с умеренностью, за исключением самой умеренности, которой мы увлечены до нелепой чрезмерности» [196, с. 403].

Приведенные цитаты об умеренности, воздержанности англичан от категоричных суждений и резких оценок, о большой роли этикета в общении, казалось бы, противоречат англо-американским «коммуникативным правилам», представленным в статье А. Вежбицкой «Культурно-обусловленные сценарии»:

«2. Каждый может говорить другим людям что-то вроде: «Я думаю вот что», «Я этого не думаю».

3. Хорошо говорить кому-то, что я думаю.

4. Хорошо говорить кому-то, что я чувствую» [13, с. 115].

Однако А. Вежбицкая оговаривается: «Культурные нормы, такие как 2, 3, 4,... по своей природе имеют достаточно общий характер и требуют дальнейшей спецификации, оговорок, дополнительных утверждений...» [13, с. 116]. А. Вежбицкая, рассматривая англоязычную культуру в сравнении с поль-

ской, указывает на то, что «в англоязычной культуре упор делается на ценности компромисса, гармонии в споре, на равновесии между свободой выражения несогласия и поиска согласия» [13, с. 124]. Это отражает следующий сценарий:

«12. когда кто-то говорит мне что-то вроде: «я думаю вот что»,

я могу сказать этому человеку что-то вроде: «я не думаю того же»

когда я хочу сказать кому-то что-то вроде:

«я не думаю так же (как вы)»,

хорошо сказать в то же время что-то вроде:

«я думаю то же самое лишь о части этого,

я не думаю того же обо всем этом» [13, с. 124].

В тех случаях, когда англичанин выражает отрицательную оценку, он прибегает к смягчающим выражениям, стремясь, по мнению А. Вежбицкой, не нарушить общественную гармонию [14, с. 84]. К подобным выводам приходит отечественная исследовательница русского и английского этикета С. А. Рисинзон, которая отмечает три приоритетные функции этикетных средств английской деловой беседы: снижение категоричности высказываний, проявление согласия с собеседником и поддержание обратной связи с говорящим [121, с. 143].

«Плюрализм и терпимость отличают английскую ментальность от других, более односторонних национальных миров, жестоко и страстно принципиальных в подходе к идеям», — пишет Г. Д. Гачев [26, с. 158].

Таким образом, ценность для англосаксонской культуры компромисса, согласия, пусть иногда только внешнего, признается как антропологами, так и лингвистами.

Если сопоставить коммуникативные нормы русской и английской лингвокультурных общностей, то мы обнаружим практически противоположности. Наглядно сопоставление представлено в табл. 6. В следующих разделах мы выясним, насколько реальная картина, представленная в речи, соответствует набору коммуникативных норм, составленному на основе научной литературы.

Сопоставление русских и английских коммуникативных норм

№ п/п	Русские коммуникативные нормы	Английские коммуникативные нормы
1	Нелюбовь к этикетному общению	Большая роль этикета
2	Проявление эмоций (положительных и отрицательных)	Эмоциональная сдержанность, самоконтроль
3	Склонность к высказыванию оценок	Воздержанность от оценочности, антиконфликтная ориентация
4	Бескомпромиссность в споре, категоричность	Поиск равновесия, компромисса, некатегоричность, недосказанность

3.3. Эмоциональность русских и английских осуждений и обвинений

Чтобы решить вопрос о наличии принципиальных различий в коммуникативном поведении русских и англичан, сопоставим русские и английские осуждения и обвинения с точки зрения проявления в них эмоциональности.

Прежде всего отметим, что отрицательные оценки так же популярны в английской речи, как и в русской. При этом количество глаголов и выражений со значением осуждения и обвинения, использованных в качестве квалифицирующих ремарок, в английской речи превышает количество таковых в русской речи, несмотря на разработанность данной лексико-семантической группы в русском языке.

Вопрос о степени проявления эмоций в обеих речевых культурах в немалой степени связан с квалифицирующими ремарками, вводящими прямую речь в художественной литературе или ретранслируемые РЖ в публицистике. А. Вежбицкая видит одно из отличий русского языка от английского в том, что «русский исключительно богат "активными" "эмоциональными глаголами"», и «активность русских эмоциональных глаголов выражается, помимо прочего, в том, что многие из них

(в форме совершенного вида) могут вводить в текст прямую речь» [14, с. 42–43].

Действительно, в числе глаголов-квалификаторов к осуждениям и обвинениям в художественной и публицистической речи встречаем *подивиться, удивиться, возмутиться, расстроиться, негодовать*, которые не находят прямых соответствий в английской речи. В то же время в английской речи также используется ряд глаголов-квалификаторов, в семантике которых заложена доля эмоциональности: *storm* (бушевать), *thunder* (грохотать), *snarl* (рычать).

Кроме того, в качестве ремарок к осуждениям и обвинениям используются предикатные группы. В английской речи достаточно распространены предикатные группы «глагол + наречие/причастие», указывающие на проявление эмоций говорящим. В наших материалах есть следующие: *say acidly* (сказать ядовито), *say fiercely* (сказать с яростью), *say ill-temperedly* (сказать злобно), *say getting angry* (сказать с раздражением), *say coldly* (сказать холодно), *say mildly* (сказать мягко). Сочетание глагола с наречием в качестве ремарки в русской художественной речи нам встретилось единожды – *мрачно отметить*. Среди других предикатных групп в русской речи отметим следующие – *с удовольствием заключить; с досадой воскликнуть; с трудом сдерживая злость, бросить*. Наличие таких ремарок со значением выражения эмоций свидетельствует о том, что эмоциональность находит выражение как в русской, так и в английской речевой культуре.

Это подтверждают не только ремарки к вводимым жанрам, но и частое использование тактики «Выражение неодобрения со ссылкой на собственные эмоции (ощущения)» для организации жанров в обеих речевых культурах. Отрицательные чувства, которые вызывает объект оценки или его поступки у автора жанра, находят языковое выражение в отрицательно-оценочных высказываниях. Осуждая систему, в которой только материально обеспеченные люди могут построить музыкальную или журналистскую карьеру, английский журналист называет ситуацию вызывающей сожаление (*regrettable*), а взгляды оторванных от жизни журналистов – настолько отдаленными, что они вызывают смех (*comically remote*):

(276) *The situation in music is, obviously, regrettable but perhaps not all that significant. The decline in state-educated journalism really matters. There is a certain sort of public school-educated commentator whose views on society are comically remote from what working people experience <...> (The Independent. – 2013. – 29 марта)*

Отметим, что в приведенном выше примере эмоциональность дополняется категоричностью. Автор использует метатекстовый маркер *obviously* (очевидно), который придает высказыванию безапелляционное звучание.

Сожаление автора следующего жанра вызывают действия Западных стран:

(277) *Следует заметить с сожалением, что Запад и США не только не пытались препятствовать шествию реваншизма по Восточной Европе, но в некоторых случаях прямо поощряли националистов разных видов, оказывавшихся на поверку неонацистами. (Известия. – 2013. – 22 мая)*

В английской газете журналистка сообщает о своей эмоциональной реакции (*I was appalled* – я была в ужасе) на решение британского правительства не преследовать по закону тех, кто угрожал смертью Салману Рушди:

(278) *I was appalled by the British government's extraordinary decision not to prosecute anyone for threatening Rushdie's life, even though two prominent Muslims had stated they would sacrifice their own lives and those of their children if the opportunity arose to kill him. (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая)*

Это же выражение журналистка использует в статье повторно, осуждая чиновников от образования, отказавшихся от преподавания классической английской литературы и истории в этнически смешанных классах:

(279) *Educationists objected in particular to teaching classic English authors or British history to ethnic minority children on the grounds that this was racist. I remember one education lecturer questioning whether there could be any shared values at all. I was appalled. (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая)*

В подобном русском примере автор отрицательно оценивает деятельность демократов в России, заканчивая высказывание ссылкой на эмоциональное восприятие всей ситуации:

(280) *Таким образом, профессиональные демократы (теперь они уже называли себя либералами) скомпрометировали идею народовластия на десятилетия вперед, и удивляться тут в общем-то нечему. Ужасаться есть чему, а удивляться – нет. (Известия. – 2013. – 19 мая)*

Реакция директора английской школы на решение властей забетонировать зеленые игровые площадки не лишена эмоциональности (*shocked and outraged* – шокированы и вне себя от ярости):

(281) *“We were shocked and outraged,” said Dr James Kilmartin, the acting headteacher of Cardinal Newman School, which owns part of the playing field <...> (The Independent. – 2013. – 7 мая)*

Похожий пример из отечественной прессы – осуждение поведения богатых русских за границей:

(282) *И русских, и европейцев – всех нас шокируют такие выходы, как наем коммерческой скорой помощи для проезда в аэропорт. (Известия. – 2013. – 2 апреля)*

Мы намеренно подобрали примеры с идентичными языковыми средствами в русских и английских жанрах, воплощающими эмоциональность автора, чтобы продемонстрировать параллелизм в русской и английской речи. Видим, что эмоциональные оценки, выражающие крайнюю степень отрицательных чувств, характеризуют как русскую, так и английскую речь. В русской речи предпочтение отдается номинациям *кошмар*, *ужас*, прилагательному *ужасный* и наречию *ужасно*, которые обнаруживают соответствия в английской речи в виде номинации *outrage* (безобразие) и прилагательных *outrageous* (вызывающий негодование), *horrible*, *dreadful*, *awful* (ужасный), *nightmarish* (кошмарный):

(283) *По мнению работников образовательных учреждений, ЕГЭ в настоящее время слабо защищен от нелегального копирования данных.*

– Все остается на уровне проектов, и все идет как идет. В этом году, как признали многие, просто кошмар, – говорит глава Всероссийского профсоюза учителей Андрей Демидов. (Известия. – 2013. – 29 мая);

(284) Ужас в том, что цены здесь те же, что в Париже, а зарплаты в 10 раз меньше. (Известия. – 2013. – 14 июня)

В английском примере автор резко высказывается о книге, посвященной Хиллари Клинтон, в которой во всех подробностях рассматривается ее личная жизнь, но игнорируются профессиональные достижения. Прилагательное *outrageous* (безобразный) и существительное *a slur* (грязь) четко характеризуют позицию автора по отношению к книге:

(285) *It's outrageous even to suggest that her husband's sex life is salient to her career in the first place, let alone that she should be held accountable for it. The whole book, ranging across "everything" from Clinton's "complex relationship with her disciplinarian father" to "her courtship with Bill Clinton and the amazing dynamic of their marriage, during the most trying of circumstances", is a slur on Hillary Clinton, refracting her through the prism of the men around her to a nexus of feminine roles: daughter, wife, blah. (The Guardian. – 2007. – 2 мая)*

Английская газета цитирует высказывание одного из членов жюри музыкального конкурса “X-factor”, в котором тот называет выступление участника ужасным (*awful*):

(286) *'When I decided to sit in this seat, there was one thing I promised myself I would never do, and that was lie and I lied for you last weekend and I said your performance was good and it wasn't...it was awful. You deserved to be in the bottom two last week,' he said. (The Daily Mail. – 2011. – 24 октября)*

В газетных текстах эмоциональность определяется в значительной степени журналистским жанром. Колумнисты создают более критические статьи, содержащие субъективные оценки в жанре осуждений, нередко построенных на основе тактики неодобрения со ссылкой на собственные эмоции. В ре-

портажах и сообщениях, ориентированных на представление объективных фактов, журналисты информируют читателя об отрицательных оценках и эмоциях третьих лиц.

Эмоциональность осуждений и обвинений может иметь **эмоционально-восклицательную форму** выражения. Восклицательный знак либо заменяет особую интонацию, с которой РЖ был фактически произнесен, либо передает особый эмоциональный настрой автора печатного РЖ в публицистике. Особенно показателен восклицательный знак в английской лингвокультуре. Он встречается реже, но несет на себе большую эмоциональную нагрузку, чем в русской лингвокультуре [143, с. 249].

Восклицательные обвинения и осуждения встречаются как в разговорной и художественной, так и в газетной речи. Помимо собственно обозначения восклицания авторы часто используют экспрессивную лексику, соответствующую общей тональности высказывания (*одурел, damned cheek* – чертова наглость):

(287) *A. (прогоняя кота, вспрыгнувшего на стол)*
Ну что ты бегаешь по столам! Ты что вообще? Одурел? (PM 1999);

(288) *“Damned cheek, waylaying me like that!”*
(W. S. Maugham. The Force of Circumstances)

Что касается английской публицистики, то восклицания характерны в большей степени для читательских высказываний в обсуждениях статей и на форумах, чем для жанров журналистов. Так, в обсуждении статьи об авиакомпании, отказавшей в услугах слепым пассажирам, читатель приводит свой пример негативного опыта с этой же компанией. Обвинение компании в безнадежной некомпетентности (*hopelessly incompetent*) сопровождается восклицательным указанием на деликт (*forget to pick me up... to the airport!* – забыли отвезти меня... в аэропорт!):

(289) *This reminds me of the incident involving Ryanair some years ago, when they refused to let some wheelchair users board the plane. Whatever happened to the requirement to make reasonable adjustments for dis-*

abled people? Also, Thomson are hopelessly incompetent – I had the misfortune of traveling with them on a package holiday a few years ago, and they forget to pick me up for the coach transfer from my hotel to the airport! (The Independent. – 2013. – 2 мая)

В другом английском примере, представляющем собой отрицательный отзыв на интернет-форуме о новом художественном фильме «Великий Гэтсби», восклицание дополняет риторический вопрос, построенный с использованием эмфатического выражения *why on Earth*. Автор комментария отмечает несоответствие стиля использованной в фильме музыки стилю эпохи и вопрошает, почему же для эпохи 1920-х гг. использована современная музыка. Выраженное вербально желание проткнуть себе барабанные перепонки добавляет высказыванию эмоциональности:

(290) Not surprised by the terrible reviews for 'The Great Gatsby', looks like all style and no substance. Also, being set it in the 20's it had the potential to be so atmospheric; it's the age of jazz, the blues and swinging dance so why on Earth give it a soundtrack with Jay-Z, Kanye West, Will. I. Am, Lil Kim, Christina Aguilera, Pink and Jack White!? I'd rather perforate my ear drums than see this film.

Posted by: Ben Kelly | 23 May 2013 at 01:57 PM

(URL: <http://hitchensblog.mailonsunday.co.uk/2013/05/swivelgate-the-sexual-revolution-and-how-great-is-gatsby.html>)

В русской публицистике эмоциональность и восклицательные высказывания встречаются и в речи авторов публикаций:

(291) Интересная история: чтобы стрясти копеечный в буквальном смысле долг, нужно передать материалы в суд, оттуда они уходят в службу судебных приставов, а те уже начинают уведомлять должников. Куча денег (естественно, государственных) идет на одни только ручки, бумагу, конверты. А сколько времени, сил, нервов! (КП. – 2010. – 10 декабря);

(292) *Разве можно слишком сильно бороться с преступностью? И потом: а с кем так уж сильно поборолись? Кто осужден, у кого конфисковали имущество? Практически нет таких! (Аргументы и факты. – 2013. – № 23)*

Таким образом, эмоциональность находит выражение в разных формах как в русских, так и английских осуждениях и обвинениях.

3.4. Категоричность русских и английских осуждений и обвинений

Эмоциональность нередко комбинируется в осуждениях и обвинениях с **категоричностью**. Под категоричностью в речи подразумеваем стремление звучать решительно, убедительно, уверенно в своей правоте, неоспоримо и однозначно. Такое стремление характеризует не только русских, но и английских авторов осуждений и обвинений, а используемые ими для достижения цели языковые средства обнаруживают значительные соответствия. Реализация категоричности происходит на нескольких уровнях: тактическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом. Следующие **средства усиления категоричности и весомости осуждений и обвинений** обнаруживаются как в русских, так и английских жанрах:

1. «Подкрепление» собственной отрицательной оценки **мнением третьего**, независимого, лица, нередко **статистическими данными**. В следующем примере автор ссылается на официальные данные иностранного государства, обвиняя соотечественников в промышленном браконьерстве:

(293) *Или возьмите рыбную отрасль. По данным береговой охраны Японии, в водах РФ на Дальнем Востоке выгребается более 4 млн тонн биоресурсов в год. А наша официальная цифра ниже более чем вдвое. То есть половина добычи идет контрабандой в Японию, мы теряем на этом 2–2,5 млрд долл. в год!*

А сколько таких дыр по всей экономике?! (Аргументы и факты. – 2013. – № 23)

Ссылка на иностранный источник, представляющий альтернативу отечественной официальной статистике, комбинируется в высказывании с двумя восклицаниями, определяющими эмоциональный характер высказывания.

Статистические данные службы национальной статистики использованы автором следующего фрагмента статьи для усиления весомости своей позиции. Сокращение рабочих мест в общественном секторе экономики нанесет серьезный удар прежде всего по женской части общества, и это подтверждает статистика:

(294) George Osborne's revelation in his spending review that a further 144,000 jobs are to be slashed from the public sector means there is more pain to come for women, critics say.

Data collated by the Guardian highlights the disproportionate blow to female workers so far. The female headcount in local government has plunged by 253,600 to 1.43 million since the coalition came to power in 2010. The number of men in local government jobs is down less than half that figure, by 104,700 to 452,300, Office for National Statistics data published by the Local Government Association shows. (The Guardian. – 2013. – 1 июня)

Если говорить о реализации категоричности на тактическом уровне, то отметим **тактику предъявления ряда деликтов** и **тактику обобщения**. Обе тактики в силу своей семантики и формальной организации обеспечивают построение весомого и недвусмысленного жанра и применяются во всех сферах использования языка. Ранее данные тактики рассматривались в разд. 2.8.1;

2. Лексические средства со значением убежденности и уверенности в правильности своего мнения. Такие РЖ звучат достаточно категорично, и их содержание как бы не подлежит сомнению. Осуждая высказывания звезд шоу-бизнеса по вопросам здоровья, провоцирующие массовую истерию, автор использует наречие *определенно*, придающее высказыванию

категоричность, которая усиливается применением тактики обобщения (*ничто, нельзя никому верить*):

(295) Мнение одного человека – это ничто. Но это мнение становится очень авторитетным, если такой человек – мировая звезда, любимец публики. И здесь определенно есть подвох. Потому что особенно в таких случаях, когда речь идет о здоровье, нельзя никому верить на слово. Особенно – актерам, которые сведущи только в самопиаре, по большому счету. (Известия. – 2013. – 4 июня)

Подобные примеры из английской речи. Цитата одного высокопоставленного чиновника, выступающего против Евросоюза и нахождения в нем Великобритании, включает наречие *certainly* (конечно/безусловно), выступающее маркером категоричности позиции автора:

(296) He says a European superstate “is certainly not for us” and adds: “That is why, while I voted ‘in’ in 1975, I shall be voting ‘out’ in 2017.” (The Independent. – 2013. – 7 мая)

Абзац в примере (297) представляет собой обвинение в адрес британской элиты, демонстрирующей пренебрежительное отношение к мнению других слоев общества. Журналист отмечает, что такие качества элиты по-настоящему отвратительны (*truly obnoxious*). Наречие *truly* маркирует убежденность автора в своей правоте:

(297) It is not simply the progressive elite's patronising sense of entitlement that offends me. Their ignorance of popular opinion and resistance to reason are truly obnoxious. And these prejudices are damaging too. (The Daily Mail. – 2011. – 15 мая)

Среди языковых средств со значением убежденности – рефлексивы, метатекстовые конструкции, эксплицитно маркирующие авторскую позицию. Автор следующего высказывания, отрицательно оценивая принятые англиканской церковью изменения к закону о богохульстве, высказывает убеждение (*I had no doubt* – Я не сомневалась), что они неизбежно должны были дать исламистам шанс разрушить свободу самовыражения. Тактика эксплицитного обвинения, образованная лексиче-

скими единицами *weapon* (оружие), *to destroy* (разрушить), усилена авторской метатекстовой ремаркой:

(298) *I had no doubt that this would become a weapon enabling Islamic militants to destroy freedom of expression. (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая)*

В другом примере автор осуждает извращенное понимание расизма, при котором свою ущемленность чувствует уже большинство, и предваряет обвинительное высказывание метатекстовой ремаркой, маркирующей категоричность позиции (*my position is straightforward* – моя позиция совершенно понятна):

(299) *My position is straightforward. Racial prejudice is abhorrent. But some three decades ago, a new dogma of anti-racism emerged with a perversely one-sided view of prejudice – that it can never be perpetrated by any group that designated itself to be victims of the majority. (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая);*

3. Лексические средства, абсолютизирующие отрицательное качество объекта оценки или указывающие на его очевидность. В английской речи к таким лексическим средствам относятся прилагательное *absolute* и наречие *absolutely*. Абсолютной ерундой (*absolute nonsense*) называет один из политических лидеров идею полицейского расследования против его партии:

(300) *"I haven't even seen this report. We were told when the inquiry was taking place that any allegations against the people who were being accused of things would have an opportunity to respond. They weren't even interviewed. Unite wasn't interviewed. This is absolute nonsense and I would hope that a calming influence could come into this," he said. (The Guardian. – 2013. – 5 июля)*

В другом примере министр культуры от оппозиции называет абсолютной ерундой обвинения в том, что он оказывает поддержку одному медийному конгломерату и препятствует другой компании:

(301) *Jeremy Hunt, the shadow culture secretary, has dismissed as "absolute nonsense" accusations of a pact between the Conservatives and Rupert Murdoch to favour*

his media conglomerate and curb the BBC in return for support from the Sun. (The Guardian. – 2009. – 16 ноября)

В русской речи в подобных ситуациях используется выражение *полная ерунда*. Именно так называет неверные представления о материальном обеспечении детских домов один из координаторов проектов помощи сиротам:

(302) Поверьте, даже в глубинке дети не нуждаются ни в чем, поэтому все эти сборы средств якобы детям на одежду, обувь или еду – полная ерунда. Когда я об этом слышу, понимаю, что либо люди не компетентны, либо попросту мошенники, которыми движут корыстные мотивы. (Известия. – 2013. – 31 мая)

Отметим в приведенном примере и наречие *попросту*, также указывающее на очевидность отрицательной оценки для автора высказывания и его убежденность в своей правоте. С той же целью в русском языке употребляются наречие *вообще*, усилительная частица *просто*, а также определительное местоимение *такой*:

(303) Он. Ты просто идиотка! Глупая маленькая идиотка! (Арбатова М. «Дранг нах вестен»);

(304) Беломор. Зачем мне национальность? Что она изменит? Где традиции, которые мне хотелось бы наследовать? Увы, детки.

Карина. Что значит «зачем она»? Вы, русские, такая молодая, такая глупая нация. Вы даже истории своей не знаете, просто туземцы! Вообще удивляюсь, как вы тут все не умерли, вам же наплевать друг на друга! (Арбатова М. Сейшен в коммуналке)

Русскому *просто* соответствует английское прилагательное *pure* (исключительный/ чистой воды). В отзыве на форуме газеты “The Guardian” читатель обвиняет США в чистой воды лицемерии и стремлении сделать из Британии государство-вассала:

(305) They don't want us following "US standards", if you consider "US standards" the standards the US lives by.

Those standards are pure hypocrisy, or "exceptionalism" as they like to call it.

Instead they want us to obey the international laws they violate and obey the international treaties they flout, except when they tell us to violate them.

If they tell us to violate a law or treaty, we should hop to it.

A good vassal state doesn't ask questions, and doesn't let its citizens know there are questions to be asked – instead it quietly obeys. (URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2013/jul/05/us-blocks-espionage-talks-europe-nsa-prism#comment-24902188>)

Другой читатель этой же газеты отрицательно высказывается в адрес Швеции, обвиняя правительство этой страны в поддержке нацизма и исключительном и нечестном оппортунизме (*pure and dishonest opportunism*):

(306) Sweden again exposed as US apologist. They supported the Nazis until the wind started to change in 1942/1943, and now it is becoming clear they have been a 'secret' NATO member for decades. Pure and dishonest opportunism of successive Swedish governments. At least the so-called neutrality is now out in the open. (URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2013/jul/05/us-blocks-espionage-talks-europe-nsa-prism?commentpage=19#comment-24902188>);

4. Грамматические средства абсолютизации отрицательной оценки. В их числе превосходная степень прилагательных. В высказывании английского форумчанина (пример (307)) США называются самой большой террористической организацией в мире. Кроме того, категоричность достигается посредством последнего короткого предложения в высказывании (*Period.*), которое означает «Точка. Больше обсуждать нечего»:

(307) The US is the world's biggest terrorist organization. Period. (URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2013/jul/05/us-blocks-espionage-talks-europe-nsa-prism#comment-24902188>)

Использование превосходной степени прилагательных как средства усиления категоричности может сочетаться с исполь-

зованием времени **Present Perfect**, которое указывает на то, что отрицательно оцениваемый факт является единственным в своем роде за весь период чьего-либо существования:

(308) *'Now I'll tell you something,' she hit back. 'Everett came back from London last night. He was exhausted, not by the work but by your wonderful fiancée. She almost drove him mad. He said she's the most empty-headed, self-orientated, self-opinionated female he's ever met. She's – ' (L. Peake. *Strangers into Lovers*)*

В примере (309) вместо грамматического времени использовано прямое указание на период времени *in the history of art* (за всю историю искусства):

(309) *"Mr. Breasley, most of us feel abstraction has become a meaningless term. Since our conception of reality has changed so much this last fifty years."*

The old man seemed to have to turn it over in his mind; then dismiss it.

"I call it betrayal. Greatest betrayal in the history of art." (J. Fowles. *The Ebony Tower*)

Примеры использования превосходной степени с целью усиления категоричности высказывания можно найти и в русской речи. Комментируя в СМИ дело главы Росбанка о взятке, интервьюируемый журналистом потерпевший говорит:

(310) *Когда Голубков был задержан, я был поражен одной деталью. Это человек с высоким уровнем интеллекта, который знает множество финансовых схем и нюансов безналичных расчетов, но в этой истории он брал деньги наличными, самым глупым и примитивным способом. Где жадность, там и глупость. (Известия. – 2013. – 17 мая)*

В следующем примере из разговорной речи превосходная степень сочетается с применением зоонима, в результате чего тренер футбольной команды получает номинацию «самый главный баран»:

(311) *Муж смотрит футбольный матч.*

Муж. Ну, куда ж вы даете, бараны! Ну, кто вы такие, я не знаю вообще! Я не знаю, кто вас тренирует.

Жена. А кто их тренирует?

Муж. Самый главный баран. (PPP P3);

5. **Эмфатические конструкции и инверсии**, реализующие функцию усиления категоричности на синтаксическом уровне. Отрицательная оценка советских реалий в журналистском тексте завершается резюме в форме эмфатической конструкции:

(312) Во-первых, в СССР человек человеку все-таки был враг. Когда сейчас начинают разговоры о том, что трава была зеленее, а люди – добрее, то без лишних слов хочется отослать их перечитывать «Архипелаг Гулаг». Смирненное тупое равнодушие – это как раз один из самых важных пороков Советской Империи. (Известия. – 2013. – 12 марта)

В приведенном ниже английском примере из газетного текста автор обвиняет исламистов в ненависти к Британии и желании разрушить страну, а правительство Британии – в недальновидности при выстраивании иммиграционной политики. В высказании наряду с лексическими средствами, реализующими тактику эксплицитного обвинения (*hate* – ненавидеть, *destroy* – разрушить, *threat* – угроза, *enemy* – враг, *sinister* – порочный), используется эмфатическая конструкция, начинающаяся с *yet* (и все-таки), а также измененный порядок слов в последнем предложении:

(313) After 9/11 and 7/7, this issue has become more urgent than ever. Yet the country has seemed to be in denial of Islamic militants who hate Britain and want to destroy it, and who might be thought to constitute an ‘enemy within’.

The appeasement instinct has turned into a real threat to our established way of life.

So, too, has another disturbing aspect of our drift into multiculturalism and relativism – a sinister but pervasive change in attitudes to racism. (The Daily Mail. – 2013. – 7 мая)

Представленный выше перечень средств усиления категоричности и весомости осуждений и обвинений позволяет утверждать, что категоричность характерна для осуждений и об-

винений как в русской, так и в английской лингвокультуре. В обеих лингвокультурах категоричность получает выражение на нескольких уровнях – тактическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом. Во многих из приведенных нами русских и английских примерах просматривается очевидный параллелизм в применении прагмалингвистических средств. В связи с этим представляется невозможным утверждать о принципиальных различиях в способах, используемых для усиления категоричности отрицательной оценки. Напротив, выделенные способы универсальны для обеих культур и обусловлены в большей степени прагматическими факторами, чем факторами лингвокультурологическими. Журналистские оценки отличаются большей остротой и категоричностью в статьях аналитической направленности, тогда как для репортажей типично цитирование оценок третьих лиц, которые приводятся без изменений и заключаются в кавычки. СМИ таким образом снимают с себя ответственность за содержание и форму цитируемого высказывания. Относительно новый жанр интернет-форума в силу своего формата, предполагающего анонимность и практически неограниченную свободу в высказании мнений, располагает к откровенности, прямолинейности и категоричности его участников, что и можно наблюдать как в русском, так и в английском речевом материале. В обиходно-бытовых ситуациях, представленных в разговорной речи и имитирующей ее речи художественной, выражение категоричности иногда принимает крайние формы. Это происходит в силу того, что субъект оценки ощущает большую свободу и не опасается юридической ответственности за произнесенные отрицательно-оценочные высказывания в отличие от субъекта подобных оценок в институциональной сфере.

В то же время в обеих лингвокультурах даже в публичной сфере создаются яркие образцы осуждений и обвинений, авторы которых выражают свою точку зрения категорично и эмоционально, что проявляется на всех уровнях языка. В следующем фрагменте журналистка, осуждающая действующую в стране систему распределения материальных благ, с иронией цитирует слова вице-премьера (*эсклюзивные специалисты, особенные люди, особенных окладов*) и рисует общую негатив-

ную картину пренебрежительного отношения к рядовым работникам за счет применения тактики обобщения (*никого, никому, ни одного чиновника*). Для обозначения рядовых работников иронически используется метафорическая номинация *штрафбат*. Лексический маркер *очень показательно* демонстрирует твердость убеждений автора:

(314) *Сейчас соотношение зарплаты начальника и сотрудника – один к восьми, а будет – еще больше, потому что, как считает вице-премьер Ольга Голодец, эсклюзивные специалисты вроде Валерия Гергиева, который возглавляет Мариинский театр, – это особенные люди, заслуживающие особенных окладов.*

И это очень показательно для нашей современной действительности: «обычные люди» никого не интересуют, они такой штрафбат – хоть от науки, хоть от культуры, хоть от жилищного хозяйства. Никому не интересно, хорошо они работают или нет, а значит, ни одного чиновника не волнует, как оплачивается их труд.

И грустно, что очередной законопроект, как бы прилично он ни выглядел в некоторых местах, – это всего лишь продукт умственной деятельности тех же самых людей, которые считают, что «зов сердца» – уже награда для неэсклюзивных бюджетников. (Известия. – 2012. – 26 декабря)

Автор публикации о коррупции в Лондонской полиции отмечает, что проблема коррупции в полиции решалась бессистемно и нерегулярно (*spasmodically*), со времен 1960-х гг. закрываются глаза (*blind eyes have been turned*) на существенные нарушения (*gross wrongdoing*):

(315) *The problem of police corruption has been tackled spasmodically ever since the Sixties. In the Seventies, the Commissioner Sir Robert Mark conducted an enormous purge of corrupt officers. More than 475 left the Met.*

Since then, however, very few have been forced out. Blind eyes have been turned to gross wrongdoing.

As a result, corrupt practices returned, ranging from officers receiving bungs from criminals, planting evidence and stitching people up or stealing cash or drugs.

Fiercely defending its reputation, the Met tends to behave savagely towards any officer who dares challenge such corruption.

This circling of the institutional wagons has been worsened immeasurably by the politicisation of the police and the top-down control from Whitehall through the ruthless imposition of performance targets.

Just as with the NHS, the impression must be maintained – through fair means or foul – that all is well with the police. (The Daily Mail. – 2013. – 7 июля)

Тактика предъявления ряда деликтов использована при перечислении незаконных действий полиции (получение откатов от преступников, подбрасывание улик, предъявление незаконных обвинений, кража наличных денег и наркотиков). Усиление обвинительной направленности высказывания происходит за счет абсолютизации негативного характера описываемой ситуации (*worsened immeasurably* – стала неизмеримо хуже). Вставная конструкция (*through fair means or foul* – любыми средствами), выделенная тире и акцентирующая беспринципность полицейских, завершает картину лицемерия, царящего в Лондон Метрополитан.

Таким образом, не представляется возможным утверждать, что категоричность и эмоциональность свойственны только русской лингвокультуре, поскольку проявления этих коммуникативных категорий обнаруживаются в материале на обоих языках.

3.5. Сдержанность и корректность русских и английских осуждений и обвинений

К проблеме сравнения русских и английских осуждений и обвинений с точки зрения эмоциональности и категоричности можно подойти с другой стороны и рассмотреть отрицательно-

оценочные высказывания в двух лингвокультурах на предмет реализации в них сдержанности и корректности. Выясним, всегда ли русские жанры демонстрируют особенности русского коммуникативного поведения, склонного к эмоциям и категоричной оценочности, или, подобно английским, они могут иметь сдержанную, корректную форму.

Выявляя параллелизм между русской и английской речью, мы отмечаем свойственное обеим речевым культурам использование средств категории вежливости (КВ) в качестве смягчения осуждений и обвинений. О целях использования таких средств в русском языке пишут М. А. Кормилицына и Г. Р. Шамьенова в работе «Категория вежливости в оценочных речевых жанрах»: «Если коммуниканты желают продолжить общение и вместе с тем не могут «промолчать» о «неадекватном», с их точки зрения, состоянии или поведении партнера по общению, они используют средства и приемы КВ для смягчения категоричности высказывания, так как именно агрессивная категоричность, грубость, нетерпимость к мнению собеседника со стороны говорящего и оказываются источником всевозможных коммуникативных столкновений» [81, с. 263–264]. В этой же работе представлен целый ряд используемых в русском языке средств категории вежливости и указано, что они могут сочетаться в пределах одного высказывания. Данный ряд был использован нами, чтобы составить перечень используемых в русском и английском языках **тактических и языковых средств смягчения осуждений и обвинений**. Он включает:

1. **Подчеркивание субъективности мнения** автора высказывания, осуществляемое посредством **метакоммуникативных средств**. В числе русских метакоммуникативных средств, маркирующих субъективность, находим, к примеру, *мне кажется, на мой взгляд*:

(316) Председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, наоборот, считает, что следует проверить обоснованность выделения такой большой суммы на ремонт думского общепита.

– Как ремонт может сказываться на приготовлении пищи? Повара заменить выйдет дешевле. Надо пристально изучить, посмотреть, насколько детали-

зирована смета. Здесь можно усмотреть некую коррупционную нагрузку. Мне кажется, что сумма слишком большая для ремонта и переоборудования столовых, – заявил Кабанов. (Известия. – 2013. – 9 июля);

(317) Социальный антрополог Илья Утехин также считает, что депутаты недостаточно тщательно продумали новую дату для празднования Дня России.

– В условиях строительства новой национальной идеологии естественно, что ее строители ищут в истории страны зацепки для создания нового национального мифа, но выбор дат, на мой взгляд, не лучший: дата крещения Руси для многонациональной страны или дата формирования Киевской Руси, когда Киев уже не является федеральным городом, не подходят, – уверен эксперт. (Известия. – 2013. – 10 июля)

В число английских метакоммуникативных средств со значением субъективности входят *in my view* (по моему мнению), *I think/thought* (я думаю/думал), *this is my perception* (такое мое понимание), *I suppose* (я полагаю) и другие:

(318) *To have two relatively inexperienced people holding fort, without the ability for any senior advice, is a precarious situation in my view.* (The Independent. – 2013. – 1 марта);

(319) *“I thought we made a huge mistake,” Mr Carlisle said. “I thought with everything that we have gone through over the last few years, using a comedian of his type was a bad error in judgement.” The PFA has since asked for the comedian’s fee to be paid back.* (The Independent. – 2013. – 1 мая);

(320) *I think it’s positively improper for her to think of marriage!* (W. S. Maugham. The Round Dozen);

2. Намеренная демонстрация неуверенности или нежелания показывать чрезмерную уверенность в собственной точке зрения, которая реализуется в тексте с помощью вводных слов (возможно, по-видимому):

(321) *Кстати, ни в одной стране мира нет законодательного запрета на использование глутамата*

натрия в пище. Возможно, таким образом депутаты хотят не позаботиться о здоровье россиян, а оказаться новаторами и прославиться на международной арене? (Аргументы и факты. – 2013. – № 23);

(322) – Возможно, ты и замуж-то вышла не за меня, а за эту поездку. И «выбрала» вовсе не меня, а Соединенные Штаты. (А. Алексин. «Карету мне, карету!»);

(323) Высказывание художника Никаса Сафронова о проблеме иммиграции: «Приезжие заполнили Москву. По-видимому, те квоты на иностранную рабочую силу не соблюдаются. А это чревато большими социальными проблемами вроде французских беспорядков в арабских кварталах». (КП. – 2011. – 25 марта)

Эквивалентом русского *возможно* в английской речи выступает конструкция *it is likely* со значением выражения вероятности. В примере (324), осуждая политику высокого налогообложения по отношению к частным домовладельцам Британии, домовладелец представляет с помощью обозначенной конструкции возможные нерадужные перспективы незаселенного и требующего ремонта жилья:

(324) *Mr Boulton points out that we buy “cheap” housing. Has he ever asked himself why it is cheap? Most commonly it is cheap because it is either derelict or in need of major repair. With no money or drive coming from government, it is likely to stay derelict unless an enterprising buy-to-let “scrounger” brings it back into use. (The Independent. – 2013. – 13 апреля)*

Интересен пример из английской художественной речи, где указание на субъективность мнения *I don't think* (Я не думаю) дополнено вводными конструкциями *without wishing to be censorious* (не желая быть сверхкритичным) и *I'm bound to say* (вынужден сообщить), маркирующими намерение коммуниканта смягчить отрицательно-оценочное высказывание:

(325) *'Doesn't it make you feel a little uncomfortable to be with them?' I asked Gaze. 'For without wishing to be censorious, I'm bound to say that I don't think they can*

be very nice people.' (W. S. Maugham. *The footprints in the jungle*);

3. **Преуменьшение отрицательного качества** с помощью лексических средств. В английской речи с этой целью используют, к примеру, наречие *a little*. Героиня, осуждающая мужа, характеризует его для себя как немного нелюбезного (*a little unkind*), а его поступок по отношению к ней немного несправедливым (*a little unfair*):

(326) *For a little while Dorris did not speak. She was surprised at her husband's tone. He spoke as though all this were no concern of hers. She thought him a little unkind.* (W.S. Maugham. *The force of the circumstances*);

(327) *'Don't you think it was a little unfair to me to bring me out here in the circumstances?'* (W. S. Maugham. *The force of the circumstances*)

Полагаем, что в примерах (326) и (327) наречие *a little* выступает не в качестве определения размеров проступка, а в качестве характеристики языковой личности героини, не склонной к категоричным оценкам в адрес своего мужа.

В русском примере из художественной речи вину объекта оценки уменьшает эвфемистическая подмена глагола:

(328) *Потякин предлагал списать весь шатер, чтобы он нигде не числился, потом плохие выкинуть. Хорошие продать как хорошие, а деньги взять себе.*

– Ворует, что ли? – догадалась я.

– Мошенничает, – поправила Лида.

Мошенник – это промежуточное состояние между честным и вором. Это еще не вор, но уже нечестный человек. (В. Токарева. *Извинюсь. Не расстреляют*);

4. Указание **на недостаток хорошего качества**, отсутствие качества, достойного одобрения. Этот прием нередко используется в дискурсе СМИ. Описывая совершенно абсурдную ситуацию, журналист в конце сдержанно характеризует ее как «не очень нормально»:

(329) *Датчане, например, ездят за пивом в Германию – спиртное там невыносимо дорого. Причем есть такой хитрый трюк – в приграничных герман-*

ских магазинах датское же пиво продают только датчанам и по паспорту, но по местным ценам. А сами немцы его купить не могут. Зубы они лечат в Венгрии. Потому что стоматология не входит в страховку, а цены на пломбы совершенно непристойные. Латыши создают огромные пробки на границе с Россией, куда ездят покупать бензин. А русские ездят за одеждой и обувью в Европу – намного дешевле, но уже по другим причинам.

Все это как-то не очень нормально. (Известия. – 2013. – 20 июня)

В английской речи указание на недостаток хорошего качества может реализовываться с точки зрения языковых форм выражением *not enough* (недостаточно) в сочетании с соответствующим качеством, а также глаголом *lack* (испытывать нехватку/недостаток). Показательный пример – заголовок статьи из спортивного раздела, сочетающий в себе названные языковые формы:

(330) *We were not good enough! Upset Connor concedes relegated Wolves lacked quality* (The Daily Mail. – 2013. – 22 апреля)

Важно отметить, что лингвистический контекст влияет на то, звучит ли конкретное выражение как смягчающее или усиливающее категоричность высказывания. Если в примере (330) *lacked quality* указывает на недостаточно качественный уровень игры спортсменов, но не отрицает его существование, то в примере (331) выражение *staggering lack of understanding* (поражительная нехватка понимания) фактически означает отсутствие этого понимания:

(331) *The Bank, which seems to be rewriting history, is trying to justify its policy of pumping more money into the economy.*

In doing so, it has provided us with a convenient set of facts – but also demonstrated a staggering lack of understanding of the real crisis threatening pensioners' retirements. (The Daily Mail. – 2012. – 28 августа);

5. **Рефлексивы**, эксплицитно выражающие цель автора придать своим словам менее резкую форму, одновременно ука-

зывая на недостаточную жесткость фактически используемой номинации. Таков, к примеру, рефлексив *мягко выражаясь*, который использован автором, чтобы показать недостаточную жесткость номинации *случайные люди*:

(332) *Из интервью с И. Кобзоном.*

Или вот другой сюжет: на сегодняшний день я самый титулованный российский артист, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» всех степеней, академик, профессор, депутат Госдумы. Но выясняется, что я «рожей не вышел», дабы быть приглашенным на кремлевский прием в честь Дня России. На следующий после праздника день встретился с президентом страны на мероприятии в Еврейском центре толерантности и сказал ему: «Очень сожалею, Владимир Владимирович, что не смог вас поздравить вчера в Кремле с Днем России». Он спросил: «Почему?». Я ответил: «Потому что не пригласили». Это тоже наводит на грусть. Там было очень много, мягко выражаясь, случайных людей. (Известия. – 2013. – 27 июня)

Подобный пример английской речи позволяет увидеть употребление в ситуативном и языковом контексте выражения *to put it mildly* (мягко говоря). Судья, комментируя принятое решение, выражает осуждение в адрес полицейского, который своевременно не отреагировал на вызов, и называет фактическую ситуацию «мягко говоря, неудовлетворительной» (*lamentable, to put it mildly*):

(333) *Following the verdict on Wednesday, Judge Enright said: 'This case concerns a young lady with complex mental health difficulties, a fact apparent within a few seconds of speaking to her.*

'She alleged that a serious sexual assault had taken place. At 4.49pm she called police and provided full details. No officer attended.

'At 5.19pm she called police again and informed control that she had just seen her assailant. No officer attended <...>

'No officer attended until seven minutes to four in the morning. These facts are lamentable, to put it mildly.' (The Daily Mail. – 2013. – 11 июля)

Вариантом рефлексива может считаться и **просьба о прощении**, используемая как вставная конструкция. В примере (334) автор просит прощения за то, что вынужден обвинять собеседника в невежестве:

(334) – Не вижу я этого! – искренне уверял Гриша. – И не вижу, чтобы рулили дураки. Я вижу, что у меня впервые президент, за которого мне не стыдно. Он не пьет, не стреляет по парламенту и знает языки. А у вас принцип двоечника, вы простите, конечно: когда в школе бардак и директор запил, ему гораздо спокойнее. А сейчас директор не пьет и школу не раскрадывают, а значит, могут вызвать к доске. Вот и считайте, что вас – нас – вызвали к доске. Не двойку получать и не пороть, а реально спросить, что и как вы думаете... (Д. Быков. Списанные);

6. Выражение сожаления по поводу того, что есть причина осуждать или обвинять. Этот прием широко используется в публицистике. Заголовок статьи в английской газете сообщает о том, что Британия вновь стала мировым лидером. Комментарий в скобках меняет звучание на противоположное, придавая заголовку обвинительный характер – «к сожалению, это лидерство в потреблении алкоголя»:

(335) At last, Britain's a world leader again (unfortunately it's in drinking alcohol). (The Daily Mail. – 2011. – 18 февраля)

В другом английском примере глава британского представительства организации Амнистия Интернешнл выступил с обвинением в адрес судебной власти России, вынесшей посмертный приговор С. Магнитскому. Автор высказывания называет приговор верхом абсурда (*the height of absurdity*), полным фарса (*farcial*) и глубоко порочным (*deeply sinister*). *Unfortunately* маркирует отношение автора к происходящему:

(336) Amnesty International UK's head of policy and government affairs Allan Hogarth said: "Today's verdict is the height of absurdity."

“The posthumous prosecution was always farcical, but unfortunately also deeply sinister.

“The trial of a deceased person and the forcible involvement of his relatives has set a dangerous precedent that could open a whole new chapter in Russia’s worsening human rights record.” (The Independent. – 2013. – 11 июля)

В русском примере художественный руководитель театра косвенно обвиняет некоторых артистов своего театра в иждивенчестве, одновременно выражая сожаление по поводу сложившейся ситуации:

(337) – Театр – жестокое дело. К сожалению, в советское время у многих было воспитано чувство иждивения. Люди, которые получили звания за прошлые заслуги, возмущаются увольнением, говорят: «Мы же столько для театра сделали». Да, сделали, и это вызывает всяческое уважение. Но сегодня работать на уровне вы уже не можете, – констатирует г-н Урин. (Известия. – 2013. – 9 июля)

Отрицательно оценивая ситуацию в российском футболе и обленившихся игроков, известный тренер высказывается об этом с сожалением:

(338) Прославленный игрок «Спартака» и сборной России Александр Мостовой с сожалением отметил, что в современном футболе практически все решают деньги, что зачастую мешает футболистам прогрессировать в профессиональном плане.

– Очень жаль, что практически все и всегда в современном футболе решают деньги, – поделился своим мнением с «Известиями» Мостовой. – Футболисты просят большие зарплаты, получают огромные бонусы, и постепенно профессиональная мотивация сменяется на финансовую. Желание расти и прогрессировать зачастую отходит на второй план, так как можно получать большие деньги по контракту и сидеть себе спокойно на скамейке запасных. (Известия. – 2013. – 30 июня)

Средства смягчения осуждений и обвинений в русской и английской лингвокультурах и ситуации их применения обнаруживают практически полный параллелизм, что позволяет говорить об универсальных принципах построения речевых жанров «осуждение» и «обвинение» в двух лингвокультурах и отсутствии прямого соответствия между стереотипными коммуникативными нормами и современными речевыми проявлениями в разных сферах функционирования языка.

3.6. Национальная специфика отрицательных самооценок в русской и английской речи

3.6.1. Ирония отрицательных самооценок в английской лингвокультуре

Отрицательно-оценочные высказывания, направленные на первое лицо, обнаруживаются как в русском, так и в английском речевом общении, хотя такую черту этикета как взятие вины на себя В. И. Карасик приписывает исключительно английскому стилю поведения: «Важной этикетной характеристикой англоязычного стиля общения в конфликтной ситуации является взятие вины на себя. Эта стратегия выражается фразой “It’s my fault”. Если человек в чем-либо виноват, он стремится сразу же признаться в этом партнеру. Логика такого общения ведет к тому, что второй участник коммуникации сразу же говорит, что он тоже виноват. Конфликт оказывается смещенным в безопасную сферу соревнования в великодушии. Эта стратегия сублимации конфликта составляет английский стиль поведения» [71, с. 105].

Насколько популярна игра в великодушие в Британии, можно оценить, посетив страницу юмористического сайта URL: <http://onestophumour.com/picture-6960-british-peopleproblems.html>. На ней в шутливой форме с фотографиями представлен список из кратких описаний 21 ситуации, которые

смущают англичанина и в которых он чувствует себя не в своей тарелке, но которые не может изменить, боясь обидеть собеседника и причинить ему моральный вред. Несколько показательных примеров:

– *Having my haircut, the barber said 'Is that alright?' I nodded. It wasn't.* – Закончив стрижку, парикмахер спросил меня: «Нормально?» Я кивнул. Было ненормально.

– *I said 'thank you' as a warden handed me a parking ticket.* – Я сказал «спасибо», когда инспектор протянул мне квитанцию для оплаты штрафа за парковку.

– *I apologise for not smoking when someone asks me for a light.* – Я прошу прощения за то, что не курю, когда кто-нибудь спрашивает у меня зажигалку.

Во всех представленных ситуациях просматривается готовность англичан принять все неудобства на себя ради сохранения комфорта окружающих. Очевидно, самообвинения – одно из проявлений этой готовности. Действительно, стратегия самообвинения реализуется в английской речевой культуре на самых разных уровнях – от бытового до государственного. В английской газете нам встретилось описание курьезной ситуации, когда Премьер-министр Дэвид Кэмерон и его жена Саманта, возвращаясь домой на разных машинах, забыли в пабе восьмилетнюю дочь. Поскольку свидетелями этой ситуации стало достаточно много людей, публичного объяснения было не избежать, и Саманта принимает вину на себя, заявляя: «Это была моя вина. Я собрала перчатки, шапки, но забыла проверить туалет, где она (дочь – Т.Д.) находилась»:

(339) The Prime Minister was driven back to Chequers, which is two miles from the pub, with protection officers in one car, while Mrs Cameron drove their other children in another.

Mr Cameron presumed that Nancy was in the car with his wife, while she thought that their daughter had jumped in with the Prime Minister.

But when they arrived at Chequers, they realised Nancy was no where to be found and Mrs Cameron rushed back to the pub to pick her up.

Mrs Cameron said: 'It was my fault. I was doing a sweep of gloves, hats, and I forgot to sweep the loos where she was.'

She collected her daughter from the pub 15 minutes later to find her happily helping out the pub staff. (The Daily Mail. – 2012. – 6 августа)

Представляется, что в данной ситуации взятие вины на себя позволяет Саманте спасти не только лицо мужа, но и свое лицо: эксплицитное признание вины звучит гораздо лучше, чем жалкие оправдания. Более того, супруги Кэмероны с истинно английской самоиронией впоследствии обыгрывают проишествие. Так, Дэвид Кэмерон шутит, будто его дочь хочет стать олимпийской чемпионкой, чтобы уметь догнать семейное авто в следующий раз, когда ее забудут в пабе:

(340) The incident has since become a running joke, with the Prime Minister recently quipping that his daughter Nancy wants to be an Olympian so that she can run after the family car next time she's left in the pub. (The Daily Mail. – 2012. – 6 августа)

Саманта в свою очередь сообщает в одном из интервью, что с четырьмя детьми она ничего не помнит и полагается на списки дел:

(341) In an interview with Vogue magazine, Mrs Cameron admitted she relies on lists to help her remember things, adding: 'After four children, I forget everything.' (The Daily Mail. – 2012. – 6 августа)

Ироничную тональность обыгрывания курьезной ситуации поддерживают и хозяева злополучного паба, вывесив в заведении объявление, которое гласит «Когда вы уходите, пожалуйста, убедитесь, что вы забрали с собой всех своих детей»:

(342) The couple's local Swan Pub, near his country retreat at Chequers, now has a poster which says 'Please ensure you have all your children with you when you leave'. (The Daily Mail. – 2012. – 6 августа)

Самообвинение, вероятно, может рассматриваться как речевое проявление такой национальной английской ценности, как скромность (modesty), и такой черты английского национального характера, как самоуничижение (self-deprecation).

К этим характеристикам обращается известный английский антрополог и автор работ об англичанах как нации Кейт Фокс [196]. К. Фокс пишет: «По своей натуре англичане не более скромные, чем остальные народы, но у нас есть строгие правила проявления скромности, включая запрет на хвастовство и любую другую форму собственной значимости, а также правила, настоятельно предписывающие самоосуждение и самоиронию. Скромность представляет большую ценность для нас, мы стремимся к скромности» [196, с. 408]. Однако, что для нас важно, исследовательница отмечает особые свойства английской скромности и английского самоосуждения: «Та скромность, которую мы демонстрируем, зачастую фальшива, или, если выразиться помягче, иронична. Наше знаменитое самоосуждение – это форма иронии – произнесение высказываний, по смыслу прямо противоположных тому пониманию, которого хотим добиться от людей, или содержащих намеренное преуменьшение. Это своего рода код: все знают, что самоосуждение, возможно, имеет смысл, прямо противоположный сказанному, или содержит сильное преуменьшение, и восхищаются как достижениями или способностями говорящего, так и его нежеланием трубить об этом» [196, с. 408].

Наблюдения К. Фокс не только проясняют природу английских отрицательных самооценок, но и помогают понять различие между английскими самообвинениями/самоосуждениями и соответствующими жанрами в русской речевой культуре, имеющими совершенно иное смысловое наполнение.

3.6.2. Моральное «самобитье» в русской лингвокультуре

В русской речи нет недостатка в самообвинениях, взятии вины на себя. Причем взятие на себя вины нередко сопровождается тем, что А. Вежбицкая называет жестом морального битья себя в грудь [14, с. 82]. Таким жестом автор отрицательной самооценки обвиняет себя в сложившейся неблагоприятной ситуации и приписывает себе отрицательные качества, поступки,

указывающие на его моральную низость, деградацию. Автор высказывания в следующем примере эксплицитно обвиняет себя в том, что в принципе с трудом поддается внешнему контролю. Влюбленность героя представлена в высказывании как результат неверных действий автора самооценки. Автор не оправдал чужого доверия (*вы же доверили*) и поэтому заслуживает морального осуждения:

(343) – *Алеша, к несчастью, тоже так думает.*

И влюбился в нее!

– *Влюбился? Алеша?*

– *Как безумный! Представьте себе... И это моя вина. Вы же доверили мне... Не доглядела!*

(А. Алексин. *Диагноз*)

В число русских существительных, выражающих категорические моральные суждения, А. Вежбицкая включает слова *подлец*, *мерзавец* и *негодяй* [14, с. 79]. Надо сказать, что именно этих номинаций в нашем материале нет, но есть другие, также имеющие характер обобщающей моральной оценки. Таково существительное *подонок*:

(344) *Он. Я сломал тебе жизнь.*

Она. Вовсе нет.

Он. Я подонок. Я недостойн тебя. (М. Арбатова. «Дранг нах вестен»)

Первое высказывание героя представляет собой самообвинение, признание факта совершения им отрицательно оцениваемых поступков. Второе высказывание связано с оценкой своей личности с точки зрения категорий морали и нравственности. «Подонок» – это общая характеристика личности, «ничтожный, вызывающий пренебрежение человек» [110, с. 540].

Эмоциональные самообвинения могут содержать зоонимы, которые также не указывают на какой-то конкретный недостаток, а дают общую низкую оценку человеку с точки зрения морали:

(345) – *<...> Я только хочу сказать, что сейчас не время. Понимаешь? Не нужно сейчас надолго уходить из дома. Я свинья, конечно, тебе со мной скучно, я занят только собой и все понимаю. Честное слово, я постараюсь... (Д. Быков. *Эвакуатор*)*

Другой пример – рассказ-откровение с психологического форума (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинальных высказываний на форуме):

(346) Я, мягко говоря, козел. Я две недели назад ударил девушку. Для меня она – это 90 % моей жизни. Но так случилось... Я был выпимши. Она тоже чудила в тот вечер, и вот я, не успев ничего сообразить, в процессе ссоры ударил ее кулаком в лоб. Не сильно. Но это стало концом наших отношений. Она в силу характера такого не простит. Может кто-то умный и поживший подскажет мне как можно вернуть то, что было до? Или как сделать что-то после (URL: <http://www.askguru.ru/list.ghtml?ID=480060>)

Отметим, что в обоих случаях – и в ситуации применения мужчиной физической силы (346), и менее драматического недостатка внимания со стороны мужа (345) – моральное самобичевание предшествует демонстрации попыток исправления (*я постараюсь; как сделать что-то*), что приводит к весьма любопытному эффекту. Фактически, обвиняя себя в аморальных поступках, авторы стремятся избавиться от чувства вины и убедить адресата в том, что на самом деле они не такие плохие. О перлокутивном эффекте высказывания (346) можно судить по одной из реакций в форуме:

(347) То, что ты себя оцениваешь таким эпитетом, говорит о том, что прогресс пошел. Пить бросай, переоцени ценности и отношение к людям, вырасти духовно и пойми, что настоящая сила в словах и поступках, а не в кулаках. Вообще, изменись и постарайся перемены в себе донести до своей девушки. Может быть поймет и простит. Хотя я лично, в такие перемены не верю. Если гнильца в человеке есть, то это надолго.

(URL: <http://www.askguru.ru/list.ghtml?ID=480060>)

Во-первых, отвечающий отмечает использование автором по отношению к себе самому зоонима и воспринимает это как хороший знак (*прогресс пошел*). Во-вторых, отвечающий делает акцент на моральных ценностях (*переоцени ценности, вы-*

расти духовно), а значит, посыл морального самобичевания был распознан так, как этого хотел автор.

Жест морального самобичья может приобретать обобщающий характер, когда автор выносит оценку не только себе самому, но и в целом всему социуму, частью которого он является. Н. Сванидзе, обсуждая проблемы национальной политики, говорит о своей как представителя СМИ ответственности за текущую неблагоприятную ситуацию:

(348) К сожалению, к той же агрессии, к тому же поиску врагов склоняет очень часто и госпропаганда <...> Но тем не менее это льется, в том числе с экранов наших федеральных каналов... Я вынужден это констатировать, не снимая никакой ответственности ни с себя, ни со своих коллег. То, что говорится, и то, что называется часто патриотической пропагандой, очень часто имеет конфронтационный характер и тоже склоняет к поиску виноватых в том, что мы живем не так, как нам хотелось бы. Это безответственная линия, потому что виноватых нужно искать прежде всего в себе самих, а главным образом – в себе самом. (КП. – 2010. – 24 декабря)

Другим примером обобщающего самообвинения представляется нам рассуждение режиссера Алексея Балабанова о «нас сегодняшних»:

(349) ...Вряд ли возвращение к царизму возможно. Много чего изменилось. А главное – изменились мы. Я много читал о людях в дореволюционной России. В частности, о Николае II. Пожалуй, основное отличие тех, кто жил тогда, от нас сегодняшних – невероятное, огромное человеческое достоинство. Мы потеряли это качество. Люди России XVIII–XIX вв. отличались еще тем, что искренне верили в Бога. Они не боялись умереть. Были готовы жервовать собой. Сейчас я таких людей не вижу. Видимо, их всех перебили. Или уехали они. (Аргументы и факты. – 2009. – № 9)

В своих рассуждениях режиссер противопоставляет не себя всему остальному обществу, а все современное общество

дореволюционному. Подвергая критике качества современных людей, он в полной мере причисляет себя к последним, несколько раз маркируя эту включенность инклюзивным *мы* (*изменились мы, нас сегодняшних, мы потеряли*).

В отношении русских самообвинений не приходится говорить об иронии как их типичном компоненте, хотя, как видно, в некоторых случаях и русские самообвинения не лишены некоторого лицемерия. Однако более типичным для русских самообвинений является жест морального самобичевания, попытка разобраться в себе и оценить свои поступки с точки зрения моральных норм и ценностей.

3.7. Отрицательные оценки на основе «судейского комплекса» в русской лингвокультуре

Значительное количество отрицательных оценок в русской речи построено с опорой на категории морали и нравственности, что позволяет говорить о значительном влиянии на жанры осуждения и обвинения «судейского комплекса». Об этой черте русского национального менталитета мы писали в разд. 3.2.1. Напомним, что ««судейский комплекс» – это апелляция к некоторым эталонам и нормам поведения, значимым для всех, а потому для данных лиц объективным; это – элиминирование при вынесении оценки собственных чувств, расчетов и ссылок на пользу» [72, с. 235].

В материале русской речи обнаруживаем большое количество осуждений и обвинений на основе «судейского комплекса», т.е. с точки зрения нравственных норм поведения, принятых в обществе. Отличительной характеристикой таких жанров является то, что моральные нормы эксплицитно сформулированы в виде сентенций-поучений:

(350) ... Долго Гриша был по-монастырски безмолвен, непрерывно пекся о нас – и тем искупал мнимый свой грех. Но если при нем напали на человека, он внезапно обнаруживал голос:

– Обижать человека стыдно! А его до того заобижали, что он и обиду-то ощущать перестал... (А. Алексин. Отец и дети);

(351) – А где ваша кошка? – спросила старушка.

– Я ее обратно отнес, – ответил Климов...

– Куда? – не поняла старушка.

– На дорогу.

– Вы бросили ее на дороге? – удивилась старушка.

– А куда я ее дену? – в свою очередь удивился Климов.

– Что значит «дену»? Вы говорите о живом существе, как о вещи...

Климов перестал есть.

– Я не понимаю, что вас не устраивает? То, что я накормил голодную кошку?

– Если вы начали принимать участие в другой судьбе, то вы должны участвовать до конца. Или не участвовать совсем. (В. Токарева. Кошка на дороге);

(352) – Почему вы ходите сквозь людей, как звезда эстрады? Вы же врач, а не певица. Они же вас ждут. У них больные дети.

– Это детская больница. И естественно, что здесь лежат больные дети. Дети болеют. И даже умирают. И детская смертность входит в профессию. Вы хотите, чтобы я стоял и вытирал всем слезы?

– Да. Хочу. Родители неправы. Я хочу милосердия. А вы жестоки. И это безнравственно. (В. Токарева. Длинный день)

Формулировка моральной нормы может иметь вопросительную форму, и в таком случае очевидный и единственно правильный для говорящего ответ на этот вопрос является защищаемым суждением:

(353) – Разве можно не ценить людей, которые уже сыграли свою роль, выполнили, так сказать, свою функцию? – продолжал папа. – Так, простите, и

мать с отцом недолго вычеркнуть из памяти. Они ведь тоже выполнили свои функции: родили нас, подняли на ноги. Оглянуться назад – вовсе не значит отступить! (Лукьянов продолжал не узнавать его). А Виктор Макарович мог бы еще долгие годы исполнять свою роль. Назвать его «пройденным этапом»?!
(А. Алексин. Чехарда)

Очевидный ответ на поставленный вопрос: Нельзя не ценить людей, которые уже выполнили свою функцию.

К теме нравственных ценностей и морали постоянно обращаются журналисты и те, кто получает возможность высказаться в СМИ о проблемах современного российского общества. Кроме того, пресса ретранслирует ряд высказываний первых лиц страны. Эти суждения также имеют форму сентенций, построенных на основе моральных категорий «честь», «стыд», «совесть», «приличие»:

(354) Дело чести для депутатов – ограничиться минимальной заработной платой. Они должны переживать кризис вместе со всей страной. (КП. – 2009. – 3 марта);

(355) – А вы кому бы зарплату снизили?

– Горе-писателям, которые штампуют дурные романы о сексе и бандитах. В стране, где жил Пушкин, стыдно такое продавать и читать. (КП. – 2009. – 3 марта);

*(356) – Член комитета Государственной думы по обороне Франц Клинецвич выразил сомнение в том, что Сердюков нарушил закон при выплате премий, но отметил, что такое поведение было **недопустимо** для министра.*

– Это бессовестные люди. Когда боевые офицеры находятся в бою, не вылезают со службы, когда семья не устроена, дети не устроены, чиновники получают такие бонусы, это просто неприлично, – пояснил Клинецвич. – Но, к сожалению, эти люди считают, что они эти премии заслужили. Хотя по большому счету они грабили страну, изыскивая воз-

возможности получения дополнительной прибыли. (Известия. – 2013. – 11 июня);

(357) – Недавно у нас на шахте было задымление, а в прессе прошло сообщение, что случился пожар. И будто бы 30 человек обожжено, более 70 погибли. После этого полдня пришлось отвечать на звонки родственников, – рассказывал один из шахтеров. – Почему такая дезинформация и что с этим делать?

Поделаться ничем было нельзя, и Дмитрий Анатольевич честно это признал.

– Бессовестные люди, конечно, – посетовал он. – Но за руку не поймаешь. И повлиять я на это никак не могу. (Известия. – 2012. – 6 августа)

Кроме того, что оценки на основе «судейского комплекса» апеллируют к моральным категориям, в них нередко задействованы средства выражения деонтической модальности, т.е. модальности долженствования. Это вполне закономерно, поскольку говорящий исходит из определенных представлений о нормах и ожидает от окружающих поддержания этих норм. Среди показателей деонтической модальности – лексические единицы *должен, можно, недопустимо* (см. примеры (351), (353), (354), (356)). Эти лексические показатели, однако, не обязательны, и долженствование может выразиться иными, более развернутыми способами:

(358) – Кажется, «АиФ» писал, что чиновники придумали для себя какой-то негласный моральный кодекс. Почему бы им не внести пункт о том, что государственный муж не имеет морального права занимать свое место, если на него пало подозрение в нарушении закона? Или мы рискуем вообще тогда без чиновников остаться? (Аргументы и факты. – 2009. – № 9)

Важность моральных категорий для русской лингвокультурной общности подтверждается тем фактом, что даже в тех ситуациях, где очевидно нарушение закона, автор осуждения или обвинения нередко выводит на первый план моральный аспект проблемы. В следующих примерах из художественной и

разговорной речи подход к воровству осуществляется с позиций морали и совести:

(359) – *Учтите, на Привозе можно ходить, только прижимая сумку к груди. У нас все воруют. Чашу в костеле украли! Я, правда, неверующая, но это же вообще, чтоб не было совести ни капельки! Это же не в райкоме воровать! – риторически излагала другая соседка по столу. (Арбатова М. На фоне Пушкина...и птичка вылетает...);*

(360) А. *Слушай, это ведь они из общаги стындили тумбочку.*

Б. *Не знаю.*

А. *Вон на ней инвентарный номер. Нашли че стындить, какую-то тумбочку.*

Б. (со смехом) *Да, какую-то тумбочку ужасную.*

А. *Господи, хоть бы постыдились обворовать родной институт. (PPP P3)*

Проведенный анализ речевого материала позволяет утверждать о значительном влиянии на осуждения и обвинения в русской лингвокультуре «судейского комплекса», черты национального характера, предполагающей приоритет моральных ценностей и норм и построение оценочных суждений исходя из них.

3.8. Выводы

Осуществляя лингвокультурологический подход к речевым жанрам «осуждение» и «обвинение» в русской и английской речевых культурах, мы выявили, что несмотря на специфику двух менталитетов и типов коммуникативного поведения данные речевые жанры имеют общие характеристики. В зависимости от ситуации, отношений между коммуникантами и мотива говорящий может использовать ряд средств для усиления резкости и категоричности жанра или, наоборот, для смягчения негативности.

Эмоциональность, свойственная как русским, так и английским осуждениями и обвинениям, выражается в обеих линг-

вокультурах идентичными языковыми средствами, в числе которых глаголы-квалификаторы и предикатные группы с эмоциональным значением, метакоммуникативные средства со значением выражения авторского эмоционального восприятия ситуации, лексические номинации со значением крайней степени эмоционально-отрицательной оценки. В обеих лингвокультурах степень эмоциональности осуждений и обвинений в прессе определяется журналистским жанром – авторы-колумнисты выражают оценки более эмоционально. Эмоциональность характерна и для высказываний третьих лиц, цитируемых в прессе. Английские осуждения и обвинения, подобно русским, могут иметь восклицательную форму.

Средства усиления категоричности осуждений и обвинений обнаруживают значительные соответствия в обеих речевых культурах на всех уровнях анализа: тактическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом. С другой стороны, параллельны в двух лингвокультурах и средства категории вежливости, применяемые для сглаживания остроты отрицательных оценок. В связи с этим невозможно утверждать, что только английская речевая культура стремится придать осуждениям и обвинениям сдержанную и корректную форму. Напротив, можно говорить о существовании универсальных принципов организации речевых жанров в двух лингвокультурах и отсутствии прямых соответствий между национальным характером, стереотипными коммуникативными нормами и фактическими речевыми проявлениями.

В качестве национально-специфических характеристик осуждений и обвинений выступают ирония английских самообвинений и жест морального самобития русских самообвинений. Одинаковые с точки зрения лингвистической формы русские и английские отрицательные самооценки получают разную интерпретацию в контексте разных культур.

Ярким проявлением русского менталитета являются осуждения и обвинения, основанные на «судейском комплексе». Их автор отбрасывает в сторону собственные интересы и оценивает ситуацию с позиций справедливости и нравственности, выдвигая на первый план моральный аспект проблемы даже в том случае, когда речь идет о нарушении закона.

Заключение

Анализ речевых жанров «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах показал, что они представлены в разных сферах общения, включая разговорную, художественную и публицистическую речь. Осуждения и обвинения принадлежат к одной группе речевых жанров, оценочной, поскольку их авторам свойственна оценочная позиция по отношению к объекту оценки. Оценочная позиция автора нередко подкреплена его более высоким статусом по отношению к объекту оценки, а для осуждений и обвинений в публицистическом дискурсе важна компетентность автора оценки в обсуждаемом вопросе. Вовлеченность автора может приобретать эмоциональный характер, что получает языковое выражение как в самом высказывании, в том числе посредством экспрессивной лексики и ряда стилистических приемов, так и в соответствующих жанрам ремарках-квалификаторах.

Близость осуждений и обвинений обнаруживается при толковании семантики глаголов речи со значением «осуждение», «обвинение». Как в русском, так и в английском языке семантические поля «осуждение» и «обвинение» хотя и не совпадают полностью, но являются взаимопроникающими.

Осуждения и обвинения формируются в однотипных ситуациях и связаны общими мотивами, к которым относятся:

- 1) желание изменить самочувствие объекта оценки;
- 2) желание изменить действия объекта;
- 3) стремление дать выход отрицательным эмоциям;
- 4) стремление информировать об отрицательной оценке;
- 5) попытка найти оправдание своим действиям, защититься от нападок.

Исключение составляет мотив обличения, свойственный только обвинениям. Во всех функциональных сферах русской и английской лингвокультур объектами осуждений и обвинений могут являться 1, 2, 3-е лица, их действия и результаты этих действий, внешние и внутренние качества, мнения и т.д. Эти признаки не являются жанроразличительными.

В то же время осуждения и обвинения не являются абсолютно синонимичными жанрами. Различие между ними состоит, прежде всего, в том, что осуждение представляет отрицательную оценку референтной ситуации, истинность которой не оспаривается и составляет пресуппозицию высказывания. В осуждениях в фокусе высказывания – оценка некоторого факта: действий, их результатов, внешнего вида, идей, мнений, предметов. Осуждения устанавливают связь между субъектом оценки с его субъективной точкой зрения и некоторым явлением, существование которого не ставится под сомнение. Однако в манипулятивных целях, особенно в дискурсе СМИ, осуждения могут быть построены на ложных пресуппозициях, и тогда автор высказывает неодобрительное мнение о необоснованно приписываемых объекту оценки действиях.

Обвинение приписывает объекту оценки совершение некоего социально осуждаемого действия (деликта). Прагматическую пресуппозицию обвинений составляет неодобрительное отношение автора высказывания к факту, приписываемому объекту оценки (т.е. осуждение). В обвинениях говорящий делает акцент на связи негативных действий, ситуаций, характеристик, идей, предметов с объектом оценки.

Осуждение в большей степени тяготеет к морально-этической сфере, что проявляется в языковой форме осуждений, в апелляции к категориям морали и нравственности. Обвинение тяготеет к социально-правовой сфере: названия деликтов обозначают социально признанные проступки.

Наборы тактик, свойственные жанрам, также свидетельствуют о различиях между осуждениями и обвинениями. Жанр «обвинение» имеет более богатый набор тактик с более узнаваемой, эксплицитной языковой формой. К тактикам обвинения относятся эксплицитное предъявление вины, перформативное предъявление вины, обобщение, предъявление вины на будущее, предъявление некоторого ряда деликтов, предъявление вины под видом демонстрации хорошего отношения, предъявление вины через демонстрацию последствий деликта, предъявление вины через указание на правильное действие как альтернативу неправильному, предъявление вины в отвлеченной от адресата форме. Тактики речевого жанра «осуждение»

включают эксплицитное выражение неодобрения, неодобрение со ссылкой на Бога или обращением к Всевышнему, неодобрение чьих-то действий в сравнении с собственными хорошими, выражение неодобрения со ссылкой на собственные ощущения. Однако в живой речи тактики обвинений и осуждений часто комбинируются в рамках одного высказывания, что способствует образованию достаточно обширной зоны диффузных между осуждениями и обвинениями речевых жанров, совмещающих в себе черты тех и других. Это затрудняет классификацию некоторых высказываний как осуждений или обвинений.

Реакции на осуждения и обвинения имеют ряд общих типов. Такими реакциями являются оправдание, указание на незначительность проступка, поддержка осуждения/обвинения, молчание как коммуникативно значимый акт. Параллелизм обнаруживается между реакцией на обвинение в виде непризнания вины и несогласием с оценкой как реакцией на осуждение. Кроме того, обвинения вызывают ряд специфических реакций: непризнание вины, признание вины в ограниченном объеме, ответное обвинение, попытку запретить обвинение, просьбу о прощении, прекращение коммуникации, поддержку обвиняемого, иную интерпретацию фактов. Обвинение как более интенсивный по воздействию жанр порождает более сильные ответные реакции с ярко выраженной конфликтной подоплекой.

Таким образом, основными жанроразличительными признаками можно считать тип оценки, наборы тактик и типы реакций. Для решения проблемы жанроразличения целесообразно применять понятие жанрового поля, в центре которого находятся РЖ со всеми характерными для него признаками, а периферию занимают такие РЖ, набор характерных признаков которых не является полным. Чтобы быть квалифицированным как обвинение или осуждение, речевой жанр должен иметь соответствующий жанру тип оценки и быть реализован с помощью типичных для данного жанра тактик. Тип реакции дополняет в значительной степени общую картину. В случае смешения признаков осуждений и обвинений в рамках одного высказывания речевой жанр следует отнести к диффузной между двумя жанрами зоне.

Осуждения и обвинения в различных типах дискурса имеют свои особенности. Для осуждений и обвинений в разговорной и художественной речи характерно внимание к бытовым деталям, что позволяет выделить в качестве оснований предметы, связанные с объектом оценки, и его внешность. В разговорной речи значительно чаще, чем в публицистике, нарушаются правила этики общения, и поэтому распространены различные типы пейоративов.

Чертой, свойственной только публицистике, является сложная структура субъекта оценки, образованная несколькими типами авторов. В число субъектов оценки в газетном дискурсе входят не только непосредственно журналисты, но и третьи лица, представляющие компетентное мнение, а также читатели, высказывающие свои оценки в специальных рубриках газет и на форумах изданий. Так как публицистика рассматривает проблемы общества в целом, а адресатом является массовый читатель, ее влияние на межличностные отношения минимально. Поэтому мотив «желание изменить самочувствие адресата» не выделяется в качестве самостоятельного, а является частью в составе мотива «желание предать гласности отрицательную оценку». Условия публичной коммуникации вынуждают журналистов, авторов публицистических текстов, соблюдать правила этики и исключают использование ими общих и субъективных пейоративов. Однако в текстах СМИ встречаются ретрансляции слов третьих лиц, применяющих пейоративы в своих оценочных высказываниях.

Лингвокультурологический анализ осуждений и обвинений в русской и английской речевых культурах показал, что несмотря на существенную специфику русского и английского менталитетов исследуемые речевые жанры обнаруживают универсальные характеристики. В обеих лингвокультурах в зависимости от прагматических факторов (ситуации общения, отношений между коммуникантами, мотива, сферы использования языка) говорящий применяет ряд средств для усиления резкости и категоричности жанра или, наоборот, использует средства категории вежливости для смягчения негативности. Средства усиления категоричности и остроты звучания осуж-

дений и обвинений, а также средства смягчения этих жанров имеют соответствия в обеих лингвокультурах.

Национально-культурная специфика осуждений и обвинений проявляется в разных импликатурах отрицательных самооценок. Тогда как английские самообвинения предполагают большую долю лицемерия и самоиронии, что фактически превращает их в акты коммуникативного кокетства, русские отрицательные самооценки построены на попытках серьезного самоанализа, «самокопания» и потому получают в научной литературе обозначение «морального самобитья».

Наиболее ярко русский менталитет проявляется в речевых жанрах «осуждение» и «обвинение», основанных на «судейском комплексе» и не имеющих прямого соответствия в английской речи. Автор таких оценок опирается не на собственные интересы, а на понятия справедливости и нравственности. Моральная сторона вопроса рассматривается как первостепенная даже в тех случаях, когда речь идет о нарушении закона.

Как нам видится, перспективы изучения речевых жанров «осуждение» и «обвинение» связаны с рассмотрением особенностей этих жанров в институциональной сфере, в частности в сфере юридической. Целый ряд создаваемых в юридической сфере документов и устных высказываний можно классифицировать как образцы обвинений и осуждений. В исследовании, посвященном речевому поведению русских и английских судей, в качестве одного из аспектов мы рассматривали отрицательную оценочность в судебных решениях и приговорах [51]. Попытки описания обвинительных заключений и речей прокурора с жанровой точки зрения были сделаны нами в [49]. В то же время существует еще целый ряд юридических жанров, которые представляют собой институциональные варианты осуждений и обвинений и которые не были рассмотрены в научной литературе. Фрагментарные исследования юридических осуждений и обвинений не образуют общей картины функционирования указанных жанров в данной сфере. Дальнейшее движение в данном направлении будет логическим продолжением изучения осуждений и обвинений, жанров, играющих значительную роль не только в межличностных отношениях, но и в выстраивании социальных институтов и институтов власти.

Список литературы

1. Актуальные проблемы коммуникации и культуры : Международный сб. науч. тр. – М. ; Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2006. – Вып. 4. – 242 с.
2. Акулова, Е. В. Категоричность и способы ее смягчения в шоу «Давай поженимся!» / Е. В. Акулова // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2013. – Вып. 13. – С. 116–130.
3. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М. : Русский язык, 1989. – 493 с.
4. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – 320 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики – 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.
6. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 52–56.
7. Банковская, Н. А. Прямая оценка как выражение мнения журналиста в современной прессе России и Германии / Н. А. Банковская // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 105–111.
8. Баранов, А. Г. Когниотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А. Г. Баранов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 4–12.
9. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–296.
10. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 220 с.
11. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 81–96.

12. Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 99–111.

13. Вежбицкая, А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации / А. Вежбицкая // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 112–132.

14. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.

15. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 238–250.

16. Верещагин, Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1999. – 84 с.

17. Верещагин, Е. М. «Крайности сходятся» (о тождестве противоположных рече-поведенческих тактик) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 40–42.

18. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

19. Виноградов, С. И. Язык газеты в аспекте культуры речи / С. И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – С. 281–317.

20. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : КомКнига, 2005. – 176 с.

21. Винокурова, О. С. Репертуар речевых жанров в прозе Л. Петрушевской как отражение культурного состояния общества / О. С. Винокурова // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 42–44.

22. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.

23. Гайда, Ст. Жанры разговорных высказываний / Ст. Гайда // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 103–111.

24. Гайда, Ст. Проблемы жанра / Ст. Гайда // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1986. – С. 22–28.

25. Гастева, Н. Н. Диалогические единства с констатирующей исходной репликой в речевом жанре «дружеской беседы» / Н. Н. Гастева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 123–130.

26. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М. : Академия, 1998. – 432 с.

27. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 158–213.

28. Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 23–34.

29. Гольдин, В. Е. Проблемы жанроведения / В. Е. Гольдин // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 4–6.

30. Гуц, Е. Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка / Е. Н. Гуц // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 131–137.

31. Данилов, С. Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре / С. Ю. Данилов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 216–227.

32. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.

33. Дементьев, В. В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность / В. В. Дементьев // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 157–177.

34. Дементьев, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. – 107 с.

35. Дементьев, В. В. «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи / В. В. Дементьев // Вопросы стилистики. Человек и текст. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып. 27. – С. 21–33.

36. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

37. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 34–44.

38. Дмитровская, М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М. А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М. : Наука, 1988. – С. 6–18.

39. Дмитрюк, Н. В. Национальное языковое сознание как средство отражения культуры этноса / Н. В. Дмитрюк // Языковое сознание: содержание и функционирование : тез. докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. – М., 2000. – С. 76–77.

40. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.

41. Дубровская, Т. В. Взаимодействие идеологического и культурного компонентов в современном российском президентском дискурсе / Т. В. Дубровская, Т. В. Харламова // Личность – Язык – Культура : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (23–24 ноября 2011 г.). – Саратов : Наука, 2011. – С. 124–134.

42. Дубровская, Т. В. «Выводы сделали для себя? Или Вас здесь как постоянных клиентов ждать?»: прагмалингвистические характеристики взаимодействия судьи с подсудимым / Т. В. Дубровская // Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика. – 2009. – Вып. 4. – С. 37–43.

43. Дубровская, Т. В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса / Т. В. Дубровская // Юрислингвистика-10 : меж-

вуз. сб. науч. ст. / Т. В. Дубровская ; под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 21–33.

44. Дубровская, Т. В. Методы исследования языка правовой сферы: речезанровая модель / Т. В. Дубровская // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Краков : Изд-во Ягеллонского ун-та, 2012. – С. 55–68.

45. Дубровская, Т. В. О речевом взаимодействии судьи и допрашиваемого в ходе судебного допроса / Т. В. Дубровская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». – 2010. – № 1. – С. 50–57.

46. Дубровская, Т. В. О речевом взаимодействии судьи с представителями обвинения и защиты в жанре судебного допроса / Т. В. Дубровская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. «Филология». – 2009. – № 5. – Т. 2. – С. 135–147.

47. Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дубровская Т. В. – Саратов, 2003. – 26 с.

48. Дубровская, Т. В. Речевые стратегии и тактики подсудимого в жанре судебного допроса (на материале английских стенограмм) / Т. В. Дубровская, Ю. И. Мясникова // Язык в фокусе современных исследований. – Челябинск : Изд-во ЗАО «Цицера», 2013. – Вып. 4. – С. 25–32.

49. Дубровская, Т. В. Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «осуждение» и «обвинение» / Т. В. Дубровская // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – Вып. 5. – С. 123–126.

50. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дубровская Т. В. – Саратов, 2010. – 40 с.

51. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М. : Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.

52. Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – 212 с.

53. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – 287 с.
54. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – 318 с.
55. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – 440 с.
56. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2007. – Вып. 5. – 440 с.
57. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2009. – Вып. 6. – 440 с.
58. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2011. – Вып. 7. – 351 с.
59. Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. – Вып. 8. – 390 с.
60. Жельвис, В. И. Инвектива и этническая константа как факт национального языкового сознания / В. И. Жельвис // Языковое сознание: содержание и функционирование : тез. докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. – М., 2000. – С. 85–86.
61. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи. – М : Наука, 1988. – С. 5–44.
62. Ильина, С. Ю. Косвенная оценочность и средства ее выражения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 1997. – 15 с.
63. Иссерс, О. С. Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи / О. С. Иссерс // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения : межвуз. сб. тр. – Омск : Омский гос. ун-т, 1997. – Вып. 2. – С. 56–76.
64. Капанадзе, Л. А. О жанрах неофициальной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988. – С. 230–234.
65. Капанадзе, Л. А. Способы выражения оценки в устной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988. – С. 151–156.

66. Карасик, А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Карасик А. В. – Волгоград, 2001. – 24 с.

67. Карасик, В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / В. И. Карасик // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 144–153.

68. Карасик, В. И. Ценностная картина мира: межкультурный аспект / В. И. Карасик // Языковое сознание: содержание и функционирование : тез. докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. – М., 2000. – С. 106–107.

69. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.

70. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

71. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

72. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.

73. Китайгородская, М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – 396 с.

74. Китайгородская, М. В. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 103–126.

75. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

76. Кобозева, И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 7–21.

77. Кожевникова, К. Об аспектах связности в тексте как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста : сб. ст. – М. : Наука, 1979. – С. 49–67.

78. Кожина, М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1968. – 252 с.

79. Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М. Н. Кожина // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 52–61.

80. Кормилицына, М. А. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 62–72.

81. Кормилицына, М. А. Категория вежливости в оценочных речевых жанрах / М. А. Кормилицына, Г. Р. Шамьенова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 257–266.

82. Кормилицына, М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 20–25.

83. Кормилицына, М. А. Средства создания эмоциональной тональности газетного текста / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 16–25.

84. Кочеткова, Т. В. Публицистический стиль / Т. В. Кочеткова // Функциональные стили и формы речи. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 65–99.

85. Кошечева, О. В. Жанровое своеобразие речи детей дошкольного возраста / О. В. Кошечева // Предложение и слово : сб. науч. тр. – Саратов : Наука, 2010. – Кн. 1. – С. 173–180.

86. Кошечева, О. В. Жанры общения в повседневной речи младших школьников / О. В. Кошечева // Русский язык в школе. – 2010. – № 12. – С. 27–32.

87. Красовская, О. В. О речевой коммуникации в судебной практике : учеб пособие / О. В. Красовская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 128 с.

88. Красовская, О. В. Судебная коммуникация / О. В. Красовская. – Киев : Реферат, 2008. – 347 с.
89. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – Берлин. – 1994. – № 1–2. – С. 28–49.
90. Лаврентьева, Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лаврентьева Е. В. – Новосибирск, 2006. – 23 с.
91. Ларина, Т. В. Англичане и русские. Язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 360 с.
92. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах : моногр. / Т. В. Ларина. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
93. Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности : коллективная моногр. / под ред. О. А. Дмитриевой. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 228 с.
94. Личность – Язык – Культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 ноября 2007 г.). – Саратов : Наука, 2008. – 364 с.
95. Личность – Язык – Культура : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 ноября 2009 г.). – Саратов : Наука, 2010. – 451 с.
96. Личность – Язык – Культура : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (23–24 ноября 2011 г.). – Саратов : Наука, 2011. – 268 с.
97. Ляпон, М. В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование / М. В. Ляпон // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 24–33.
98. Макаров, М. Л. Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной типологии / М. Л. Макаров // Жанры речи : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 153–162.
99. Матвеева, Т. В. Тональность разговорного текста: три способа представления / Т. В. Матвеева // Stylistyka V. 1996. – Opole, 1996. – С. 210–221.
100. Матевосян, Л. Б. Эмоционально-экспрессивные значения высказывания как отражение языкового сознания и культуры / Л. Б. Матевосян // Языковое сознание : содержание и

функционирование : тез. докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. – М., 2000. – С. 153.

101. Милехина, Т. В. Светская беседа / Т. В. Милехина // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 131–151.

102. Митягина, В. А. Коммуникативные действия в академическом дискурсе: экзамен как жанр / В. А. Митягина // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2009. – Вып. 6. – С. 337–345.

103. Михальская, А. К. Основы риторики. Мысль и слово / А. К. Михальская. – М. : Просвещение, 1996. – 416 с.

104. Мициева, Э. Х. Разграничение жанров, содержащих отрицательную оценку действий оппонента, в деловой речи / Э. Х. Мициева. – URL: <http://rae.ru/forum2011/49/1995> (дата обращения: 30.04.2013).

105. Мурот, В. П. Функциональный стиль / В. П. Мурот // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 567–568.

106. Никитина, Л. Б. Особенности оценки интеллекта в речевом жанре порицания / Л. Б. Никитина // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения : межвуз. сб. тр. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1997. – Вып. 2. – С. 85–88.

107. Николина, Н. А. Типы межжанрового взаимодействия / Н. А. Николина // Русский язык в его функционировании : тез. докл. Междунар. конф. «Третьи Шмелевские чтения» (22–24 февраля 1998 г.). – М. : Русские словари, 1998. – С. 83–84.

108. Носова, Н. О. Речевой портрет дошкольника: жанровый аспект / Н. О. Носова // Возрастное коммуникативное поведение : сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2003. – С. 46–54.

109. Овчинников, В. Сакура и дуб / В. Овчинников // Роман-газета. – 1987. – № 4.

110. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.

111. Орлова, Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра /

Н. В. Орлова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 51–56.

112. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – Теория речевых актов. – С. 22–129.

113. Панов, М. В. Русский язык и советское общество / М. В. Панов. – Алма-Ата : Изд-во КазССР, 1962.

114. Панченко, Н. Н. Сплетни как жанр бытового общения / Н. Н. Панченко // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2007. – Вып. 5. – С. 224–232.

115. Паршина, О. Н. Виды диалога в политическом дискурсе / О. Н. Паршина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 91–98.

116. Паршина, О. Н. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты / О. Н. Паршина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. Власть и речь. – С. 25–34.

117. Полякова, Е. В. Отрицательная оценка в русских письмах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Полякова Е. В. – Саратов, 2001. – 19 с.

118. Полякова, Е. В. Отрицательная самооценка в письмах / Е. В. Полякова // Филологические этюды : сб. ст. молодых ученых. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 260–263.

119. Полякова, Е. В. Письмо-упрек / Е. В. Полякова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 273–278.

120. Попова, Т. И. Агрессивные формулы речевого поведения журналистов: вторичные функции или прямое оскорбление? / Т. И. Попова // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 99–108.

121. Рисинзон, С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете / С. А. Рисинзон. – Саратов : Наука, 2010. – 419 с.

122. Рисинзон, С. А. Функционирование этикетных средств разной степени конвенционализации в институциональном общении / С. А. Рисинзон // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 270–293.

123. Савин, Г. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре современной православной проповеди : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Савин Г. А. – М., 2009. – 207 с.

124. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2004. – 288 с.

125. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2002. – 236 с.

126. Седов, К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. Человек и текст. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып. 27. – С. 9–20.

127. Седов, К. Ф. Банный дискурс (мужское дружеское общение на материале анализа гипержанра РАЗГОВОР В БАНЕ) / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. – Вып. 8. – С. 164–169

128. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

129. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – С. 13–26.

130. Седов, К. Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – 320 с.

131. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.

132. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 170–194.

133. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – С. 242–263.

134. Сикевич, З. В. Национальное самосознание русских / З. В. Сикевич. – М. : Механик, 1996. – 204 с.

135. Сиротинина, О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О. Б. Сиротинина // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 26–31.

136. Словарь современного русского литературного языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1959. – Т. 8. – 1840 стб.

137. Солганик, Г. Я. Введение / Г. Я. Солганик, В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев // Стилистика газетных жанров. – М. : Высш. шк., 1978. – С. 5–19.

138. Старостина, Ю. С. «Человеческий фактор» в парадигме негативной оценки (на материале английской стилизованной разговорной речи) / Ю. С. Старостина // Личность – Язык – Культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 ноября 2007 г.). – Саратов : Наука, 2008. – С. 21–29.

139. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 97–112.

140. Стернин, И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс / И. А. Стернин // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 91–108.

141. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 7–12.

142. Тарасова, И. А. Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации / И. А. Тарасова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2007. – Вып. 5. – С. 300–310.

143. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

144. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 135–170.

145. Федорова, Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

146. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи : сб. науч. ст. / М. Ю. Федосюк. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 66–88.

147. Федосюк, М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» / М. Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Арго, 1996. – С. 73–94.

148. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

149. Федосюк, М. Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1997. – С. 60–73.

150. Федосюк, М. Ю. «Стиль» ссоры / М. Ю. Федосюк // Русская речь. – 1993. – № 5. – С. 14–19.

151. Федосюк, М. Ю. Художественная проза как источник сведений о системе жанров русской речи / М. Ю. Федосюк // Русский язык в его функционировании : тез. докл. Междунар. конф. «Третьи Шмелевские чтения» (22–24 февраля 1998 г.). – М. : Русские словари, 1998. – С. 107–109.

152. Хорнби, А. С. Учебный словарь современного английского языка / А. С. Хорнби. – М. : Просвещение, 1984. – 769 с.

153. Хоцей, А. С. Оценки и ценности / А. С. Хоцей. – URL: <http://library-of-materialist.ru/appraciations.htm> (дата обращения: 30.04.2013).

154. Черкасская, Н. Н. Стратегии и тактики в апеллятивном речевом жанре : дис. ... канд. филол. наук / Черкасская Н. Н. – Ижевск, 2009. – 201 с.

155. Чижова, Л. А. Проявление культурно обусловленных сценариев в речевом поведении представителей разных культур / Л. А. Чижова // Языковое сознание: содержание и функционирование : тез. докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. – М., 2000. – С. 268–269.

156. Шаховский, В. И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России / В. И. Шаховский // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 140–148.

157. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2000. – 368 с.

158. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.

159. Щурина, Ю. В. Речевые жанры комического / Ю. В. Щурина // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 146–156.

160. Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 227 с.

161. Ягубова, М. А. Культурно-речевой аспект оценочной деятельности / М. А. Ягубова // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 118–126.

162. Языковое сознание: содержание и функционирование : тез. докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. – М., 2000. – 288 с.

163. Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 256 с.

164. Adler, N. J. Cross-cultural interaction: the international comparison fallacy? / N. J. Adler, J. L. Graham // Journal of International Business Studies. – 1989. – No. 20. – P. 515–538.

165. Artemeva, N. Rhetorical Genre Studies and Beyond / N. Artemeva, A. Freedman (eds.). – Winnipeg, MA, Canada : Inkshed Publications, 2008. – 224 p.

166. Bauman, R. Speech genres in cultural practice / R. Bauman // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Amsterdam ; London : Elsevier, 2006. – P. 745–758.

167. Bawarshi, A. S. Genre. An introduction to history, theory, research, and pedagogy / A. S. Bawarshi, M. J. Reiff. – West Lafayette, Indiana : ParLOUR Press, 2010. – 263 p.

168. Bazerman, Ch. The life of genre, the life in the classroom / Ch. Bazerman // *Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives* / Ed. W. Bishop, H. Ostrom. – Portsmouth, N. H. : Boynton: Cook, 1997. – P. 19–26.

169. Bazerman, Ch. The production of information for genred activity spaces: informational motives and consequences of the environmental impact statement / Ch. Bazerman, J. Little, T. Chavkin // *Written Communication*. – 2003. – Vol. 20. – Issue 4. – URL: <http://www.education.ucsb.edu/bazerman/articles/4.activityspaces.html> (дата обращения: 18.07.2013).

170. Beeching, K. Gender, Politeness and Pragmatic Particles in French / K. Beeching. – Amsterdam : John Benjamins, 2003. – 246 p.

171. Berk, L. Maternal interaction, private speech, and task performance in preschool children / L. Berk, S. T. Spuhl // *Early Childhood Research Quarterly*. – 1995. – No. 10. – P. 145–169.

172. Berman, J. J. Cross-cultural similarities and differences in perceptions of fairness / J. J. Berman, V. Murphy-Berman, P. Singh // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1985. – No. 16. – P. 55–67.

173. Bhatia, V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings / V. K. Bhatia. – London ; N. Y. : Longman, 1993. – 246 p.

174. Bhatia, V. K. Legal genres / V. K. Bhatia // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Amsterdam; London : Elsevier, 2006. – P. 1–7.

175. Biber, D. Register, Genre, and Style / D. Biber, S. Conrad. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 352 p.

176. Biber, D. Sociolinguistic Perspectives on Register / D. Biber, E. Finegan (Ed.). – N. Y. : Oxford University Press, 1994. – 400 p.

177. Bishop, W. Genre and Writing : Issues, Arguments, Alternatives / W. Bishop, H. A. Ostrom. – Porthmouth, N. H. : Boynton / Cook-Heineman, 1997. – 311 p.

178. Bloor, M. *The Practice of Critical Discourse Analysis: an Introduction* / M. Bloor, Th. Bloor. – London : Hodder Arnold, 2007. – 207 p.

179. *Cambridge International Dictionary of English*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 1774 p.

180. Cap, P. Axiological aspects of proximization / P. Cap // *Journal of Pragmatics*. – 2010. – Vol. 42. – Issue 2. – P. 392–407.

181. Cap, P. Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse / P. Cap // *Journal of Pragmatics*. – 2008. – Vol. 40. – Issue 1. – P. 17–41.

182. Carlos, J. Delivery strategies in classroom lectures: organising the message / J. Carlos, P. Silveira // *Current Trends in Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics* / Ed. Pilar Garcés [et al.]. – Sevilla : Universidad de Sevilla, 2004. – P. 97–114.

183. Corbett, J. Genre and genre analysis // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / J. Corbett. – Amsterdam; London : Elsevier, 2006. – P. 26–32.

184. Cruse, A. *Meaning in Language: an Introduction to Semantics and Pragmatics* / A. Cruse. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 441 p.

185. Donaldson, T. *The Ethics of International Business* / T. Donaldson. – N. Y. : Oxford University Press, 1989. – 224 p.

186. Dubrovskaya, T. Applying metaphor in the English legal discourse / T. Dubrovskaya // *Language, Thought and Education* / Ed. M. Kuczynski, J. Zawodniak. – Zielona Gora : Uniwersytet Zielonogorski, 2008. – Vol. 1. – P. 29–41.

187. Dubrovskaya, T. Cultural specifics in Russian and English judicial discourse / T. Dubrovskaya // *Die Sprache in Aktion: Pragmatik. Sprechakte. Diskurs* / Michail L. Kotin (Ed.), Elizaveta G. Kotorova (Ed.). – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2012. – P. 205–215.

188. Dubrovskaya, T. Politeness and impoliteness in Russian and English courtroom dialogue / T. Dubrovskaya // *Dialogue Analysis XI: Proceedings of the 11th IADA Conference on Dialogue Analysis and Rhetoric, University of Muenster (March 26–30, 2007)* / Ed. Edda Weigand. – 2009. – Vol. 1. – P. 57–68.

189. Dubrovskaya, T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya,

T. Kharlamova // *Philologia Hispalensis*. – 2012. – Vol. XXVI. – P. 107–127.

190. Dubrovskaya, T. Speech strategies in the last word of the sentenced by Mikhail Khodorkovsky / T. Dubrovskaya // *New Developments in Linguistic Pragmatics: 3rd Lodz Symposium* Lodz, 11–14 May, 2006. – Lodz : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2006. – P. 34.

191. Eemeren van, F. H. *Argumentation, Communication, and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective* / F. H. Eemeren van, R. Grootendorst. – Hove and London : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1992. – 236 p.

192. Fairclough, N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London ; N. Y. : Routledge, 2004. – 270 p.

193. Ferguson, C. *Dialect, register, and genre* / C. Ferguson // *Sociolinguistics Perspectives on Register* / Ed. D. Biber, E. Finegan. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. 15–30.

194. Fetzer, A. *Theme zones in English media discourse: forms and functions* / A. Fetzer // *Journal of Pragmatics*. – 2008. – Vol. 40. – Issue 9. – P. 1543–1568.

195. Fontaine, G. *Intercultural problems in the interpretation of evidence: a Yakuza Trial* / G. Fontaine, L. J. Severance // *International Journal of Intercultural Relations*. – 1990. – No. 14. – P. 163–176.

196. Fox, K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour* / K. Fox. – London : Hodder, 2004. – 424 p.

197. Freedman, A. *Genre and the New Rhetoric* (eds. A. Freedman, P. Medway). – Bristol, PA : Taylor&Francis, 1994. – 236 p.

198. French, W. *Intercultural discourse ethics: testing Trompenaars' and Hampden-Turner's conclusions about Americans and the French* / W. French, H. Zeiss, A. G. Scherer // *Journal of Business Ethics*. – 2001. – No. 34. – P. 145–159.

199. Frymar, N. *Axiological aspects of the composition of the English speech genre Euroleague basketball game commentary* / N. Frymar // *Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia)*. – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – P. 155–163.

200. Gamble, T. Kw. *Communication works* / T. Kw. Gamble, M. Gamble. – McGraw Hill, Inc, 1990. – 495 p.

201. Gawliczek-Kapelusz, M. *Themes of speech-genre templates as bearers of values: an axiological study of English refusal letters* / M. Gawliczek-Kapelusz // *Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia)*. – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – P. 137–146.

202. Gee, J. P. *Educational Linguistics* / J. P. Gee // *The Handbook of Linguistics* / Ed. M. Aronoff, J. Rees-Miller. – Malden, Mass., Oxford : Blackwell, 2002. – Blackwell Reference Online. – URL: http://www.blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9781405102520_chunk_g978140510252029 (дата обращения: 18.07.2013).

203. Gephart, R. *Genres at 'Journal of Management Inquiry'* / R. Gephart, C. A. Frayne, D. Boje, J. White, M. Lawless // *Journal of Management Inquiry*. – 2000. – Vol. 9. – Issue 3. – P. 246–255.

204. Gibbons, J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System* / J. Gibbons. – Oxford : Blackwell, 2005. – 337 p.

205. Gross, A. G. *Communicating Science: the Scientific Article from the 17th Century to the Present* / A. G. Gross, J. E. Harmon, M. S. Reidy. – Oxford University Press, 2002. – 280 p.

206. Hall, E. T. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans* / E. T. Hall, M. R. Hall. – Nicholas Brealey Publishing, 1990. – 224 p.

207. Halliday, M. A. K. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective* / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 126 p.

208. Hanks, W. *Language and Communicative Practices* / W. Hanks. – Boulder: Westview Press, 1996. – 335 p.

209. Hardukiewicz, J. *Lexical components of themes and values of English company business profiles* / J. Hardukiewicz // *Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia)*. – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – P. 147–154.

210. Haworth, K. *The dynamics of power and resistance in police interview discourse* / K. Haworth // *Discourse and Society*. – 2006. – Vol. 17. – P. 739–759.

211. Hofstede, G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organisations across Nations* / G. Hofstede. – SAGE Publications, 2001. – 616 p.

212. Johnson, A. *Police questioning* / A. Johnson // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London ; Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 661–672.

213. Kielar, M. *Expressing valuation in press discourse on the 2004 EU enlargement through grammatical structures* / M. Kielar // *Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia)*. – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – P. 71–86.

214. Langlois, C. C. *Do corporate codes of ethics reflect national character? Evidence from Europe and the United States* / C. C. Langlois, B. B. Schlegelmilch // *Journal of International Business Studies*. – 1990. – No. 21. – P. 519–539.

215. Lauerbach, G. *Argumentation in dialogic media genres—Talk shows and interviews* / G. Lauerbach, K. Aijmer // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – Issue 8. – P. 1333–1341.

216. Lauerbach, G. *Argumentation in political talk show interviews* / G. Lauerbach // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – Issue 8. – P. 1388–1419.

217. Llopis, M. A. O. *The analysis of a legal text: Lloyd's Institute Cargo Clauses* / M. A. O. Llopis // *IATEFL ESP SIG Newsletter*. – 1999. – No. 14.

218. *Longman Dictionary of Contemporary English: the living dictionary*. – Pearson ELT, 2006. – 1950 p.

219. *Longman Essential Activator*. Harlow : Addison Wesley Longman Ltd, 1997. – 997 p.

220. Luckmann, T. *Interaction planning and intersubjective adjustment of perspectives by communicative genres* / T. Luckmann // *Social Intelligence and Interaction* / Ed. E. Goody. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 175–189.

221. Metzger, T. R. *Preserving alternative versions: interactional techniques for organizing courtroom cross-examinations* / T. R. Metzger, W. A. Beach // *Communication Research*. – 1996. – Vol. 23. – No. 6. – P. 749–765.

222. Miller, C. *Genre as social action* / C. Miller // *Quarterly Journal of Speech*. – 1984. – No. 70. – P. 151–167.

223. Mills, S. Gender and impoliteness / S. Mills // *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*. – 2005. – Vol. 1. – No. 2. – P. 263–280.
224. Mills, S. *Gender and Politeness (studies in interactional sociolinguistics)* / S. Mills. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 278 p.
225. Murphy, J. M. Mikhail Bakhtin and the Rhetorical Tradition / J. M. Murphy // *Quarterly Journal of Speech*. – 2001. – Vol. 87. – Issue 3. – P. 259–278.
226. *New Webster's Dictionary of the English Language*. – Surject Publications, 1989. – 1824 p.
227. Ogiermann, E. On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures / E. Ogiermann. – Amsterdam : John Benjamins, 2009. – 293 p.
228. *Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia)*. – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – 219 p.
229. Paton, F. Beyond Bakhtin: towards a cultural stylistics / F. Paton // *College English*. – 2000. – Vol. 63. – Issue 2. – P. 166–194.
230. Placencia, M. Research on Politeness in the Spanish-Speaking World / M. Placencia, C. Garcia (eds.). – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 456 p.
231. Poletto, G. The humorous discursive option / G. Poletto // *Современные направления в лингвистике и преподавании языков : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* – М. : Изд-во МНЭПУ, 2007. – Т. I. – С. 23–33.
232. Pomerantz, A. Attributions of responsibility blaming / A. Pomerantz // *Sociology*. – 1978. – No. 12. – P. 115–133.
233. Pratt, M. W. Family worlds: couples' satisfaction, parenting style, and mothers' and fathers' speech to young children / M. W. Pratt, P. Kerig, P. A. Cowan, C. P. Cowan // *Merril-Palmer Quarterly*. – 1992. – No. 38. – P. 248–262.
234. Pratt, M. W. Mothers and fathers teaching 3-year-olds: authoritative parenting and scaffolding of young children's learning / M. W. Pratt, P. Kerig, P. A. Cowan, C. P. Cowan // *Developmental Psychology*. – 1988. – No. 24. – P. 832–839.

235. Rathmayr, R. Pragmatik der Entschuldigungen: Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur / R. Rathmayr. – Böhlau-Verlag GmbH, 1996. – 243 p.

236. Richmond, Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians / Y. Richmond. – Yarmouth, ME : Intercultural press, 1992. – 175 p.

237. Sampson, J. Genre, style and register. Sources of confusion? / J. Sampson // *Revue belge de philologie et d'histoire*. – 1997. – T. 75. – Fasc. 3. Langues et literatures modernes – Moderne taalen letterkunde. – P. 699–708.

238. Schlegelmilch, B. B. The ethics gap between Britain and the United States: a comparison of the state of business ethics in both countries / B. B. Schlegelmilch // *European Management Journal*. – 1989. – No. 7(1). – P. 57–64.

239. Scholes, R. Textual Power: Literary Theory and the Teaching of English / R. Scholes. – New Haven and London : Yale University Press, 1985. – 180 p.

240. Scollon, R. Intercultural Communication: A Discourse Approach / R. Scollon, S. W. Scollon. – Oxford : Blackwell, 2005. – 316 p.

241. Soule, R. A. Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions / R. A. Soule – N.Y. ; London : Bantam Books, 1966. – 528 p.

242. Sowińska, A. Discursive construction and transformation of 'us' and 'them' categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view / A. Sowińska, T. Dubrovskaya // *Discourse and Communication*. – 2012. – Vol. 6(4). – P. 449–468.

243. Sowińska, A. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers / A. Sowińska, T. Dubrovskaya // *Exploring Language Through Contrast*. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 268–287.

244. Sowińska, A. The 'value' of Polish axiological semantics for Critical Discourse Analysis / A. Sowińska // *Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et*

Studia). – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – P. 49–70.

245. Swales, J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

246. Tiersma, P. Language of legal texts / P. Tiersma // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London ; Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 549–556.

247. Tiersma, P. Textualizing the law / P. Tiersma // International Journal of Speech, Language and the Law. – 2001. – Vol. 8. – No. 2. – P. 73–92.

248. Ting-Toomey, S. Intercultural conflict styles: a face-negotiation theory / S. Ting-Toomey // Theories in Intercultural Communication / Kim Y., Gudykunst W. (eds.). – Newbury Park : Sage, 1988. – P. 213–235.

249. Triandis, H. C. The self and social behavior in differing cultural contexts / H. C. Triandis // Psychological Review. – 1989. – No. 96. – P. 506–520.

250. Ucherek, B. The axiological structure of American military songs and its correlations with the genre's compositional patterns / B. Ucherek // Papers and Studies in Axiological Linguistics (Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia). – Wrocław : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Filologicznej we Wrocławiu, 2012. – P. 165–178.

251. Weaver, G. R. Ethics programs in global business: culture's role in managing ethics / G. R. Weaver // Journal of Business Ethics. – 2001. – No. 30. – P. 3–15.

252. Wertsch, J. Continuing the dialogue: Vygotsky, Bakhtin, and Lotman / J. Wertsch, A. L. Smolka // Charting the Agenda: Educational Activity after Vygotsky / Ed. H. Daniels. – N. Y. : Routledge, 1993. – P. 69–92.

253. Wodak, R. Blaming and denying: pragmatics / R. Wodak // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam ; London : Elsevier, 2006. – P. 59–64.

254. Yule, G. The Study of Language / G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 294 p.

Список исследованных материалов

Художественная речь

1. Алексин, А. Собрание сочинений : рассказы; повести : в 5 т. / А. Алексин. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – Т. 1. – 448 с.
2. Алексин, А. Собрание сочинений : рассказы; повести : в 5 т. / А. Алексин. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – Т. 2. – 352 с.
3. Арбатова, М. Мобильные связи : проза, пьесы / М. Арбатова. – М. : ЭКСМО-Пресс ; ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. – 464 с.
4. Ардаматский, В. Суд / В. Ардаматский // Роман-газета. – 1987. – № 17.
5. Быков, Д. Списанные : роман / Д. Быков. – М. : ПРОЗАИК, 2008. – 352 с.
6. Быков, Д. Эвакуатор : роман / Д. Быков. – М. : ПРОЗАИК, 2012. – 336 с.
7. Маканин, В. Лаз : повести и рассказы / В. Маканин. – М. : Вагриус, 1998. – 496 с.
8. Токарева, В. С. Кошка на дороге : повести, рассказы / В. С. Токарева. – М. : ЭКСМО, 1997. – 400 с.
9. Токарева, В. С. Маша и Феликс : повести и рассказы / В. С. Токарева. – М. : АСТ, 1999. – 512 с.
10. Токарева, В. С. Перелом : повесть и рассказы / В. С. Токарева. – М. : АСТ, 1999. – 480 с.
11. Ellis, A. T. The Clothes in the Wardrobe / A. T. Ellis. – London : Penguin, 1989. – 140 p.
12. Fowles J. «Башня из черного дерева» и др. : сб. произведений на англ. яз. / J. Fowles. – 2-е изд. – М. : Менеджер, 1999. – 256 с.
13. Long, K. The Bad Mother's Handbook / K. Long. – Basingstoke and London : Picador, 2004. – 350 p.
14. Maugham, W. S. Selected short stories / W. S. Maugham. – М. : Менеджер, 2000. – 320 с.

15. McEwan I. The Diagnosis. – URL: http://www.newyorker.com/archive/2004/12/20/041220fi_fiction1?currentPage=all (дата обращения: 23.07.2013).

16. Peake, L. Strangers into Lovers / L. Peake. – London : Harlequin, 1981. – 188 p.

17. Spark, M. The Public Image. Stories : сб. / M. Spark. – М. : Прогресс, 1976. – 296 с.

Материалы СМИ

1. Аргументы и факты. – 2009. – № 9 ; 2013. – № 23.

2. Известия. – 2012. – 6 августа, 14 декабря ; 2013. – 25 февраля, 5 марта, 12 марта, 19 марта, 22 марта, 24 марта, 2 апреля, 9 апреля, 10 апреля, 16 апреля, 21 апреля, 23 апреля, 29 апреля, 30 апреля, 6 мая, 17 мая, 19 мая, 22 мая, 29 мая, 31 мая, 4 июня, 11 июня, 14 июня, 20 июня, 27 июня, 30 июня, 9 июля, 10 июля, 19 июля, 22 июля.

3. Комсомольская правда. – 1999. – 22 июля ; 2000. – 16 мая, 26 декабря ; 2001. – 31 января ; 2002. – 12 декабря ; 2005. – 10 мая ; 2009. – 3 марта, 24 марта ; 2010. – 20 августа, 2 сентября, 10 декабря, 24 декабря ; 2011. – 25 марта, 11 сентября ; 2012. – 9 апреля ; 2013. – 8 мая.

4. Новая газета. – 2013. – 30 апреля.

5. Российская газета. – 2012. – 27 февраля.

6. Труд-7. – 2001. – 16 августа.

7. The Daily Mail. – 2006. – 27 июня ; 2008. – 3 июня ; 2009. – 5 февраля, 6 февраля, 15 марта ; 2011. – 29 января, 5 февраля, 18 февраля, 15 мая, 13 июня, 24 октября, 30 декабря ; 2012. – 6 августа, 28 августа, 12 октября, 5 декабря, 26 декабря ; 2013. – 10 февраля, 30 марта, 22 апреля, 7 мая, 8 мая, 5 июля, 7 июля, 11 июля.

8. The Guardian. – 1999. – 21 июля ; 2007. – 2 мая ; 2008. – 8 августа, 31 августа ; 2009. – 16 ноября ; 2012. – 14 октября ; 2013. – 5 июня, 5 июля.

9. The Independent. – 2011. – 4 июня ; 2012. – 4 апреля ; 2013. – 3 февраля, 17 февраля, 1 марта, 4 марта, 10 марта,

13 марта, 27 марта, 29 марта, 31 марта, 8 апреля, 13 апреля,
17 апреля, 28 апреля, 29 апреля, 30 апреля, 1 мая, 2 мая, 5 мая,
7 мая, 10 мая, 17 мая, 11 июля.

10. The Times. – 1999. – 21 июля.

Разговорная речь

1. Ручные записи разговорной речи.

2. Китайгородская, М. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1999. – 396 с.

Список сокращений

- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств
ДТП – дорожно-транспортное происшествие
ИРЖ – информативные речевые жанры
КА – коммуникативный акт
КВ – категория вежливости
КП – «Комсомольская правда»
НГ – «Новая газета»
ПК – партнеры коммуникации
ПРО – противоракетная оборона
РА – речевой акт
РЖ – речевой жанр
РМ 1999 – Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – 396 с.
РП-тактика – рече-поведенческая тактика
РР – разговорная речь
РРР РЗ – русская разговорная речь (ручные записи)
СМИ – средства массовой информации
ТРА – теория речевых актов
ТРЖ – теория речевых жанров
ФРЖ – фатические речевые жанры
ХР – художественная речь
ЧОП – частное охранное предприятие

Научное издание

Дубровская Татьяна Викторовна

**РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ
«ОСУЖДЕНИЕ» И «ОБВИНЕНИЕ»
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

*В оформлении обложки использована иллюстрация с сайта. –
URL: <http://spunesitu.adevarul.ro/>*

Редактор *Н. А. Сидельникова*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*

Подписано в печать 23.01.14. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,81. Тираж 100.
Заказ № 33.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru